

Чăваш патшалăх гуманитари йăслăлăхĕсен институтĕ
Чувашский государственный институт гуманитарных наук

**«НАРСПИ» ПОЭМĂН
ВĂРТТĂНЛĂХĔ ТАТА XX ЁМЁРТИ
ЧĂВАШ КУЛЬТУРИ**

Конференци материалĕсен пуххи

**ТАЙНА ПОЭМЫ «НАРСПИ»
И ЧУВАШСКАЯ КУЛЬТУРА
XX ВЕКА**

Сборник материалов конференции

Шупашкар / Чебоксары
2010

УДК 821.512.111.0
ББК 83.3(2Рос=Чув)
Н 86

*Печатается по постановлению Ученого Совета Чувашского
государственного института гуманитарных наук
от 22 октября 2009 г.*

Редакционная коллегия:

**Ю.М. Артемьев, В.С. Григорьев,
В.А. Ендеров (ответственный редактор), В.Г. Родионов,
Г.Ф. Трофимов (Юмарт), В.Г. Харитонова, А.П. Хузангай**

**Тайна поэмы «Нарспи» и чувашская культура XX века:
сборник материалов конференции.** — Чебоксары: ЧГИГН, 2010.
— 140 с.

Представлены выступления, статьи и тезисы материалов Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня издания поэмы классика чувашской поэзии Константина Васильевича Иванова «Нарспи».

Адресованы научным работникам, преподавателям вузов и учителям общеобразовательных школ, аспирантам и студентам, а также читателям, интересующимся чувашской национальной культурой.

ISBN 978—5—87677—131—5

© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2010
© Коллектив авторов, 2010

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 2008 г. исполнилось 100 лет со времени написания и публикации К.В. Ивановым бессмертной поэмы «Нарспи», которая является не только культурно-художественным памятником чувашской словесности, но и шедевром мировой литературной классики. Указанному событию была посвящена Межрегиональная научно-практическая конференция «Поэма К.В. Иванова «Нарспи» — выдающееся произведение чувашской литературы». Она прошла в Чувашском государственном институте гуманитарных наук 14 октября 2008 г. В сборник включены доклады и сообщения участников названной Межрегиональной научно-практической конференции.

Программа научного форума включала обсуждение следующих вопросов:

- влияние «Нарспи» на чувашскую культуру XX века;
- поэма «Нарспи»: художественно-культурная и духовно-историческая перспективы в XXI веке;
- поэтика тайны и тайная поэтика «Нарспи»;
- религиозно-мистические образы и символика в поэме «Нарспи»;
- мир трансцендентного в «Нарспи»;
- поэма «Нарспи» как послание, попытки разгадать ее пророческое значение в чувашской культуре XX века;
- мифологизация образа Нарспи в чувашской культуре XX века;
- Нарспи как чувашский национальный идеал;
- сверхъестественное в «Нарспи» и его отражение в чувашской культуре XX века;
- категории жизни, смерти и бессмертия в «Нарспи»;
- герметизм и открытость поэмы;
- текст, интертекст и контекст «Нарспи»;
- «Нарспи» как сакральный текст чувашской культуры;
- «Нарспи» и образ судьбы, текст судьбы поэта К.В. Иванова;

— поэма «Нарспи» как модель чувашского бытия: попытки осмысления ее чувашским культурным сознанием современности;

— архетипы и концепты в «Нарспи»;

— «несказанное» в поэме «Нарспи» и попытки его артикуляции в чувашской культуре XX века.

Осознавая гениальную личность Константина Васильевича Иванова в культуре чувашского народа и литературно-художественную значимость поэмы «Нарспи», участники конференции решили обратиться в Министерство культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики с предложением о включении в перспективный план министерства осуществления филологического перевода и издания поэмы «Нарспи» на русском и английском языках, о подготовке и издании научно-популярной энциклопедии «Нарспи», о подготовке энциклопедического издания о классике чувашской поэзии и авторе бессмертной поэмы «Нарспи», которые приурочить к 125-летию со дня рождения К.В. Иванова. Очередной юбилей будет отмечаться в 2015 г.

Издание отдельным сборником материалов Межрегиональной научно-практической конференции есть выполнение касающегося ЧГИГН пункта решения участников научного форума. В нем приняли участие представители министерств и ведомств республики, ученые, профессорско-преподавательский состав ведущих научных и учебных заведений Чувашии, Республики Коми, Марий Эл, Татарстана и других регионов.

В.А. Ендеров.

Ю.М. Артемьев

ЌУТ ЌАНТАЛАЌ КИЛТЕРЁШЛЁХ
(«Нарспи» поэмән 100 сулне
халалланġ пухура каланġ сġмах)

Гений тарġнлġхне тġпреп ġнкарса илес, ġна усс парас тесен, паллах, вулканġн те гений пулмалла. Анчах та хальлġхе ку ёмёт сġс-ха: тен, килġ малашне ун пек тġпчевсġ. Паянхи кун «Нарспи» авторне «гений» тесе хаклани илтġнкелеме пусларġ. Анчах та ку хальлġхе сġмлениġ е пġтġмġшле хак шайġнче сġс-ха. Чġннипе поэтġн генилġхне усс кġтартма сġв тери йывġр. Мġншġн тесессġн шутсġр ерипен сġвхарса пыратпġр «Нарспи» поэмġн шалашġ патне. Утġм хысġġн утġм. Гений шġпи яланах сġвġн пек — ġна хġй пурġнġ (чġрġ) чухне сġнсем «палламасġсġ» тейġн, ун чġн пġлтерġшне ġнкарса илеймесġсġ. Этемлġх аталанġвġн саккунġ мар-ши ку?! Мġншġн сġпла пулатъ-ха? Сġлтавġ, тġпреп илсен, сġвġнта теме пулатъ. Чġн малтан, гений пек шухġшлани, тġнчене курни — хġнġхġ (нимпех те палġрса тġман мильоншар сġнġнни пек) висġ картне лармасть, «нормġран» тухать тейġпġр. Эпир пурте висġене пġхġнатпġр, шухġш-туйġмсем яланхи сулġма туртġнасġсġ — хġнġхġ йġркесем, чарусем, пуслġхсем т.ыт.те. Гений вара услġх орбитине талпġнса тухма хġват сġтерекен сывлġш карапġ пек, сġв ашġм аштарġвġн пġр вġсġмсġр ункġллġ хусканġвġнчен (сġнчġр татġн пек) «тухса ўкет»; Турġ пурни ку. Сġвġнпа та ун тарġнġшне пин-пин (ахаль) сġн кġреймест, ун пултарġвне тивġслġ хаклама та ġс сġтереймест. Унсġр пусне, урни вġртġнлġх (илеме курни-туйни, хġйне майлġ шухġшлани, хġй пġр уйрġм тġнче пулни, хупġнчġклġх т.ыт.те.) кġштах «кансġрлет» те, ютġġнтарать те таврари сġнсене (сġурет кунта ġсла персе! Сġтеймест пулмалла кġштах!). Хутġнма сġмġл мар унпа (йġпписемпе тирет тейġн!), чун алакне хупġ тытать — пылчġклġ урапах кġме хġтланакан сахал мар-сġке-ха.

Обывательпе танлаштарсан, тепёр йышши типсем гений пёлтерёшне пёверпе туйса тараççё. Чылайшё вёсенчен талантсар мар, анчах та Турă пани сахалтарах. Ку ёнтё Моцарта Сальери проблеми. Кёвёçу — çав тери хăрушă чир, въл этем юнне пасаць, курайманлăх туйăмё куçне хура тётре карать...

Çёр çинчи пурнаçне пуранса ирттерсен, тепёерер çур ёмёр иртсен, гение «аса илесçё». Халь ёнтё въл хăрушă мар никамшăн та: чи сывахра пурăннă, анчах та пуринчен те ытларах кёвёçнё, курайман ёстетёсем те сёре кёнё, общество пурнаçё (культура аталанăвё) сўллёрех шая сёкленнё; вара генин чан-чан, ёмёрлёх пурнаçё тинех пусланать, ун вахăчё ситнё теççё.

К. Иванов пулгарулаҳне тёрлё енчен тёпченё çак иртнё сёр сул хушшинче. Ман шутпа, паян илемлё сырулаҳ тёпчевён тёпри тёллевё — «Нарспи» авторён масштабне пур енлён аңкарса илсе тёнче культурин контекстёнче кураçси. Эпир а́на унта лартайман-ха, çак ёсе тума кирлине таҳсанах туйса таратпър пулин те. Çаванта ларма въл тивёслё, анчах ку калама сук пысак та саваплай ёç. Халăхри чи сивёч те таран а́ссен тивёçё ку, çавсен хевте тупмалла, хай тёллён пулаймасть çак ёç. Ниме тунипе çаварса хурайман а́на, Турă «чуп тунă» сыншан сёç вай сёмми ку.

«Нарспи» трагикалла сывлашпа тулса, тапса тарать, мён пуçламашёнчен вёсне ситиччен. Çак трагикалла туртам-сулам вайăмё вулакан чунёнче амаланса унта хуçаланма пикенет — сута та таса ёметсем хура-хаяр сёмлёхёпе черетленсе улшанса пыраççё, шанчак суги йалтаратать, сўнет, каллах йалкашса илет, курайманлăхпа ултав чёр кёмёл пек таса туйамсене таптаççё... Чун диалектикине çаварса илме, çав хатёрен пулаҳлай енёсене (чавашла вариант!) хальччен пулман таранаша кёрсе гений аллипе ёсе кўленнё автор. Йалт чавашла, халăх хевти ка-вак хуппи пек усалать тейён. Çав вахатрах гений мускулё, ша-нарла хевти Софокл, Эсхил, Еврипид орбитине талпанса сёкленет. Авалхи грексен трагикалахё тепёр сунат хушать. Çавна пула чаваш генийён музи поэма пуçламашёнчех машар сунатла — Софокл чунне кашланă синкерлёх самрақ чаваш генийён чунне хёлхем ўкерет. Акă въл ирёклё шухашсен диалогё, анчах та икё пин сул каяллине тепёр хут калани мар.

Çакă сута тёнчере
Вайли сук та этемрен:
Шывсем çинче, сёр çинче
Хуça пулса въл тарать.

Анчах вайла этем те
Хай тёнчине пәханать.
Уқсапала эрехех
Ҙынна әсран кәларать.

Ҙак синкерлө шухаш (уқсапа эрех ёмёлки-витёмё) поэма фабулине витёр шанарлать; Ҙав вәхәтрах вал илемлөх тёнчине кёме май паракан Ҙара уҘси те. Чәнах та иккен этеме уқсапа эрех әсран кәларать: Михетерпе карчәкән, Тәхтаманән синкерлө шапи уқсапа түреммен сыхәннә. Пётём ыра, Ҙутә пуләм-вайәма хуплать, шар кәтартать. Ҙав шутрах хәш-пёр мёлт-мёлт Ҙес кураңса илекен Ҙынсене те әсран кәларать. Сәмахран, «печёк Яго» сәнарә поэмара пысәк пёлтерёшлө. Ҙич-сакәр иёркене хёссе кёртнө автор Ҙак сәнара:

Пёрре пёр Ҙын килчө те,
Тәхтаманпа каласрөҘ,
Нарспи пүртре Ҙук чухне
Пәшәл-пәшәл каласрөҘ.

Тёнче шайёнчи «Отелло» каләпәшпе картнә идея ку, анчах К. Иванов сәмаха пите кёскен, Чехов пек пёрсе Ҙырма пултарать. Гений палли Ҙавәнта та сисёнет. ХыпарҘә тухса кайсан кевёҘу туйәмө каллех вут-Ҙуләм пек хёмленсе каять — Ҙамрәк арәм ұт-кёлеткине саламат кастарать. «Хёне, хёне, Тәхтаман,» Ҙине-Ҙинех илтёнет текст тарәнәшёнче калавлакан сасси. Психологизм хёрүлөхө ұсет кунта. Садистла тискерлөхе, хёнени-асап-лантарнине сывә тән-пуслә вулакан хәйне те ирёксёрленө пек йышәнать. Ирөклөхне таптани Нарспи чунёнче хәрушә шухаш төвёлет, Ҙав печёк хёлхемрен часах чарса чарайми араслә «пушар» сиксе тухать. Автор Нарспи ёҘне малалла кутсе Ҙитнө чунпа, шеллесе сәнать: лару-тәрупа ёҘ-пуләмсен ыткәнуллә аталанавө ун аллинчен вёҘерённө тейөн, вёсем хәй еккипе пыраҘҘө ёнтө. Кәшт каярахпа Сетнер те Ҙав хаяр ёҘе тума хатёрленет, анчах та Нарспи ёлкёрнө иккен. Ҙавәнпа вара автор икө хутчен «вёлерттерет» Тәхтамана. Автор сасси пётёмлетекен приговор пек илтёнет: «Пётрё пёр чун тёнчере, **ЁҘсемшён хупланчө**». Чән та ёнтө, Сетнер шухашпа Ҙес тавать Ҙак ёҘе. Апла пулин те сисёмлө вулакан йәлтах әнланать: автор (төп Түре!) Ҙамрәксен әраскалсәр шапине чун Ҙывәхне илет, анчах Турә Ҙырнинчен

иртме сук. Эпир, вулакансем, шухайшлатпяр та, кунта шухайшламалли вёсё-хёррисёр. Тепёр чухне сәнарсен ёсё-хёлё, вёсен ёмёчё-тёллевё тавлашу та суратма пултарать, пёри пёрне, тепри тепёрне кәмәлать. «Тёрёс тунә-ши Нарспи?» текенсем те пур. Е айәпласёё әна теприсем. Эпир чылай чухне тәплён шухайшласа ситереймесёр, автор шухайшне тарәннән әнкарса илмесёр әна тёрлетме пәхатпяр. Паллах, кунта Илеме туйманни сёс мар, этика кәлтәкё хытә сарәплать теприне. Гений сьрнине хак панә чух уйрәмах асәрхануллә пулмалла ске-ха, теприншён ку вара ним те мар. Гений тарәнәшне кёресси пин-пин сьнтан пёрин пулсан та аванчё. Сапах та тапаланатпяр, хәтланатпяр. Сав тусёмсёрлөх, «мёнех вара: «Нарспи» авторё те пирён пек сынах пулнә» тени юлашки сұлсенче иванововеденире шухайшламасёр, тишкермесёр тиркешес туртам паләрәмёсем суратрё. Паллах, кунта никама та чару сук — хут вараланипе гений сәнё шупкалмё. Паян, «Нарспи» кун сүти курнәранпа сёр сұл иртнё хысёән, сак йәшәлтату хытәрах йәл илсе пынән туйәнать. Унта-кунта илемлё литературәна вёрентекенсем те Нарспи сәнарне тиркесерех (упәшкине вёлерекен!) хаклани, ачасене сәпла вёрентни паләрать. Тёрлё шухайшләх кирлё вәл. Эпё ун пирки мар: гений мёне пула вилёмсёр пулнине әнланса илес пулать малтан тата унән эткерё пётём этемлөхшён пысәк пёлтерёшлё пулнине. Хурал пуртёнчи каласу шайёпе сапәрланса пурәнма намәс пире.

Эстетика пахаләхё сук пулсан хайлавра, вәхәт иртнёсемён вәл сүках пулса юлать, пурринче вара тарәнланса, сёнё енёсемпе усәлса пырать. «Нарспири» трагикалләх е синкерлөх авалхи грексен трагедийёнчи пек терёмёр. Тепёр хут каламалла, «уксәпала эрехех сьнна әсран кәларать» тени чән та вәл сәра усёи пек. Шухайшласа вулакана автор пирвайхи йёркесенчех сакна туйтарать: Михетершён хёрён телейё — пуян упәшкара. Вәл хәй те сёрме пуян, савәнпа та пулас кёрүшён пуянләхёпе хёрё телейлё пулё тесе шутлать: «Хёр телейшён тәрәшса, Пуян каччә шырарәм», «Усрё ситрё, пулчё хёр — Пуян упәшка кирлё», — тет Михетер, ёмётленет. Паянхи бизнес сьннисен е хусасен кусёпе пәхсан, сакәнта ним япәххи те сук пек. Анчах та К. Иванов әс-хакәл, чун-кәмәл пахаләхёпе укса-тенкё (мул) хушшинчи хирёсёве сивёчлетсе парать. Темле пуян пулсасән та сьннән пуянләхё енчөкре мар иккен — чунра, чун пуянләхё кирлё, әс-хакәл пуянләхё кирлё.

К. Иванов җав пуянлаһ шутне юрату туйамне, этемён чысне, сынлаһне кёртет. Җавна хутелессё кёрешүсёсем. Чан малтан — Нарспи. Сетнере қаштах хәюләх җитмест пек курәнатъ. Нарспи хастартарых. Тен, чаваш хёраямён пурнәсри ырянё җаван пекрех пулнә, нушталләрах, җав, тен, хистет хәюлләрах, хастартарых пулма. Е акә тата укса-тенкё пирки. Нарспи уҗә текстпа паләртатъ шухәшне: «Ұстертёр те укшәһән Сутса ярса пётертёр». Каллех Нарспи пуянлаха епле хаклани кунта, тәршшёпех җаван пек.

Трагедиләх пирки тепёр сәнав. Юмәҗ патне кайнине тепёр хут вуласа тухас пулатъ пирён. 60-мёш сүлсем таранах, 70-мёш сүлсенче те илтёнетчё-ха җапла сырни: «Юмәҗ патне кайни вәл, критикалла реализм меслетне шута илсессён, юмәҗ суйине тәря шыв җине қаларни», — тетчёҗ, җаван пек әнлантарса паратчёҗ. Суя пурнәҗ. Чаваш пурнәҗсёнче юмәҗсем вёсем халәха пусмәр-лакансем пулнә, вёсем ултавҗәсем пулнә тесе. Анчах кунта каллех авалхи грексенни пек тарән лартатъ ыйтәва К. Иванов. Грексен җаван пек жрецсем, оракулсем малтанах систерсе каланә пулнә. Сәмахран, Эдип шәпине каласа парасҗё: «Эдип патша, сана хәван ывәлу вёлерет, суралман ывәлу вёлерет» т.ыт.те, т.ыт.те. Чан та җаван пек пулса тухатъ кайран. Шәпа кёнекинче сырни пирки сәмах пыратъ кунта. Әнсәртран пулакан япала мар вәл. Суя мар кунта вәл юмәҗ. Турәсем иккен хирёҗ тәрасҗё, турәсем паләртнә. Җаван пек чухне авалхи грексен туррисем мёнле каласҗё, унтан сын иртеймест. Эдип та җаван пекех, Ясон та җаван пекех, ытти геройсене те илме пулатъ; Софокл, Эсхил, Еврипид геройсене: вёсем шәпа, Турә сырниччен иртеймесҗё. Кунта шәп җав йёрге пырасҗё ёҗ-пуссем. Пәхатпәр та, шура пуслә старик тёрёс сәмах калатъ иккен. Малаллахи ёҗ-пуссем җавна җирёплетсе парасҗё. Нимле суя сәмах та җук кунта. Җывхаракан хәрушләха җав япалана туйса вулакан ун чухнех чун сёмленёвёпе сиссе илет. Суя мар вәл. Юлашкинчен җаван пек пулса тухатъ те. К. Иванов каллех әнсәртран нимён те кала-масть иккен, кёскен, пёрсе сырнә, кунпа пёрлех генилле тарән. Вуланә чухне пирён җав «вәйә йёркине» пәхәнса («вьяямалла») вуламалла. Иванов сёнекен «вәйә йёркине». Унсәр эфир йәнәшма пултаратпәр. Тарән интуициллё старик чёрипе туятъ:

Мёнле вара ку паян?
Чёре чәнах пёлчё-шим?
Суйса парас тенёччё —
Ак тамаша! Тёрёс-шим?

Суя мар иккен ку, грексен трагедийёнчи пек чәнләх. Ҙав рок, шайа кёнеки каллех тёнче литературин чи пысак шайёнчи контекстра паларать. Уйрам мел въл пите пысак пёлтерёшлө. Пушай илем мар, ёҗлекен мел тейёпёр.

Чаваш генийён, калапяр, тепёр черченкёлөхө пирки сәмах пырать поэмара:

Ҙав тер ыра ачана
Турә чунне панә Ҙав,
Кулса сиксе вьялма
Кайак чунө янә Ҙав.
Ҙичө җулхи ачара
Чаваш чунө ларать Ҙав.

Чаваш характерне Сентти сәнарө пите лайах палартать. Ача җеҗ темелле, анчах та җитөннө чаваш чунө те паларать җаканта. Чаваш чунөн черченлөхө, эплө анләлатса каласшән, чаваш генийён черченкёлөхө тесе.

Унсәр пуҗне К. Иванова җакән урлә та тёнче литературин контекстёнче курма пултаратпяр: «Нарспире» пулса иртекен трагедилле ёҗсем мөн пуҗламәшёнчен вёҗне җитиччен вуласа тухнә хыҗҗән пирён чуна кисретсе куҗҗульпе җуса тасатаҗҗө. **Катарсис** тет ун пирки Аристотель, синкер пулам витөмө ёнтө въл. К. Иванов аса вёренмест җавән пек пуранәр тесе. Литературапа искусствән пёр функцийө — воспитани парасси; кунсәр пуҗне, тепёр 20 яхән функци. Литературапа искусство мөн тума кирлө тетпёр? Тем те парасҗө вёсем. Анчах та чи кирлисен, төприсен шутөнче — катарсис. Чи витөмли. Нарспин телейсёр шайпи, инкеклө е трагедиллө кун-җулө тейёпёр, пин-пин вулакан җерине кисретет, хускатать җеҗ мар. Ҙавна пула эпир унпа пәшәрханатпяр вулакансем, пин-пин вулакан. Хамяр чун витёр каларатпяр унән шайпине, унән кун-җулне, хамяра ун ыранне лартатпяр, җавна пула эпир җёнетепёр чунпа, акя мёнре ун вайё! Кун пек произведени чаваш литературинче каллех җук. Катарсис. Ҙавән пек хаватлә, тасатакан вайлә произведени, җавәнпа чаваш хай чунне пёр ёмёр тяршшө, шай та ләп 100 җул ёнтө «Нарспие» вуласа җавать, тасатать, җутатать т.ыт.те.

Нарспин яраскалсәрләхө чунпа макартать, куҗҗуль каларать. Ашшө чунне ним те витеймерө, въл җаплах әнланаймасть: «Мёншён, хёрём, мөн пуртан Юрататән Сетнере?» — тет. Вёсем илме

пынă Нарспи, ашшĕпе амăшĕ. Синкерлĕ ёс-пуç, пулăмсен тĕвви салтăнса пырать ёнтĕ. Кунта Нарспи Сетнерпе пехиллесессĕн ашшĕпе-амăшĕпе пыма килĕшетчĕ, анчах пăхăр-ха — пăрпа вут пек: вĕсем хушшинче нимĕнле килĕшĕ те пулма пултараймасть иккен. «Тепрер каччă тупăпăр», — тет ашшĕ. Кунта килĕшĕлĕх, гармонии тени, сурасулăх пулма та пултараймасть; вĕсем каснă улма пек иккен, вĕснĕ ситиччен пĕрлешеймесĕ икĕ татăк, пĕр улман икĕ пайĕ. Сĕнĕрен тĕвĕленеймест. Трагеди сўлтен килет каллех, сĕр синчи ахаль сынсенчен мар, турăсенчен. Нарспи: «Апла пулсан, килĕшместĕп», — тет. Сетнерпе юлат. Вара ватăсем ылханса тухса каясĕ. Авалхи грексен ылханлă йăхĕсем сич-сакăр сыпăк таран инкек кураçсĕ. Хăрушă ылхан. Ылхан вĕсен пуçĕ сине ўкет, ылханакана тата хытăрах лекет вăл яланах — сўлтен килекен йĕрки саван пек. «Пĕтĕр, типĕр саканта, Типĕр хăрак турат пек! Шăммăр-шаккăр сĕриччен Асапланăр, йытă пек!» — тет амăшĕ. Юлашкинчен ним тăвайман енне тухса каймалли сес юлат.

Нарспи вилĕм витĕр вилĕмсĕрлĕхе ёмĕрлĕхе куçать. Каллех чăваш литературичче пулман кун пекки. Саван пек каланă ёслă сăмах пур: «Эпир вилмен пулсан вилсе пĕтнĕ пулăттăмăр». Шухăшласа пăхăр эсир: сакан пек вилекенсем кирлĕ иккен, сĕр питĕнчен йĕрсĕр-мĕнсĕр сухалас мар тесен. Хай ирĕкĕпе вĕсем вилесĕ, хайсене хайсем парне кўнĕ пек. Чышăн, ят-ратне хисепĕшĕн вилме кирлине анланса илесси — пăхсан сĕлĕк ўкмелли сўллĕ шайра вăл. Кашни тăваймасть ку ёс. Нарспипе Сетнер чун-хавалĕ ситернĕ. Сав иксĕлми хăват съл куçĕ чăваша ёмĕр-ёмĕр вай парса тăрĕ. Сав съл куçа варалас пулмасть пирĕн.

В.Г. Родионов

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭМЫ «НАРСПИ» (60—90-е годы XX века)

Все методы анализа художественного текста проверяются на прочность в первую очередь при интерпретации классических произведений. В чувашском литературоведении таким объектом полигонного испытания всегда была поэма К. Иванова «Нарспи», гениальность создания которой не нуждается в особом доказательстве.

В 30—50-е гг. XX в. советское литературоведение отдавало приоритет исследованиям такой категории марксистской эстетики, как творческий метод, опирающийся на «способ отражения действительности», и «принцип ее типизации» [8. С. 534]. Из всех известных методов самым прогрессивным считался социалистический реализм, с которым мог потягаться лишь критический реализм. Остальные методы (классический, просветительский, реализм, романтизм и др.) включались в состав если не консервативных, то обязательно непрогрессивных направлений и течений.

В 60-е гг. XX в., очевидно, не без влияния хрущевских оттепелей, стали писать о соцреализме как о «исторически открытой системе», в результате чего сильно пошатнулся его былой приоритет. В некоторых докладах на конференции, проходившей в 1966 г. в ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР, прозвучала мысль о прогрессивности других творческих методов, в том числе и романтизма. Устоялись в литературоведении такие новые понятия и термины, как «ускоренное развитие», «синтез методов», «просветительский реализм», «социалистический романтизм» и т.д.

Чувашское литературоведение как составная и малая часть советской науки о литературе не могло развиваться в ином направлении, чем отечественное. В 50—60-е гг. XX в. в иванововедении утвердилась позиция М.Я. Сироткина, согласно которой «в основе всех эпических произведений поэта лежат жизненные явления и типичные социальные конфликты современной ему действительности» [10. С. 26]. Между тем, отмечая критику автором «Нарспи» отрицательных сторон современной ему действительности, М.Я. Сироткин весьма осторожно относился к термину «критический реализм» и избегал споров о творческих методах писателей. Например, когда Н.И. Иванов в 1961 г. выступил в печати о наличии соцреализма в творчестве дореволюционных чувашских писателей, он публично не проявил свою позицию по отношению взглядов своего левачествующего ученика [7. С. 9].

На фоне постепенного размывания границ творческих методов усиливался процесс их синтезирования. Вооруженный идеями Г. Гачева, В. Днепрова и других исследователей того времени, молодой и энергичный кандидат наук Г.Я. Хлебников бросает вызов консервативной группе ученых, т.е. «марксистов

с берегов Кайбулки». «В его поэзии отразились, — писал он о творчестве К. Иванова в 1966 г., — и басенно-аллегорический этап развития литературы («Две дочери», «Железная мялка», «Вдова»), и краткий период критического реализма в своеобразном переплетении с чертами реализма эпохи Возрождения (поэма «Нарспи»)» [13. С. 33].

О романтизме К. Иванова, но уже в поэме «Нарспи», с полемическим азартом выступил бывший воспитанник Казанского университета Ю.М. Артемьев, который резко осудил апологию критического реализма в чувашском литературоведении. «Наша исходная точка, — декларировал он в статье, опубликованной в 1970 г. в разделе «Дискуссии и обсуждения» сборника НИИ при СМ Чувашской АССР, — художественный метод К. Иванова синтетичен, это своеобразный сплав реализма и романтизма» [2. С. 137].

В расшатывании официозных догм консерваторов несомненную роль сыграла позиция и литературоведа А.В. Васильева, который применительно к чувашской литературе второй половины XIX — начала XX вв. использовал термин «просветительский реализм» [6]. За ним о просветительском реализме в чувашской литературе заговорили те литературоведы, которые в определенной степени принимали участие в расшатывании официально принятых и одобренных в партийных кабинетах догм.

В 80-е гг. XX в. сторонники «синтетических» методов в дореволюционной литературе одержали окончательную победу. Автора поэмы «Нарспи» вместо бывшего поэта-демократа начали называть поэтом-гуманистом. Но по инерции споры не отходили от проблем мировоззрения поэта и его творческих методов. Картины чувашского художника Праски Витти, написанные по мотивам «Нарспи» с позиции чувашского мировоззрения и мифологии, натолкнули некоторых литературоведов на подобные поиски и видения. Определяя мифическое начало в поэме как художественный прием, С.А. Александров назвал общим методом данного произведения мифологический реализм, но в конце статьи высказал несколько иную мысль: «Произведение К. Иванова-Прта не уместается в прокрустово ложе метода, оно само создает метод» [1. С. 33]. Ю.М. Артемьев заметил, что «для К. Иванова миф не есть элемент поэтики, а является формой (сущностью) художественного мышления», поэт создает философски осмысленный новый миф» [3. С. 224—225]. В конце

XX в. ученый стал интерпретировать «Нарспи» с позиции народного менталитета, саморазвития национального духа, духовного начала [4]. В недавно опубликованной статье Ю.М. Артемьев развивает мысль о трагической основе «Нарспи» категориями возвышенного и трагического, объясняет поступки, действия и монологи главной героини [5].

В начале нового века со своими интерпретациями с фило-софско-культурологических позиций выступили Г.И. Федоров [12], Г.А. Ермакова [11] и др. [9]. На сегодняшний день существуют несколько самостоятельных пониманий, объясняющих смысл поэмы К. Иванова, но «Нарспи», как удачно определил А. П. Хузангай, «не хочет укладываться в прокрустово ложе сугубо профессионально-гуманитарных интерпретаций» [14. С. 233]. В завершение данной обзорной статьи, следует еще раз выделить следующие положения.

1. Споры о мировоззрении и творческом методе К. Иванова, отражающие борьбу новаторов с консерваторами, продолжались вплоть до конца 80-х гг. XX в.

2. В 90-е гг. XX в. на фоне угасания споров о мировоззрении и методе на первый план выходят проблемы мифологического сознания, национального мировидения поэта, диалога поэмы с величайшими творениями общечеловеческой культуры.

3. В начале XXI в. ученые приходят к выводу, что ни одна из существующих интерпретаций не может претендовать на полную исчерпаемость смысла поэмы, чем объясняется гениальность его творца.

Вектор дальнейших исследований в Нарспиане, как мне видится, должен охватывать целый спектр назревших проблем. В первую очередь все созданные интерпретации должны быть рассмотрены с точки зрения системы ценностей интерпретатора, его этического выбора. По утверждению Э. Хирша, по своей природе все значения субъективных интерпретаций онтологически равны, поэтому их следует соотносить с авторским воплощенным замыслом [8. С. 173].

Следующая проблема затрагивает область творческой истории поэмы «Нарспи». Совершенно верно считает Э. Хирш, что авторское намерение (я хотел бы уточнить: авторский воплощенный замысел) является «центром», «оригинальным ядром», которое организует единую систему значения произведения в парадигме многочисленных его интерпретаций [Там же.

С. 172—173]. Изучение этого «центра» является последовательной и вполне назревшей задачей для продолжения герменевтических исследований в Нарспиане.

В плане онтологически-эстетических целей необходимо продолжение в ивановедении феноменолого-экзистенциалистских исследований. Весьма перспективным видится такой аспект, как типология коэксистенции современников автора «Нарспи», прежде всего, писателей Урало-Поволжья и Северного Кавказа.

Нужны работы, исследующие художественные функции отдельных образов, деталей и частей поэмы с точки зрения ее целостности и цельности. Функциональный подход должен умело сочетаться с изучением читательского восприятия как в плане диахронии, так и в аспекте социально-возрастных групп современных читателей.

Литература и источники

1. *Александров С.А.* Некоторые особенности поэтики поэмы-предания «Нарспи» // Творческое наследие К.В. Иванова. Сб. статей. Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1990. С. 3—33.
2. *Артемьев Ю.М.* К вопросу о художественном мастерстве К.В. Иванова в поэме «Нарспи» // Ученые записки НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР. Вып. 49. Филология. Чебоксары, 1970. С. 136—142.
3. *Артемьев Ю.М.* XX ёмёр пусламăшĕнчи чăваш литератури (1900—1917 çç.). Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1992. 254 с.
4. *Артемьев Ю.М.* Поэзия Константина Иванова как отражение саморазвития чувашского национального духа // *Артемьев Ю.М.* Страсть к полемике. Статьи, рецензии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 64—68.
5. *Артемьев Ю.М.* О трагедийной основе поэмы «Нарспи» // Известия АН ЧР. Чебоксары, 2008. № 1. С. 208—214.
6. *Васильев А.В.* Черты просветительства в дореволюционной чувашской литературе // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып.4. Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1974. С. 57—61.
7. *Иванов Н.И.* К спорам о творческом методе дооктябрьской чувашской литературы // Вопросы метода, жанра и стиля в чувашской литературе. Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1981. С. 3—27.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.
9. *Родионов В.Г.* К проблеме коэксистенции И. Юркина, Н. Шубоссинни и К. Иванова // Современная Нарспиана: итоги и перспективы: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 107—111.
10. *Сироткин М.Я.* Константин Васильевич Иванов (Критико-биографический очерк). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1955. 32 с.

11. Три статьи Г.А. Ермаковой опубликованы в след. книге: Современная Нарспиана: итоги и перспективы: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 120—136.

12. Федоров Г.И. «Хай тѣнчине пӑхӑнать...» (К. Ивановӑн философилле ӑнӑ) //Константин Иванов: Тӑпчев ӗсӗсем / Пухса хатӗрлекенӗ В.Г. Родионов. Шупашкар: Чӑваш патш. ун-чӗ, 2000. 5—25 с.

13. Хлебников Г.Я. Чувашский роман. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. 211 с.

14. Хузангай А.П. Тайна «Нарспи» и чувашская культура XX века // Константин Иванов. Нарспи /Перевод с чуваш. П. Хузангая; художники А. Миттов, Праски Витти; составление, предисловие и послесловие А.П. Хузангая. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 203—253.

М.А. Плоскова

**ВИДЕОВЕРБАЛЬНАЯ ЭТНОКУЛЬТУРА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ XX ВЕКА
«НАРСПИ» К.В. ИВАНОВА
И «МИЧА НЫВ» М.Н. ЛЕБЕДЕВА**

Произведения двух великих поэтов, современников XX века, К.В. Иванова (1890—1915) и М.Н.Лебедева (1877—1951), написаны в духе реализма. В обоих произведениях моносубъекты, жизнь у которых раскрывается как бутон цветка. Произведения отражают историю народов в одном лице, в лице Нарспи (Красавица) и Мича ныв (Красавица). Поэма «Нарспи» была начата в 1907 и завершена в 1908 годах, а «Мича ныв» — в 1919 году. Хотя разница в публикации составляет 12 лет, но в них на первом месте выступает образ времени. В произведении «Нарспи» девушка «дореволюционная», а в «Мича ныв» — «послереволюционная». Рассматривая более детально оперетту «Мича ныв» М.Н.Лебедева, мы обнаруживаем вариант этого произведения более раннего периода, дореволюционного времени, который помещён в сборнике «Избранные произведения», изданном в 1940 году. М.Н.Лебедев в автобиографии пишет, что в Русско-японскую войну ему из Англии присылали три номера революционного журнала «Листки свободного слова», но он не смог получить этот журнал: они были перехвачены жандармами царской охраны, и на допросе М.Н. Лебедева предупредили: «Если за Вами ещё будет

что-нибудь замечено, то Вы будете сосланы туда, куда Макар телят не гонял» [2. С. 21]. Видимо, из осторожности М.Н. Лебедев не печатался, он смог это произведение опубликовать только после революции. Только в 1940 году, через много лет, он напечатал это стихотворение и назвал «стихотворение, написанное до революции», поместил на последних страницах книги «Избранные произведения» [Там же. С. 315—316].

В произведениях К.В. Иванова и М.Н. Лебедева отражается печальная судьба девушек, которые начинают осознавать унижительность смирения и безропотного повиновения нелюбимому человеку, и постепенное проявление у них протеста и мести. Морально чистые, честные девушки в мире «сильных» богачей остаются незащищёнными. Судьбы девушек в произведениях очень похожи, но завершаются по-разному: Нарспи погибает, а Мича ныв заключает брак с любимым человеком. Очевидно, на творчество М.Н. Лебедева повлияло время. Надо сказать, что «дух протеста, дух времени» у М.Н. Лебедева проявляется ещё тогда, когда он сотрудничает (в 1899 году) в нижегородской газете «Волгарь», где печатал рассказ «Отец Телентий». С подобными рассказами поэт мог познакомиться в той же газете, ибо проблема насилия над девушками была особенно актуальна и в этот период времени.

Размер, тема и содержание стиха почти одинаковые. Оба произведения о девушках кажутся динамичными. Оба произведения написаны хореем: «Нарспи» — четырёхстопным хореем с чередующимся неполным четырёхстопным хореем, «Мича ныв» — четырёхстопным хореем с чередующимся полным трёхстопным хореем. В «Нарспи» чувствуем чёткий ритм, движение, быстротекущую жизнь девушки — это песня, а в «Мича ныв» — плавное движение, поиск выхода из бурно текущей жизни, произведение подобно причитанию. «Нарспи» нас привлекает описанием природы в деревне Сильби, песен, хороводов: «Всё понятно, пили-ели, песни пели...», нрава людей: «дружба душу веселит», «студёною водою смойте праздничную лень». Этим самым читателя поэт направляет: помогает понять не только красоту деревни, внешнюю красоту девушки, но и мотивы её поступков. На этой основе мы воспринимаем и чувствуем динамику её жизни, «пороги» её жизни, и жизнь девушки кажется очень долгой. В произведении «Мича ныв» видим только фрагмент жизни девушки,

переживания, презренное отношение к богатому старику, ожидание возлюбленного.

Рассматривая литературные шедевры российской культуры, мы обращаем внимание и на перевод с одного языка на другой. Надо сказать, что на X конгрессе финно-угорских писателей, проходившем 11—14 сентября 2008 г., было подчёркнуто, что «перевод — это не просто пересказ, соблюдение рифмы и подбор лексики к произведению, а перенос душевного состояния одного поэта в душевное состояние другого поэта» (Каталина Надь, Венгрия). При переводе из одного языка на другой необходимо учитывать ценности культуры данного народа, традиции и стереотипы этноменталитета. Этносреда является для человека одним из самых надёжных, психологических щитов. Не пытаюсь полностью рассматривать коми перевод отрывка «Красная девица» из поэмы К.В.Иванова, но хочу раскрыть одну деталь. Чтобы сделать хороший перевод, необходим оригинал, звучание этого произведения на чувашском языке. При переводе с русского языка на коми язык наблюдается тяга к своей национальной культуре, к самобытности, к этноменталитету. Приведём пример*:

«Надо лбом высоким, чистым
Шёлк кудрей, к звену звено,
И звенят на ней монисты
С легким шагом заодно» [1. С. 18].

А коми поэт Н.А. Шукин сравнивает кольца кудрей у девушки с волнами на реке, а лоб у девушки — видимым пространством неба. И ещё пример:

«Утром встанет тихомолком,
Бьёт к ней солнышко в окно,
А она цветистым шёлком
Расшивает полотно» [Там же. С. 19].

В коми переводе девушка встает вместе с утренними лучами солнца, и эти солнечные лучи она переносит на полотно своими

* Тексты с чувашского на русский переведены Б. Ирининым.

«золотыми руками». Таким образом, поэт Н.А. Шукин подводит нас к реалиям, к фактам, к событиям прошлого и подчёркивает истинную красоту чувашской девушки. И при этом он транслирует этнопсихологию коми человека, его национальный характер. Он этого не замечает, его «тянет» на раскрытие образа чувашской девушки со своим миропониманием.

Можно рассматривать и структуру каждой стихотворной строфы, каждого предложения, но для этого надо проанализировать приёмы перевода с русского языка на коми язык произведения К.В. Иванова «Нарспи».

Данный перевод был сделан с целью внедрения в школьную программу поэмы «Нарспи». К фрагменту «Красная девица» был сделан подстрочный перевод М.А. Плосковой на коми языке, а Н.А. Шукиным — отрывок поэмы в стихотворной форме. 8 апреля 2008 г., в честь 100-летия произведения «Нарспи», этот отрывок был напечатан в газете «Коми му» («Коми земля»). По данному отрывку М.А. Плоскова создала видеофильм, где сама читает данный отрывок. Видеофильм используется для того, чтобы точно передать содержание, звучание, мелодику стиха и наглядно представить образ юной девушки. Считаем, что в таком варианте произведение можно рекомендовать учащимся общеобразовательных учреждений Республики Коми для изучения классической литературы народов России.

Л и т е р а т у р а

1. *Иванов К.В.* Нарспи. Поэма / Пер. с чуваш. Б. Иринина; под ред. А.Т. Твардовского. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 128 с.
2. *Лебедев М.Н.* Бӧрйӧм гижӧдьяс (Избранные сочинения). Сыктывкар: Комигосиздат, 1940.
3. Писатели Коми. Библиографический словарь. Том 1: А—Л. Сыктывкар, 1996.

**Секция: ОТРАЖЕНИЕ ЧУВАШСКОЙ
ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ В «НАРСПИ»**

Г.А. Ермакова

**ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ
В ПОЭМЕ К.В. ИВАНОВА «НАРСПИ»**

Картина мира, представленная в поэме К. Иванова «Нарспи», есть результат представления о мире, выработанный в процессе постижения мира, конструирования его в соответствии с логикой миропонимания чувашского этноса, в основе которой находятся в качестве доминанты национально-культурные традиции. Поэма есть структурированная и завершенная картина мира, в ней представлена иерархия смыслов и ценностей чувашского народа, четко просматриваемая через идиостиль художника слова. Стилистическое развертывание дискурса в поэме задается вектором доминантных представлений поэта, определяющих как основные языковые средства, так и способ представления ведущих концептов, составляющих концептосферу чувашского этноса.

Индивидуальная картина мира, явленная в поэме, есть объектная картина в субъективном ее отображении посредством авторизации. С целью глубже познать объект, К. Иванов придает действительности богатство эстетических красок, таким образом, текст, созданный им, передает словесно выраженное знание внешнего мира, и с этой точки зрения К. Иванов — знаковое явление для чувашского этноса.

В тексте поэмы осуществлены творческие потенции К. Иванова, несмотря на то, что было ему в период создания поэмы всего лишь шестнадцать лет. В ней совместились некоторое отдаление от предмета, некоторая его внеличность, и в то же время личностная переработка и восприятие этого предмета, что дало возможность глубокого представления основных концептов культуры чувашского этноса.

Проблема расшифровки семантического пространства художественного текста широко обсуждается в литературоведении. Семантическое пространство поэмы «Нарспи» (мотивы, намерения, интенции) соответствует ментальной модели чувашского этноса. В рамках современной научной парадигмы назрела необходимость посмотреть на поэму с новых позиций — с точки зрения концептуализации ею мира, концептосферы. *Концепция мира, как мы знаем*, — обязательный фрагмент картины мира. Концепция, представленная К. Ивановым, отражает способ понимания и познания мира чувашским этносом, являет его образно-эстетические представления о мире и человеке, о его назначении, ценностях, соответствии высшим общечеловеческим идеалам.

Под концептами когнитивистика понимает достаточно широкий набор ментальных образований, кодирующих в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы. Анализ художественных концептов поэмы «Нарспи» как основных элементов авторского сознания позволил нам обнаружить специфику идиостиля поэта, отражающую его мировосприятие, мифопоэтическое по своей сути. Иерархию концептов мы будем устанавливать по двум критериям: частотности употребления ключевых слов-тем и разветвлению вокруг них разветвленных семантических полей. Система концептов, представленная нами ниже, и семантических полей есть, как нам видится, когнитивная система автора. Содержание концепта в поэме составляет и образ, и понятие, и символ; символы же объективируют и репрезентируют концепты художественного мира К.Иванова.

Поэму «Нарспи» мы исследуем как объект, подчиненный собственным законам существования, к которому применимо понятие универсума. Рассматриваемый универсум включает в себя множество объектов, а также свойства, отношения и функции этих объектов. Под объектами нами понимаются «ключевые слова», образующие ассоциативно-семантические поля и их системы, а также концепты, символы, индивидуальные поэтические мифы. Структура когнитивной парадигмы лирического универсума представляет собой триаду «концепт — символ — миф». Поэма «Нарспи» — совокупность обозначенных единиц, образующая индивидуальный поэтический мир, мифологический в своей сущности. Авторское сознание представлено когнитивно-концептуальной системой, репрезентированной в тексте.

Наша цель — осуществить первый шаг в определении концептосферы поэмы «Нарспи».

Термин «концептосфера» был введен Д.С. Лихачевым по типу терминов А.И. Вернадского «ноосфера», «биосфера». Понятие «концептосфера» помогает понять то, что язык является не просто способом общения, но концентратом, неким «алгебраическим выражением» всей культуры нации. Даже поверхностный взгляд на концептосферу в поэме К. Иванова демонстрирует богатство чувашской культуры, созданное за тысячелетия бытия данного этноса. Мы считаем, что чувашский язык, явленный через поэму «Нарспи», есть язык культуры чувашского этноса, язык в потенциальной форме концептов.

С целью понятия термина «концепт» мы обратимся к трудам С.А. Аскольдова-Алексеева, Д.С. Лихачева, Ю. Степанова. В статье «Концепт и слово» С.А. Аскольдова-Алексеева говорится: «Вопрос о природе общих понятий или концептов — по средневековой терминологии универсалий — старый вопрос, давно стоящий на очереди, но почти не тронутый в своем центральном пункте. Общее понятие, как содержание акта сознания, остается до сих пор весьма загадочной величиной — почти неуловимым мельканием чего-то в умственном кругозоре, происходящем при быстром произношении и понимании слов, как может неясное «что-то», только «мелькающее» в уме, породить четкость выводов?» [1. С. 28].

Ответ на данный вопрос ученый находит в том, что концепты выполняют функцию заместительства: «Чтобы подойти к уяснению природы концептов, необходимо уловить самую существенную их сторону, как познавательных средств. Эту сторону мы видим в функции заместительства» [Там же].

Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам неопределенное множество предметов одного и того же рода. С.А. Аскольдов, поясняя значение концепта, говорит: «Не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов. Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных явлений, может быть заместителем разного рода хотя бы и весьма точных, но чисто мысленных функций. Особенность заместительной способности, думает ученый, состоит в том, что она основана иногда только на концепции совершить то или иное «замещение» [Там же].

Д.С. Лихачев в отличие от С.А. Аскольдова полагает, что «концепт существует не для самого слова, а для каждого основного (словарного) значения слова отдельно», он считает концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения, которым люди оперируют в устной и письменной речи, ибо «охватить значение во всей сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его» [3. С. 495].

Заместительная функция концепта, по Д.С. Лихачеву, облегчает языковое общение, так как помогает преодолевать несущественные, имеющие место быть различия в понимании слов, их толковании. Согласно Д.С. Лихачеву, какое из словарных значений слова замещает собой концепт, выясняется из концепта общей ситуации. Д.С. Лихачев полагает, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Потенции концепта тем шире, чем богаче культурный опыт человека.

И слово, и значения, и концепты этих значений существуют не сами по себе, а в определенной человеческой «идеосфере». Потенции, открываемые в словарном запасе языка, Д.С. Лихачев обозначил термином «концептосфера». Национальная концептосфера соотносима с историческим опытом нации. Концепт «скрывает за собой всю сложность и все обилие словарного смысла», он, согласно Д.С. Лихачеву, имеет смысл своего существования в «неустановочной» роли в языке.

В словарном запасе имеется четыре уровня:

первый — сам словарный запас (включая фразеологизм);

второй — значения словарного типа, как они определяются в словарном лексиконе;

третий — концепты — некоторые подстановки значений;

четвертый — концепты отдельных значений слов, которые зависят друг от друга, составляют некие цельности, которые Д.С. Лихачев определил как «концептосферу».

Особое значение в создании концептосферы чувашского этноса принадлежит К. Иванову. Исходя из того, что в концептосферу входят и названия произведений, которые в свою очередь через свои значения порождают концепты, обратимся к названию поэмы К. Иванова «Нарспи». Будем исходить из того, что в концептосферу чувашской культуры данное слово вошло.

Когда мы произносим его, имеем в виду несколько значений этого слова:

- первое — название поэмы К. Иванова;
- второе — героиню данной поэмы;
- третье — определенного типа человека.

Эти концепты будут в пределах контекста различаться по смыслу и потенциям. В потенции в нашем сознании со словом «Нарспи» возникает целый мир сельской жизни, мир чувашского характера, сословия и возрастных особенностей, мы видим село Сильби, его жителей, природу, обычаи, традиции, быт, манеру общения. Считаем, что поэма «Нарспи» — это своего рода заместитель культуры чувашского народа, ибо концептосфера чувашского языка, созданная К. Ивановым, богатая, она есть концептосфера культуры чувашского этноса, бинарная в своей основе.

Язык поэмы в потенции является «заместителем культуры» чувашского народа, ибо он сконцентрировал в себе духовное богатство чувашского народа, как это удалось осуществить А. Пушкину, М. Сеспелю, Ю. Скворцову через свои произведения. Если кто-то из литературоведов сможет обозначить, не скажем все, а основные потенции этого текста, то мы убедимся в богатстве концептосферы указанной поэмы К. Иванова, концентрирующей народную, религиозную, светскую культуру чувашского этноса.

Согласно Ю.С. Степанову, концепт — это «ментальное образование», ступки культурной среды в сознании человека, он рассматривает не понятия, существующие в умах людей, а концепты, существующие в культуре. Пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, с его точки зрения, и есть концепт [5. С. 9—10]. Принимая воззрения всех, мы предпочтение отдаем все же точке зрения Ю. Степанова.

В отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий, антипатий, столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека. У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия, с другой стороны, в структуру концепта входит все, что делает его фактом культуры, — исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания истории.

Какова структура концепта? В понятии, как оно изучается в логике и философии, различают:

объем — класс предметов, который подходит под данное понятие;

содержание — совокупность общих и существенных признаков понятия, сопутствующих этому классу.

В математической логике (в системе Г. Фреге, А. Черга) термином «концепт» называют лишь содержание понятия. Таким образом, термин «концепт» становится синонимичным термину «смысл», в то время как термин «значение» становится синонимичным термину «объем» понятия: концепт = смысл, значение (денотат) = объем понятия.

В науке о культуре термин «концепт» употребляется, когда абстрагируются от культурного содержания, а говорят только о структуре, — в общем так же, как в математической логике.

Учитывая, что константа в культуре — это концепт, существующий постоянно или очень долгое время, обратимся к концептам чувашской культуры, имеющим место в поэме «Нарспи»:

В «Нарспи» представлены, как мы заметили, ведущие концепты культуры чувашского этноса. Расположены они, по нашему мнению, в двух ведущих плоскостях бытия: Космоса и Хаоса, создавая, таким образом, концептосферу чувашского этноса. Жизнь: Хаяр пурнăç — Ырă пурнăç, Ăшă суркушне — Сивё хёл. Время: Ахăрсамана — Илёртүүлё самана. Люди: Юлташсем — Тăшмансем, Ырă — Усал. Отношения: Юрату — Курайманшăх, Турă пек пурнăç — Арсури пек пурнăç. Пространства: Уйсем — Сырмасем, Тусем — Ту хушшисем. Род: Ашшĕ, амăш юратăвĕ — Ашшĕ, амăш вăршни. Поведение: Юрлани — Хуйхăрни. Природа: Тёттём вăрман — Сутă уй. («Йывăç ларать улăп пек Тёттём сёрте кашласа»).

Кроме того, ведущие концепты образуют вокруг себя разветвленные семантические поля. Обратимся к ним. Природа: окружающий мир, лес, деревья, цветы, небо, звезды, животные, земля, родная земля, чужая земля, гроза, дождь, хлеб, семя... Стихии: земля, вода, огонь, ветер. Мир — Пространство: день, ночь, гора, щель, мировое древо. Координаты мира: здесь, там, вход, выход, дом, ограда, стороны света. Время: вечность, мгновение, день, ночь, зима, весна. Обычаи: сваты, свадьба, весенний праздник, масленица, симек, заговоры, знахарство, голос, чудо, ад. Языческие боги:

Пихамбар, Великий Пюлех. Союзы людей: род, семья, община, отец, мать, отроки, невестка-сноха. Общество: круговорот общения, доверие, лад (сурастару), роли, маски, тайная власть, мир, вражда. Нравственный закон: совесть, суд совести, стыд, грех, мораль, домострой, Закон Божий, заповедь, мученики. Человек: свободный человек, личность, права человека, дума, ангел, женское начало, мужское начало. Состояние и чувства: беда, вера, грех, доверие, забота, знание, искупление, любовь, радость, слезы, отчаяние, страх, стыд, тошно, «хочу», целомудрие, чувство личной свободы. Ментальный мир: сущность, существование, слово, мир видимый, невидимый, срединное бытие. Хозяйство: дом, амбар, земледелие, деньги, пахота, посев, хлеб. Счет и мера: счет времени. Древняя чувашская вера: Бог, грех, искупление. Концепты, получившие особые чувашские собственные имена: Нарспи, Сетнер, Сентти, Тяхтаман, Михетер. Концепты, получившие особые названия деревень: Силпи, Турикас, Хушялка.

Литература

1. *Аскольдов-Алексеев С.А.* Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. Л., 1928. С.28—44.
2. *Иванов К.* Собрание сочинений (Сырнисен пуххи). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 460 с.
3. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // *Лихачев Д.С.* Раздумья о России. СПб.: Изд-во ЛОГОС, 1999. С. 493—505.
4. *Кузнецова А.В.* Когнитивная парадигма художественного универсума: концептуализация и художественность // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы Третьего Международного конгресса исследователей русского языка. М.: МГУ. 20—23 марта 2007. С. 440—441.
5. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Язык русской культуры, 1997. 894 с.

Г.А. Ермакова, А.М. Ермаков

ТРАГИЧЕСКОЕ В ПОЭМЕ К. ИВАНОВА «НАРСПИ»

В поэме К. Иванова «Нарспи» рассматривается проблема трагизма человеческого существования, представляются мотивы философии экзистенциализма. Поэту, как видно из текста, было свойственно ощущать трагичность индивидуального

человеческого существования, он через образ Нарспи показывает не только свет, но и мрак человеческой души, боль человеческого существования. Сгущение темных красок — это не декадентский прием той эпохи. К. Иванов, как Л. Шестов, смог показать человека в ситуации «бездны на краю», то есть той ситуации, которую позже назвали экстремальной. «Подполье» человека толкает его на поиски выхода из «подполья», что видим на примере действия Нарспи (отравление мужа ядом).

В 1859 г. вышла книга Л. Шестова «Добро в учении графа Толстого и Ф. Ницше», в 1903 г. — «Достоевский и Ницше», в 1905 г. — «Апофеоз беспочвенности» (Опыт адогматического мышления, СПб.). Имея тягу к познанию, К. Иванов не мог не прочитать данные книги, задуматься над трагичностью человеческого бытия.

Антиномические пары образов (свет — тень, радость — слезы), представленные в начале поэмы, явление для К. Иванова не случайное. Это, как мы считаем, призвано демонстрировать абсолютную (метафизическую) антиномичность мирового универсума в целом. Это переплетение и взаимообусловленность сакрального и inferнального, «света» и «тени», «добра» и «зла» является, по мнению К. Иванова, источником и причиной «ужасов» действительности и мук человеческих: физических и нравственных страданий.

Здесь мы позволили себе смелость сказать, что очевидна связь данного миропонимания с представлениями гностиков, учениями которых увлекались молодые люди конца XIX — начала XX веков, подпитывая его трудами Ницше. Нам кажется, что в эстетической модели мира, явленной в поэме «Нарспи», отражены и гностические представления о мире, как греховной материи, порожденной Демиургом, но отражаются они имплицитно (подспудно) и в соответствии с законами эстетического творчества. Достигается это посредством актуализации в поэме темы отпадения человека от промысла Божьего, нарушения высшего нравственного закона.

Пребывание мира во зле иллюстрируют главы, где говорится о негативном отношении к дочери отца и матери Нарспи, где описывается разгул Ахърсамана: убийство отца и матери Нарспи, Сетнера.

Забывание промысла Божьего приводит к повышенной хаотичности бытия (Ахърсамана), к морально-этической

дезориентации людей, к утрате способности различать Добро и Зло, к потере порядка, а его терять, с точки зрения народной философии и Библии, нельзя, по этому поводу в «Послании к римлянам» сказано: «Что от Бога, то упорядочено». Таким образом, мы можем сказать, что К. Ивановым осмысливается ведущий мотив литературы — мотив выбора жизненного пути.

Выбор ориентации на земное, «дольнее» — сознателен для Нарспи. Она переступает через Божий Закон, чтобы в такой форме показать свой бунт против антигуманности мира (антигуманности отца и матери, мужа). Сам бунт Нарспи К. Ивановым сакрализуется, получает оправдание. Жители Сильби не забывают Нарспи, ее могилу в засушливый год поливают водой, вспоминают ее песни.

Чувство вины за содеянное зло понуждает Нарспи принять на себя ответственность за все зло человеческого бытия. К очищающему душу великому страданию она сделала шаг, крестную ношу она пыталась вынести, но не смогла. А кто смог в поэме? Народ Сильби смог, поэтому ему и открывается в поэме истинное знание — умение жить по Закону Божьему, умение прощать и помнить, сохранять порядок.

Нам кажется, что поэма выстроена на взаимодействии двух основных смысловых рядов: символического изображения действительности (через образы Ахърсамана, леса) и реалий жизни (село Сильби, его обитатели, их быт). Эти два ряда призваны открыть читателю трансцендентный смысл изображаемых в поэме событий: жить следует по высшим нравственным законам («что от Бога, то упорядочено»).

Следует сказать и то, что, изображая отдельные лакуны, К. Иванову удалось представить жизнь России в целом в конце XIX — начале XX веков. Образуя антиномию Божьего — не Божьего начал, поэту удалось показать метания главной героини между Добром и Злом, ее невероятные страдания, сказав тем самым, что путь человека в этом мире противоречив, неоднозначен, что он вольно или невольно встречается с проявлениями Зла, иногда сам творит его, оставляя нам наказ: творите Добро, что дается также весьма нелегко, ибо каждый из живущих есть сосредоточение и Зла, и Добра. Весь вопрос в том, какой выбор осуществит человек. Но все же концепция исторического процесса с точки зрения К. Иванова — это

концепция «вечного возрождения», не порочного круга, а гармонии, любви, и через них познание полноты бытия.

Литература

1. *Иванов К.В.* Собрание сочинений (Сырнисен пуххи). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 460 с.
2. *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы // *Соколов А.Г., Михайлова М.В.* Русская литературная критика конца XIX — начала XX века. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 1982. 350 с.
3. *Протт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1986. С. 23.

Г.А. Ермакова, А.М. Ермаков

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СИЛ ХАОСА И КОСМОСА В ПОЭМЕ К. ИВАНОВА «НАРСПИ»

Творчество К. Иванова движимо стремлением осмыслить полярность мироустройства. В начале поэмы мы видим, как мир небесный, божественный, сакральный проникает в «сей мир», даруя ему жизнь. Подобный взгляд на мир был заложен в учениях древнегреческого философа Платона, сказавшего о существовании двух миров: здешнего, земного, и потустороннего, высшего, совершенного, вечного, — продолжен в учениях В. Соловьева, звавшего «вырваться из власти вещественного и временного бытия к потустороннему — вечному и прекрасному миру» [4. С. 5]. Идея о двух мирах — «двоемирие» — была усвоена символистами, просматривается она и в поэме К. Иванова «Нарспи»:

Хёвел савать тёнчене,	Горячо лаская, солнце
Хёл ыйхинчен в́ратса.	Будит землю ото сна*.

В поэме множество полярных образов. Герои поэмы, исключая Сентти, находятся на «пограничной черте света и тени», жизни и смерти, Космоса и Хаоса — двоемирия, что

* Здесь и далее тексты даны в переводе П.П. Хузангая.

изящно и тонко было представлено еще в поэме Михаила Федорова «Арсури». Бинарные оппозиции (жизнь и смерть, миг и вечность, красота и безобразие, добро и зло, верх и низ, ночь и день, зима и лето, любовь и ненависть, тихое и звонкое, покой и беспокойство, свет и тень, белое и черное, небесное и земное, божеское и дьявольское, радость и печаль, улыбка и слеза, ручьи и лед, равнина и овраги, сила и бессилие, трезвость и пьянство, веселье и печаль, молодость и старость, песни и плач, праздники и дни труда, громкость и тихость, богатство и бедность...), нам кажется, выполняют интегральную функцию, они имеют место в поэме по причине стремления автора текста понять антагонистичность жизни. Об антагонистичности бытия, о тайной силе, что правит миром, повествуется уже в первой главе поэмы, поэт говорит о силе человека, но в то же время он сообщает и о той силе, что превышает его:

Сака̄ с̄утӕ тӕнчере	Нет сильнее человека
Вӕйли сук та этемрен...	Во вселенной никого...
Анчах вӕйлӕ этем те	Но владыка мира, миру
Хӕй тӕнчине пӕхӕнать.	Человек покорен сам.

На рубеже веков, как видно из истории, обостряются кризисные явления, исключением не стал рубеж XIX—XX веков. Д.С. Мережковский в статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» заметил: «... Люди стоят на пограничной черте света и тени, всем существом мы чувствуем близость тайны, близость океана» [2. С. 266]. Не об этом ли сообщается и в поэме К. Иванова «Нарспи»?

Бинарные оппозиции определяют качественную структуру бытия, характеризуя пространственные, временные, цветовые, природно-естественные, культурно-социальные противопоставления. Основная бинарная оппозиция — сакральное — профанное. Сакральное у поэта связано с гармонией, красотой, светом, добром. Антиподом сакрального являются хаотические пласты, несущие отрицательную семантику.

Таким образом формируется ведущая в поэтике К. Иванова оппозиция земного и небесного. Художественное пространство первой главы «В селе Сильби» наполнено солнцем, сиянием. «Под живительным огнем / На холмах трава густая / Проби-

вается кругом», оживают леса, слышатся голоса птиц, ручьев: «Солнце, словно вышивая, По воде лучом скользит».

Мотив солнца задан в самом начале поэмы. Глаголы (*пáхрĕ* хёвел — смотрит солнце, *ирĕлчĕ* юр — растаял снег, *тухатъ* кураĕ — пробивается трава, хёвел *хĕртем* — жжет солнце, *кĕрлет* шыв — журчит вода) занимают сильную позицию, с их помощью автору удастся представить силу действия мира сакрального. Образ солнца, как видно из текста, развивается, создавая картину весеннего дня, но в мотив радости бытия художник слова вкрапливает мотивы холодных слез, печали, которые в полный голос заговорят в других главах, представляя мысль о том, что жизнь есть единство и борьба противоположных начал бытия — Космоса и Хаоса. Весь вопрос в том, какой мирообраз одерживает победу в поэме К. Иванова «Нарспи»: Космоса или Хаоса, или оба мирообраза, существуя в едином поле бытия, являют собой пространство жизни? На этот вопрос литературоведы отвечают уже целое столетие, но точка еще не поставлена.

Потрясения, происшедшие в конце XIX века, привели к сдвигу в художественном сознании — зародился новый тип культуры, находящийся к оппозиции и культуре Нового времени (Новое время, или Modernity, длившееся с эпохи Просвещения). Классическое литературное произведение стремится представить универсальной образ мира — показать преодоление Хаоса и утверждение мирового порядка между человеком, социумом, природой. Художественный образ Космоса всегда присутствовал и завершал собой произведение как художественное целое. Образ Космоса имеется и в поэме «Нарспи», он просматривается через наглядно зримые образы, являющиеся изначально символами миропорядка и бесконечности жизни, — это образы солнца, неба, земли, света, круговорота природы, звезд, образы любви, дома, матери.

Но как представлены эти образы в последней, четырнадцатой главе «Четыре смерти»? Солнце село, ночь настала, звезд не видно, мать и отец Нарспи убиты, дом продать хотят односельчане. Все, как кажется на первый взгляд, разрушено, свет исчез, Хаос восторжествовал, но жители Сильби:

...могилу окружили
из орешника плетнем,

то есть проявили заботу. Появляется образ круга — символ вечного возвращения, миропорядка. После ночи «заалел Восток»:

Хёвел тухрё, сүталчё, Заалел Восток — он снова
Чаваш ёсе тытнань. Принимается за труд.

Появляются образы солнца и света, через них К. Иванов тихо, но емко сообщает о том, что миропорядок не уничтожим.

Оппозиция «земное—небесное» организует вертикальную плоскость — аналог мифологической мировой оси, на которой мыслится мир прави (верх), мир яви — где мировая ось входит в землю, мир нави — низ. Так в поэме «Нарспи» мир яви преобразуется миром прави, но действия людей приносят в мир яви Хаос (Ахърсамана). Так мать и отец Нарспи показываются то проявляющим заботу о дочери, то характеризуются негативно:

Ашшё-амаш ухмахран Из-за глупости отца и матери
Пётрё хуйхъ-суйхъпах... Пропала в горести и печали...

Таким образом, К. Иванов сообщает о том, что пространство срединного мира, очищаемое солнцем, загрязняется действиями людей. Но в хронотопе все же проявляется верх:

Хёвел тухрё...

Линейное пространство также конструируется противопоставлениями: Восток — Запад, с востоком связаны новый день, восход солнца.

Горизонтальный пласт связан с водной стихией. Так же, как в мифах, воды, мы считаем, выступают как первоэлементы Вселенной, связывают вертикальные противоположности — небо и землю:

По оврагам, по ложбинам
Вешних вод журчат ручьи...

Образ воды является символом времени, мгновения и вечности. Время (зима и весна) и пространство (овраги и горы) объединены в полярный и целостный хронотоп.

Оппозиция — земное время и вечное — просматривается в поэме:

Миновал беспечный калам,
Время к севу подошло...

Ритм Вселенной К. Иванову удалось представить через мотив «вечного возвращения» — круга, объединяющего время и пространство:

Чередой работать будем...
Время выехать и в поле...
Заалел Восток — он снова
Принимается за труд.

Непрерывно колесо времени в рамках суточного и годового циклов. В этом кругу повторяются сакральные временные отрезки, они говорят о вечной силе, о той силе, о которой К. Иванов сказал в первой главе поэмы:

Но владыка мира, миру
Человек покорен сам...

Сакральное присутствует на протяжении всей поэмы:

Занялась заря, улыбку
Шлет последняя звезда (1 глава);

Звонко с желоба струится
Родниковая вода,
Серебром блестит на солнце
И сегодня, как всегда (3 глава);
Месяц рад земли покою,
С неба ясного глядит (3 глава);

Хёвел сугтин пайёрки
Урай тәрәх ав шавать (5 глава);
Йываҫ ларать, Улап пек,
Тёттём сёрте кашласа,
«Чипер кайяр!» — теет те

Вон лучи упали на пол
Наподобие снопа (5 глава).
Дуб стоит во тьме, как Улап-
Великан, шумя листвою;
Говорит: «Счастливым путь
вам!» —

Пусне таять сул парса.

И кивает головой (6 глава).

Пространство и время у поэта связаны с человеком: лучи солнца играют в волосах человека, дерево напутствует влюбленным. Они антропогенны. Герои поэмы «Нарспи» живут по солнечному природному времени. В годовом цикле К. Иванова весна — время воскресения, она уносит холод зимы, даря радость бытия. Весной можно петь вместе с природой, слиться с ней:

Выртать ч'аваш, улпут пек,
Шух'ашламасть 'астина,
Пётём урам т'ар'ашшён
К'ашк'арать хай юррине.

Пространственно-временные оппозиции втягивают в свой круг и другие константные в поэтике К. Иванова противопоставления (жизнь — смерть, свет — тьма, гармония — хаос). Наррация строится, нам видится, не по принципу цепочки, что характерно для многих художественных текстов, а спирали, где очередная спираль повторяет с определенными вариациями все остальное, и бесконечное повторение сюжетного ядра, что обозначено уже в первой главе через образы солнца и слез, тепла и холода, свивается в целое, это целое содержит полифоническое единство: мир полярен и един, в нем присутствуют силы Хаоса и Космоса, «живительного огня» и великой скорби.

Таким образом, поэту удалось создать свой инвариант о действительности, показать лики Хаоса (Ах'арсамана), сказать, что в мир все же возвращаются силы Космоса: «И поныне сильбияне / Суховеяною порой / Поливают дерн над нею / Родниковую водой».

Обряд поливания дерна над могилами весьма древний, он восходит к палеолиту. В глубокой древности существовал он по отношению к захороненным костям животных, связан с древнейшими представлениями о единстве человека и мира. Человек закапывал кости животных и поливал их водой, обозначая тем самым возможность их возвращения на землю. Гармония, с точки зрения древнего человека, должна быть восстановлена путем посева и полива костей животных: «посеянные кости дадут всход», животные возвратятся к жизни, в мире таким образом сохранится порядок [3. С. 23]. Мы вправе провести аналогию: поливая дерн над могилою Нарспи, жители

села Сильби как бы символизировали то, что душа Нарспи не забыта, что она, возможно, возродится — «кости дадут всходы», таким образом, нарушенная гармония восстановится. В настоящее время подобные обряды сохранились у гиляков на Сахалине, айнов на острове Езо, в Японии. Этот обряд отражен в скандинавском мифе о козлах бога Тора: после того, как козлов съели, «бог Тора воскресил их из костей» [Там же], в сказках чувашского этноса. Сходный мотив имеется и в Библии, в видении Иезекииля (Иезек. 37, 1—14): «...иссохли кости наши, и погибла надежда наша, мы оторваны от корня... вложу в вас дух Мой, и оживете». Исходя из сказанного, мы можем заметить, что К. Иванов опирался в своем творчестве на миропонимание древних, значит, истоком творчества поэта является народное мировидение, в основе которого заложена тяга к сакральному.

Л и т е р а т у р а

1. *К. Иванов*. Собрание сочинений (Ўырнисен пуххи). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 460 с.

2. *Мережковский Д. С.* О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы // *Соколов А. Г., Михайлова М. В.* Русская литературная критика конца XIX — начала XX века. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 1982. 350 с.

3. *Протт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1986. С. 23.

4. Серебряный век русской поэзии / Сост., вступ. ст., примеч. Н. В. Банникова. М.: Просвещение, 1993. 432 с.

М. П. Желтов

ХАЛЬХИ ВӀХӀТРИ НАРСПИ

Нарспи вӀртӀнлӀхӀе чӀнлӀхӀе историре кӀна пӀлӀрма пултарать. ЏавӀнна та Ӏна чи малган авалхи вӀхӀтра шыраса пӀхмалла. ПирӀн шутӀа, КӀҫтенттин Иванов «Нарспи» поэмӀра чӀнласах та чӀваш халӀх юмахне ҫырсӀ кӀтартӀнӀ. Иван Яковлев ку хайлава цензурӀран пытарас тесе мар, вӀл шӀп та лӀп халӀх сӀмахлӀхӀе шӀйӀнче пулнине шута илсе Ӏна юмахсен кӀнекине кӀртӀнӀ. Авалхи чӀвашсем К. Иванов ҫырсӀ кӀтартӀнӀ юмаха лайӀх пӀлӀнӀ

пек туйанатъ. Мёнле юмах-ха въл? Усар-ха мифологи словарьне [1. С. 369]. Унта Митра, Мгер, Михра тенисем хёвел турă пёлтерёшепе сурени синчен сырнă. Поэмăри Михетер санарёпе пёр килмесё-пи вёсем? Михетер хёвел турă пулсан, унн хёрё Нарспи хёвел хёрё пулма кирлэ. Нар тени чăваш чёлхинче халэ те хёвеле пёлтерет. Апла, Нар-с-пи, чанласах хёвел хёрё. Нарас уйăхэ те савнах калать: въл хёвеллэ уйăх. Енчен те Михетерпе Нарспи турăсем пулсассан, кам-ха вара Тăхтаман? Мифологи словаренче [Савантах. С. 554] Тха текен турă ячэ тел пулатъ. Въл та хёвешпе сыханнă. Адыгэсен — сёр тухăсёпе сёр ёс турри. Ку телентерет. Сетнер кам-ши вара? Сет тени [Савантах. С. 496] усал тенине пёлтерет, въл суг санталăкан тухăс туррине вёлерекен. Поэмăри ёссем Сиши ялэнче пулса иртеçсё. Ку та ахаль мар пуль. Силен, Сильван турăсем [Савантах. С. 499] вярман, сёр ёсёпе, суг санталăк тухăçлăхёпе, сятмахна сыханнă.

«Нарспи» поэмăри пур персонаж та Турă ятлă. Апла хайлавра сырса катаргнă сюжет та турăсен ёсё-пурнăсёпе сыханнă. Михетер Сиши сёрне пăхса ашпăтса тарать, Нарспи те сав ёс хушпанатъ. Тăхтаман сёр ёсёпе ашаланатъ. Пёр Сетнер канна ним те тумастъ. Ку питё интереслэ. Турăсем хушшинче сапăсу пусланса каятъ. Вёсем пурте пёрне пёри вёлерсе пётерессё. Ку въл чăваш туррисен юлашки сапăсăвэ. Сакан хыçсан суг санталăк туррисем пётеçсё. Вёсен вырăнне Христос турă килет.

Мён синчен калать-ха ку миф? Ку въл авалхи чăваш тёнэ пётни синчен калать. Малтанрах палăргнă турăсемпе сыханнă йăла-йёркесем пётеçсё. Вёсем вырăнне ураххисем килессё. Мёнлерех-ха вёсем хальхи вăхăтри йăла-йёркесем? Кам въл хальхи вăхăтри Нарспи?

Нарспи халь тин хёвел хёрё мар. Въл ирёке тухнă хёрарам. Ана ашпё те, упашки те, еркёне те кирлэ мар. Вёсене тахсанах, каларамар, «вёлерсе» пётернэ. Нарспишён вёсем халь тин суккă. Нимле турă та суккă. Каятъ вара тёнче тарăх вилём шыраса... Сук, поэмăри пек саканса вилмест въл. Поэмăри «вилём» модельне свёрлесе сёмье саварма та, ача суратма та васкамасть. Ана ним те кирлэ мар. Халь тин турăсем вилнэ хыçсан сёмье те, халăх та сук. Нарспи, Кёстенттин сырса хаварнă Нарспи, вара пур. Въл вилмен. Въл халь хай пире пётерет. Пире въл сёмьесёр,

ачасър таратса хаварать. «Нарспи» поэмари «вилём» моделё халё тата вайлярах ёслет. Ана халь никам та чараймё. Турасем сукка так тем те тума юрать.

Пёр пётёмёшле каласан, Нарспи вэл йёркене пясакан сын санарё. Йёркене пясма вайля характер кирлё. Савна санарланя та Кёстенттин. Савя санар астарать те хальхи хёрсене. Пурте Нарспи пек пуласшян. Кашни хайшён кяна. Семье, халях тени вара аста? Силпи ялён йёрри-палли те вёт юлман. Аста вэл авалхи сятмах выран? Ана халь тин «Нарспи» поэман вартганляхне тупса, геройсен ёсё-хёльне анланса илсе сёнёрен тума пуслас пулать. Вэл палля, хальхи наука саккунёсене пёлсе суг санталак вайёсене алла илнине сыханя. Вара тин хальхи вяхатри Нарспи те каллах хёвел хёрё пулса тарё.

Поэма сюжетне тепёр енчен те пяхса илме пулать. Асърхяр, хайлавра патриархалля тёнче йёркеленнё. Нарспи сав йёркене пусласа пясать. Мён ёмёртен йёркеленсе пыня тёнче саланса каять. Сакя капитализм тёнчи чаваш ялне те сёмёрсе кёнине пёлгерет. Капитализм хай талай сын синче тыганса тарать. Сын мён тавас тет, савна тавать. Вэл хай хуса. Нарспи те хай камалне Сетнерне сыхланса тивёсгерет. Чаваш тёнчи сакна чатаймасть, саланса каять.

Ку сес те мар. Хальхи вяхатра матриархат пусланя чухне хёрарам чанласах ирёке тухать. Халь тин вэл килге ача суратса ларакан сын мар. Вэл халё тёнчене хай тавра пустарма пулать. Авал тёнчене хай тавра арсын савартгарня пулсасян, халё ёнтё тёнче варне хёрарам тарать. Нарспи те савах: халё халях аяна питлемест, аяна вэл сёле сёклет, ушпа мухтанать. Сакна эфир Нарспи поэма пёлгерёшё султан-сул ёссе пынинче куратяр. Чаваш хёрёсем пурте Нарспи пуласшян. Матриархат йёрки пуранмалых укшатенкё те, ирёклёх те парать. Патриархалля семье халь саланя. Ун выранне матриархалля семье чямартанать. Сак моделе свёрлесе, санарласа сырса хаварня та К. Иванов. Чаваш халях пуласляхне вэл миф сине таянса, халых архегипёсене шуга илсе гениллё курса таня. Халь тин мён пуласси пуля. «Нарспи» поэма халыха тимёр тыля пек тылласа пярхяня. Тимёр тылла чаракан вай, эфир аяна пёлетёр, ку тёнчере сук.

Тёнче халё каллех улшанать. Эпир информаци синче тыганса таракан обществана кёрсе пыратпяр-мён. Енчен те ку төрөс пулсан, Кёстенттин парса хаварна модели улшангарма та май килё, тен. Вилём моделё выранные пуранас модельне сырмалла. Халыха сёклекен тепёр миф шутиласа калармалла. Питё патармахла вяхатра халых сав ёсе хайех таваканччё. Анчах халых вайне туйса тарса сыракан автор юлна-ши халё? Ёс, палла, авторга та мар. Ёс Нарспире. Енчен те эпир тёнче никёсёнге ача суратакан Нарспи курсан, тепёр поэма-миф хайех суралать. Семьене аркатма мар, саканса вилме мар вёрентмелле хальхи Нарсписене. Чан ирёклёх вал семье, ача сумёнге. Саван чухне кана хёрарам хайён чан туртамёне чун сун санталакне палартать. Тата хушса хумалла: чаваш семейнге чаваш ачине устерсе ситёнтерсен кана вал хальхи вяхатри чан Туря пулса тарать.

Литература

Мифологический словарь. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1992.

В.А. Абрамов

«НАРСПИ» ПОЭМАРИ ЮРАТУПА СЕМЬЕ БИТАВЕСЕМ (Философии эстетикан хаш-пёр аспектёсем)

Тёнче культуры, сав шутра илемлё литература та, нихасан кивелми, ялан сивёч, пур цивилизацияе этноса касаклан-таракан юратупа семье битавне малти вырана лартать. Пур классикалла литература хайлавё те сак битусене хускатать темелле. В. Шекспир, О. Бальзак, Л. Толстой, сав шутра К.В. Иванов та, ёмёсем иртсе пынасем кивелмен, пур сынна та пырса тивекен «юрату», «семье» концептсене теп вырана лартассё. К.Иванован «Нарспи» поэминчи философиие эстетика та сак битусем тавра төвёленессё.

16—17 сұлхи савася юрату битавне хускатнине йышанма пулать: хайён сүлёсене кура туйамёсем те сапларах. Анчах авланман, хёрарампа пёр пуртре пуранман поэт семье битавёсене

вулакана хумхантармалла, тѣнче философийѣ сѣнче никѣслесе, эстетикан илемлѣх картине витѣмлѣ лартса калама, анлантарма, сѣклеме пултарни тѣлѣнтерет.

«Юрату» концепт сѣнче чаранар-ха. Ёнер те, литература та юрату анлава авалтан «ирѣклѣ ишеве» ярасшан. Вал йала, тѣн, патшалѣх чаравѣсенче хайне япѣх туять. Ёнер астисем апа туйампа сыхантарса, этемѣн сынлѣх категорине мала лартса сак чару-сенчен сѣлерех катартма тарашасѣ. К.Иванован та сынлѣхлѣ демократиллѣ позициѣ сапларах.

Тѣнче литературы юратаван этем пурнасѣнчи выранне икѣ оппозиципе пѣхатъ: Ирѣклѣ юрату — Юрату ирѣклѣхѣ.

«Ирѣклѣ юрату» позицире мораль сук, вал ыгларах физиологи енне туртатъ (вырасла апа «свободная любовь» теме ханѣхнѣ). «Юрату ирѣклѣхѣ» позицире вара сынлѣх, этем туйамѣн пысак шайѣ, кѣрешѣ мотивѣ палѣратъ («свобода любви»). Чаваш поэзийѣн генийѣ шѣпах юрату ирѣклѣхѣн ыйтѣвѣ тавра шѣрсалатъ поэмари шухѣш-пулѣма. Ирѣксѣрех К. Иванован тѣнче философийѣн икѣ юппинчен пѣрин никѣсѣ сине тама лекет.

Тухѣс философийѣ хѣрарѣм ирѣклѣхѣ сине сирѣпрех, юнасарах, асѣрхатгарах пѣхатъ, авалхи традицисене тытса пыма чѣнет. Анѣс философийѣ вара рационаллѣрах: социаллѣ сѣлтавсене шута илсе этеме, хѣрарѣма ирѣклѣх пама та юратъ. К. Иванов поэмара Анѣс менталитетне суйласа илет: Нарспи юрату ирѣклѣхѣшѣн кѣрешме пуслатъ, авалхи чаваш традицийѣсене аркатса харкам телейѣшѣн вѣй хуратъ. Поэт хайѣн персонажне тѣрре кѣларма чѣтма сук йывѣр социаллѣ аура туса паратъ: укѣса тѣнчи Нарспин юрату ирѣклѣхне чарса таратъ. Совет саманинче те, халѣ те хѣшѣсем сапла каласѣ: «Вѣсен юратавѣн трагедийѣшѣн мул тѣнчи айѣплѣ». Вѣсех мар пуль: мул тѣнчи кунта декораци сѣс. Чаваш менталитетчѣ, ун чухнехи сынсен психологийѣ, тѣнче курѣмѣ, йышѣннѣ «вѣйѣ йѣрки» (йѣла-йѣрке) пирки манмалла мар.

Нарспие, А. Островскин Катерини, Л. Толстойан Анна Каренини пекех, кивѣ йѣласене хирѣс кѣрешме йывѣр:

Сетнер, Сетнер, кала-ха
Аста каяс, мѣн тавас?

Сетнерѣн хуравѣ те хѣй вѣхѣчѣшѣн характерлѣ: пѣрре вѣйлѣ янѣранѣ пек ун сѣмахѣсем, сѣв вѣхѣтрах вал хавшакрах та курѣнатъ (Нарспипе танлаштарсан):

Вал тайшмана пётерме
Икё вайла аллам пур,
Анчах, айна пётерсен,
Унтан усал тёнче пур.

Сетнер нияш эпизодра та мул тёнчин сыннисене хирёс таймасть, хай юратавёшён те yine тараймасть, Тайтаманпа Нарспин туй келечё тавра ништа кайса керейми кускалать сес. Нарспи эмансипацийё вара курамла, лесковла татакля: пёччен хай телейёшён yine тарать, хайне хупарлакан тёнчене йышанмасть. Туй умёнхи каc вярмана савнипе тарни, Михетерпе карчакне хирёс хайолла каласни — акя унан характерён палла енёсем. Кульминаци — упайкине наркамаш пани. Сагла Нарспи юратупа сёмын Анас модельне суйласа илет. Ахальтен-и «Нарспи ёсё» сыпакра хайён монологёнче «Качча пачёс ирёксёр» тесе пилёк хут асанать самрак хёраям.

Тухас моделён ыра тёслёхё тата чавашсен авалтан пыракан сёмые идеалё — Михетерпе карчакён сёмии тата Тайтаман сёмые традицийёсене тытса пыни. Нарспишён вара ку — ют. Сакантан килет те унан трагедийё.

Паллах, хальхи куспа пахсан Тайтаман — тёслёхлё сёмые пусё: ёсчен, сирёп хуса, сёмые тёрекё. К. Иванов та, сирёп хусалахра уснёскер, Тайтаман ёсченлёхне, унан хай вайёпе туня экономика никёсне хисеплесе хак парать: уйрамах ку унан вилёмё хыссан каланинче паларать. Автор: «Пётрё чаваш ёмёрё» — тесе икё хут калать. Кам, мён юлать Тайтаман хыссан? «Пуртри сётел-пукан», «выса выльах-чёрлёх», «выса ака лаши»:

Анчах эсир, талыхсем,
Курассар сук хуцара!

Сёмые арканчё, унга пёрле Нарспи телейё те. Юрату ирёклёхёшён керешни ырапа вёсленмерё геройшан. Поэма вёснелле тепёр сёмые, хусалах арканать: Михетерпе карчакён вилёмё тепёр чаваш тёнчине пётерет: «Ашшён пушя килё» санар тухса тарать.

Сагла вара, К.Иванов сёмын Тухас модельне йышанмасть, чавашан авалтан килекен сёмые йалисене чёрине ыраттарса, асапланса улаштарма чёнет. Йывар саваса сакна тума, анчах урахла сул курмасть вал. Ахальтен-им Нарспи юрату ирёклёхне вилём урла тупать. Автор геройсен вилёмёпе кивё тёнчен кивёлёхне, айна улаштармаллине палартать, вилём урла пурнаса анлантарма тарашать.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭМЫ «НАРСПИ»

Поэма «Нарспи», как художественное произведение, входящая в сокровищницу классической литературы, для каждого поколения читателей открывается новой гранью. За прошедшие сто лет со дня выхода из печати поэма привлекала внимание ученых-филологов разных специальностей. Лингвистов восхищало использование изобразительного богатства языка. Литературоведы, наряду с художественными средствами поэтического выражения сюжета несчастливой любви Нарспи и Сетнера, видели классовую борьбу чувашского народа. Бегство Нарспи с возлюбленным в лес в день своей свадьбы и убийство собственного мужа Тяхтамана исследователи трактовали как высшую духовность. Совершенство этого произведения как в зеркале отражало и отражает проблемы общества, характерные для конкретного времени. Бесспорно, поэма хранит отпечаток духовных ценностей как времени создания поэмы автором, так и времени появления сюжета в фольклоре.

Время появления поэмы совпало с первыми революционными выступлениями в России. С 1848 года по Европе начинает бродить призрак коммунизма, призывая разрушить старый (с данными богом порядками) мир до основания и построить новый, перевернутый мир, где «кто был никем — тот станет всем». С этого времени в русской литературе, в противовес пушкинским Татьяне Лариной и Маше Троекуровой, появляются такие женские персонажи, как Катерина из «Грозы» А. Островского и Анна Каренина из одноименного романа Л. Толстого. Теперь обет, данный перед богом, может быть нарушен в угоду человеческим страстям, несмотря на фатальные последствия. Нежелание нести свой крест неминуемо ведет к гибели души, заставляя при этом страдать всех окружающих. До появления призрака коммунизма в России отказ Татьяны и Маши принять предложения горячо любимых Онегина и Дубровского воспринимался как женское целомудрие, а их любовь — как восхождение на голгофу. С Катерины из «Грозы» все переворачивается с ног на голову — она вдруг превращается в «луч света в темном царстве». В этом ряду появление очередного «луча» в лице Нарспи было вполне закономерным и ожидаемым.

Для поэмы «Нарспи» оказалось важным также место создания — Симбирская чувашская учительская школа. И.Я. Яковлев в своей школе пристальное внимание уделял на православное воспитание учеников. Христианское сознание сильно сказалось на всем творчестве К.В. Иванова, в том числе и на поэме «Нарспи». С православной точки зрения, Нарспи получила от бога все: крепкое здоровье, ум, красоту, безмерно любящих ее богатых родителей, счастливую жизнь до совершеннолетия. По воле родителей она выдается замуж за Тӓхтамана. Этот брак благословляется не только родителями, но и всеми родственниками и односельчанами. Принимая участие в свадебном обряде, молодые как бы дают обет верности друг другу перед богом. Отец Нарспи Михетер — сӓрме пуян, «мультимиллионер», фактически является правителем Сильби. Он имеет не только сакральную власть и богатство, но и большую обязанность. От правителя зависит уровень жизни простого народа, он является гарантом соблюдения общепринятых правил и законов. В спорных случаях выступает судьей, восстанавливая справедливость и порядок. В обязанности правителя входит соблюдать иерархию. Требуя от подчиненных послушания, он сам должен строго соблюдать существующие порядки. Как показывают исследования ученых, в древности правитель при любом нарушении мог быть свергнут, умерщвлен вместе с женой. Во время его погребения устраивали специальное соревнование — четырехборье. Оно включало бег по усеченной местности, как показатель способности быстро ориентироваться в экстремальных ситуациях. Физическую силу испытывали с помощью сгибания подковы руками. Умение использовать интеллектуальные и технические достижения должен был демонстрировать бег на колесницах. Состязание по крику на расстояние верста показывало не только физическое здоровье, но и способность человека адекватно реагировать на ситуацию. Претендента, показавшего лучшие результаты на соревнованиях, сажали на трон в качестве нового правителя. В более позднее время эти соревнования стали проводиться в честь богов Олимпа, а трон правителя стал наследным.

Михетер в Сильби почитаемый правитель. Жениха для подросшей дочери он выбирает среди людей, подходящих по рангу. Тӓхтаман как член семьи правителя, с точки зрения родителей, идеально подходит для Нарспи. И общество заин-

тересовано в этом браке, т.к. в нем видит гарант стабильности и процветания деревни. Просьба Нарспи не выдавать ее замуж еще один год игнорируется. Причиной отказа может быть то, что она уже дважды участвовала на празднике Хёр сәри, где раньше у чувашей проводились инициации девушек. Об этом можно судить по участию Нарспи на весенних молодежных игрищах прошлого года, о чем можно и судить по времени ее сватовства — после масляной недели, до начала новых весенних хороводов. В первый год появления у девушки женских признаков ее приглашали на Хёр сәри для инициации. После этого посвящения она могла участвовать во всех молодежных сборищах, наряжаться, носить девичьи украшения. Еще три последующих года девушка, за это время не успевшая выйти замуж, сама участвовала в принятии подросших девушек в свой круг. С этой точки зрения, Нарспи действительно еще год могла жить в доме родителей. Принуждая дочь согласиться на брак с нелюбимым человеком, Михетер демонстрирует свою власть в семье. Если бы он выполнил просьбу дочери, его власть оказалась бы подорванной. Люди происхождения власти считали божественным даром. Поэтому считалось, что хочет правитель — хочет сам бог, хотя это желание может быть противоположно индивидуальным устремлениям человека. Нарспи понимает положение отца. Она изнутри знает достоинства и недостатки власти. Когда встает вопрос выбора между личной свободой и долгом, страсть и эмоции оказываются сильнее ответственности перед родителями и обществом — она восстает против их воли, а значит, и против воли Бога. И Сетнер знает свой статус. Он даже не пытается посылать сватов в дом Нарспи, заранее предполагая отказ руки возлюбленной. Причина, как ему кажется, неправильное устройство существующего мира, злого и жестокого для него. Он не в силах в одиночку победить существующие порядки, а народ не поддерживает его, во всем происходящем видя «Турă сьрни ахăрах, сәпла-тър сәв самани» (2. С. 196); «...анчах вайлә этем те хай тәнчине пәһанать» (2. С. 144) и с нетерпением ждет грандиозное событие — свадьбу правящих семей. Власть Михетера не может быть разрушена ни Сетнером, ни любым другим внешним врагом, священная власть может быть уничтожена только изнутри. И Михетер получает самый неожиданный и большой удар от обожаемой дочери.

Как и полагается богатым людям, свадьба назначается на Симек. Традиционно первично вступающим в брак свадьбы игрались в конкретный промежуток времени. Зажиточные и богатые играли свадьбы своим детям с праздника Симек до Чўклеме (по православному календарю — до Петрова дня). Те, которым летние свадьбы были не под силу, женили сытой осенью. Летом будущий жених зарабатывал себе на свадьбу. Для этого под предводительством старшего по возрасту и опыту односельчанина молодежь отправлялась на заработки за пределы своей родины. Осенью они должны были вернуться с таким количеством добра, чтобы хватило на свадьбу. В чувашском фольклоре нищий, обездоленный человек — это Кёркури. Поэтому кёркунне качча каякан Кёркури арәмё пулакан (1. VII. С. 271—272), или кёркунне ҫитсен, чухан Кёркури те кёреке пухать (4. V. С. 23). Людей не интересует происхождение богатства: привезенного издалека (оно могло быть как честно заработанным, так и добытым разбоем на дорогах), главное, оно должно дать возможность Кёркури поднять свой статус в обществе. На осенние свадьбы накладывали свой отпечаток материальные ограничения и ущербное положение жениха и невесты. Обычно в числе приглашенных были близкие родственники, и свадьба длилась недолго, хотя все обряды выполнялись. Следующий период свадеб был на Масленицу. Теперь женили старых холостяков и выдавали девушек, четырежды участвовавших на празднике Хёр сәри. Ҫуркунне каякан — Ҫеркей арәмё пулакан (1. XII. С. 256). Имя Ҫеркей в фольклоре имеет значение «опаздывающий», «задерживающийся», «старый холостяк». Свадьбы на Масленицу, совпадая по структуре с летними, так же, как и осенние, были усеченными.

Михетер полностью выполняет свой родительский долг перед дочерью. Он ее вырастил в любви и достатке, выдавая замуж, не скупится на приданое Нарспи — за свадебной каретой отправляет еще сорок три повозки добра. Упреки Нарспи по поводу ее продажи из-за денег беспочвенны. В традиционном понимании чувашей девушка на выданье считается скоропортящимся товаром для продажи. Размером выкупа оценивалась девушка. За Нарспи, как за идеальную невесту, Тәхтаман заплатил огромные деньги, но получил испорченный товар. Частые избиения жены становятся известны не только в Хужалге, слухи об этом доходят и до Сильби. Ответственность за

происходящее люди возлагают на Нарспи. Из Сильби приходит специальный человек поддержать линию поведения Тăхтамана по отношению к жене, развязывая ему руки. Нарушение одной заповеди — «Почитай отца и мать твою» — ведет Нарспи к дальнейшему падению — она решается на убийство мужа. С точки зрения чувашского менталитета, Тăхтаман не нарушает стереотип поведения мужа — хозяина в семье. Он возвращается в сумерки с пахоты, где работал с раннего утра. Во время страды пахарь в доме почитался как паломник, посетивший священные места. К нему относились со всей заботой и вниманием. Покушение Нарспи на жизнь мужа в такой момент еще больше отягощает ее вину. Возвращение в Сильби к Сетнеру не даст ей счастливого будущего. Для общества она не более, чем падшая женщина, и в материальном плане ее ждет глубокая нищета. Все, что ей причиталось из родительского дома, она получила в виде приданого и оставила в доме убитого мужа. Сетнер сам живет на подаяния соседей, и надежда на его заработки маловероятна. После гибели Михетера и жены, все его имущество, как наследие правителя, разделят на три части — одну часть потратят на пышные похороны и поминки. Другая часть будет заложена в виде неприкасаемых запасов в общественные амбары. Третья часть израсходуется на социальные нужды — как строительство новых общественных амбаров, пожарной каланчи или новых мостов и т.д. Любовь родителей безмерна — они пытаются спасти свою дочь, приглашая ее вернуться в отчий дом. Общество это воспринимает в штыки: замужняя женщина ни при каких обстоятельствах не может вернуться обратно в родительский дом. Придворные работники, призванные охранять своего правителя и его семью, без всякого сопротивления отдают их убийцам, а ограбление оказывается обычным прикрытием — всего две повозки вместе с разбойниками, тогда как приданое на свадьбе было сорок три повозки. Нарушение божьих заповедей ведет Нарспи к страшной смерти. Покончив с собой, она обрекает свою душу на вечные муки, ее имя исключается и из списка живых, и из списка мертвых. Для православного человека такой путь земной жизни неприемлем.

Сюжет поэмы «Нарспи» К.В. Иванов взял из местного фольклора. С мифологической точки зрения, семиотика поэмы отражает вариант фрагмента космогонического мифа. По

содержанию произведения нельзя определить конкретный исторический промежуток времени. У героев языческие имена: а к моменту появления капитализма в России чувашаи уже были крещены. Остается предполагать, что это было, как в сказке, «таҫан ёлк-авал», до начала наших дней. Чувашская деревня Сильби описывается как рай. Там все здоровые, счастливые, живут в достатке и в гармонии с окружающей природой. Все цветет, веселится и радуется. Далее идет встреча двух молодых людей. Тонкие губы, черные глаза, густые волосы с завитками, звонкий смех и красивый голос говорят о том, что Нарспи находится на пике сексуальности. В этом плане ей соответствует Сетнер. Единственное достоинство его заключается в езде на коне. Мифологическое значение мужчины верхом на коне — «мужчина на вершине сексуальности». У Сетнера не просто конь, а быстрый, всемогущий — славный урмак. Свидание влюбленных перед свадьбой у родника также показывает их чрезмерную сексуальность и плодовитость. Далее идет свадьба, по схеме соотносимая, небесной свадьбой космогонического мифа. В ней участвует весь мир, в ожидании благотворного влияния свадьбы на плодородие участников, длится она целую неделю. В свадебном обряде отголоском глубокой древности сохранилось сооружение свадебной кареты отцом невесты. Михетер без посторонней помощи, сам мастерит Нарспи карету. По всей видимости, он владеет сакральными знаниями по строительству повозки. Судя по времени появления сюжета, это может быть колесо. Секретами сооружения колеса первоначально владел только узкий круг верховной власти в лице жреца и правителя. Побег Нарспи со своим возлюбленным в лес является трансформацией архаического сюжета преследования, пленения и битья женского и мужского божества плодородия. Место укрывания сна беглецов — лес — неорганизованный, некультуренный, но сверхплодородный (Върман пек йышлай пулър — пожелание молодоженам, связано с этим свойством леса). Только побывав в лесу, Нарспи и Сетнер познают запретный плод леса и уничтожаются в прежнем качестве чистоты. Дуб, под которым находят беглецов, указывает на их будущее противостояние с Громовержцем. Древний мотив неверности жены и первой человеческой жертвы воспроизводит убийство Тәхтамана. В основном мифе индоевропейских народов муж, застав жену со своим противником, в первую очередь

изгоняет в подземный мир соблазнителья супруги. Следом, для наказания жены, ежедневно ловит одного из убегающих детей и убивает перед матерью. Только седьмой ребенок воскресает, доказывая отцу, что он его сын. В сюжете «Нарспи» муж убит, но наказание должно быть неминуемым. Мстителем за гибель своего брата, видимо, становится отец Сентти, который в сюжете открыто не присутствует. Судя по паре лошадей в упряжке разбойников, отец Сентти не только родной брат Тәхтамана, а близнец-брат (3. Т. 1. С. 174—176). Он начинает с уничтожения родителей Нарспи, наказывая их за такую дочь. Сетнера разрубают топором, что также перекликается с мотивом поединка и победы Громовержца над своим противником. После самоубийства Нарспи из героев поэмы в Сильби остается мать Сетнера — конец жизни, а в Хушалга остается Сентти — начало жизни. Исчезает бесконечность пространства и времени. Теперь пришедшие на белый свет должны уйти. Пять первых смертей организуют горизонтальное пространство с четкими границами. Тәхтаман сторожит и покровительствует сакральный центр, Нарспи отвечает за приходящих на белый свет с восточной стороны, Сетнер охраняет южную сторону, мать Нарспи присматривает западную сторону, а Михетеру досталась северная сторона.

Фрагмент изгнания из рая и появления смертной жизни на земле — один из важнейших моментов в мифологии. В отношении «Нарспи» еще предстоит выяснить исторический контекст появления сюжета. Не совсем ясны его истоки. Есть и более конкретные проблемы, например, восстановление имен персонажей мифа.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки (Словарь чувашского языка). Вып. 1—XVII. Казань—Чебоксары, 1928—1950.
2. *Иванов К.В.* Собрание сочинений (Сырнисен пуххи). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 460 с.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 1. А—К. 671 с.; Т. 2. К—Я. 719 с.
4. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Вып. 1—6. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. Вып. 1. 1973. 440 с.; Вып. 2. 1976. 420 с.; Вып. 3. 1978. 512 с.; Вып. 4. 1979. 480 с.; Вып. 5. 1984. 352 с.; Вып. 6(1). 1985. 304 с.; Вып. 6(2). 1987. 448 с.

**«ЫРӐ НАРСПИ АППАҘАМ, ӐСТА САНАН ТЕЛЕЙӐ?»
(К.В. Ивановӑн «Нарспи» поэмӑ тарӑх)**

К. Иванов ӗавашӑн тӗнче курӑмне, тӗнче туйӑмне, вӑл вӑхӑтри пурнӑҫне поэмӑра пур енлӗн ӱкерсе пама пултарнӑ. Ю.М. Аргемьевӑн «Аслӑ Силпи ялӗнче» статийнчи сӑмахсемле питех те килӗшмелле: «...Аслӑ Силпи ялӗ пӗтӗм Ӗаваш ҫӗршывӗ, Ӗаваш тӗнчи пек туйӑнать, ял ҫыннисен пурнӑҫӗнче вара пӗтӗм ӗаваш халӑхӗн аваллӑхӗне пуласлӑхӗ тарӑн сӑнланӑн туйӑнса тарать» [1. С. 57—58].

К. Ивановӑн «Нарспи» поэмине тишкерсе 1990 ҫулсенче ҫылай кӗнеке тухрӗ [4]. Тӗпчевҫем хайлав пирки каламан сӑмах хӑварман та пулӗ ӗнтӗ. Пире уйрӑмах ӗаваш телее мӗнле ӑнланни, курни интереслентерет. Шырать-и вӑл хӑйӗн телейнс, тупать-и, тупать пулсан Ӑста тупать? «Нарспире» ҫак ыйтусене мӗнле ҫутатнӑ-ха?

1. Ӗӑн малтан ҫакна палӑртмалла: ӗаваш пӗрмай тертленет, телей тупаймасть. Ку хайлав тарӑх, ӗаваш пурнӑҫра телей тупаймасть. Мӗншӗн? Мӗншӗн тесессӗн, пирӗн шутпа, телее вӑл яланах мӗнле те пулин ҫыхӑнтарать: Турӑпа, пуянлӑхпа, ача-пӑчапа, упӑшкапа (ҫамрӑк-и, ватӑ-и) т.ыт.т.е. Сетнер сӑмахӗсем ҫакна ҫирӗшетсе параҫҫӗ:

«Сӗм-сӗм вӑрман, сӗм вӑрман,
Мӗншӗн хытӑ шавлатӑн?
Мӗншӗн шӑй-шӑй шӑхӑрса
Мӗскӗн чуна хӑрата[тӑ]н?
Ах, ман хуйхӑм, итле-ха:
Мӗншӗн мана ҫунтара[тӑ]н?
Мӗншӗн мана, тӑлӑха,
Савӑнӑҫа мантаран?
Ҫуралтӑм-мӗн аннерен
Хӗн-хур, асап курма ҫҫ.
Ҫав асапран, хӗнлӗхрен
Ҫамрӑк пуҫӑм пӗтгни ҫҫ.
Ҫамрӑк пуҫӑм пӗтмӗ[ч]чӗ,
Мулӑм ҫукки пӗтерчӗ.
Вӑл та пулин юрҫ[ч]чӗ,

Сын ухмахи пётрчѐ.
Сын ухмахи юрѐ[ч]чѐ,
Усал ташман тупанчѐ.
Усал ташман пѐтѐ[ч]чѐ,
Турă сырни куранчѐ» [2. С. 81—82].

Чăваш телесе хайне евѐрлѐ курать. Сак хайлавра хайне евѐрлѐ апланни лайах паларса тарать. Вăл хайѐнче, шалга шырас вырăнне, тулашри вăл е ку объектсенче шырать. Сынна телей кўрекенни чи малган — ирѐклѐх, тѐрлѐ объектсемпе сыханманни. Чăваш вара телесе яланах мѐнпе те пулин сыхантарать, унан ирѐклѐх сук. Нарспин ашшѐпе амăшѐ Сетнерпе Нарспице пѐрле пуранма ирѐк паманни шăпах телейсѐр пурнаç патне илсе ситерет.

2. Аста чăвашан телейѐ? К. Иванов палăртать — вăл икѐ чун пѐрлешнинче:

Икѐ савни пѐрлешсен
Пусне тайрѐ ват юман.
Пѐр-ик тапхăр сил вѐрсен
Шăп лăпланчѐ сѐм вăрман.
Хура пѐлѐт саланса
Пѐгрѐ вăрман хысѐнче.
Хѐвел пăхать шăратса,
Кайăк юрлать йăвинче.
Курăк синчи сывлăма
Хѐвел парать ашшине.
Икѐ чуна савăшма
Хѐвел парать сугтине.
Ялтăртатать ыра кун,
Усал кунан мѐн ѐç пур?
Саванса угать икѐ чун,
Сичѐ ютан мѐн ѐç пур? [Савантах. С. 83]

Сак темисе йѐркере чăвашан телей идеалѐ. Ана сут санталăк урла санланă. Иньпе янь пѐрлешсен ват юман пусне таять, сѐм вăрман лăпланать, хура пѐлѐт саланса пѐтет, хѐвел пăхать, кайăк юрлать, ыра кун ялтăртатать. К. Иванов хайлавра архетиппа усă курнă. Пѐрлешнине (единение) архетип теме пулать. Санар-ха таранрах: поэма

җәтмахран пуҗланатъ. Вәсех лайах, Нарспице Сетнер пёрле. Унтан җав пёрлөх арканатъ. Төнче литературинче ун пек төслөхсөм татах та нумай: «Рамаяна» Рамана Сита, Библире Адампа Ева т.ыт.те.

Хайлавра пөчөк детальсөм нумай. Вөссөм пысак пөлтгөрөшлө. Акә, сәмахран, туй туни. Нарспице Сетнере уйәрнә — ял халәхә саванатъ. Җынсем төрөс мар саванасҗө! Нарспице Сетнер пөрлешнө — җакә вәл телей. Турри телейне панә — җынсем әна татах шырасҗө. Михетер усә шырани те телей күмест паллах. Күме те пултараймасть. Пөрлөх арканнә хыҗсан вара каллех шырав пуҗланатъ: Нарспи Тәхтамана вөлөрет, вәрмана тарса каять т.ыт.те.

Поэма Нарспи вилөмөне вөсленет. Сетнер җут төнчерен уйәрлнә, ашпөне амәшө вилнө, Нарспин суйлав (выбор) җук. Кунта урәхла вөсленме те пултараймасть. Чәвашән төнче курәмө, йәли-йөрки телейлө пулма намасть җак ларутәрура. Нарспи вилмен пулсан та ял халәхә әна хирөс пулатчө, ләнкә пурәнма намастчө. Сетнере пөрле пулас тесе Нарспи ку пурнәсран уйәрлатъ. Кунашкал йөрке Индире те пулнә. Упәшки вилсен арәмө унна пөрле җулама сикнө. Нарспице Сетнер леш төнчере пөрлешсөҗө, хәйсен телейне тупасҗө. Чәваш вилөм урлә телей тупатъ.

3. К. Иванов пурнәҗ җине революциллө пәхни курәнәт. Вәл хәш-пөр йәла-йөркесене уләштараспән, мөнпөн тесен чәваш төнче курәмөнчөх, шухәшлавәнчөх телейсөр пурнәҗ курәннә. Михетере карчәкө Нарспице вәйпа качча парасҗө. Җак йәла телей патне илсе җитермест теспөн пулнә К.Иванов. Тәван халәх пурнәҗне витөр курса, туйса илсе чәваша телей параспән пулнә. Пирөн шутпа, поэмән тарән пөлтгөрөшө җакәнта. Унсәр пуҗне, хайлав җакән пек шухәш патне илсе пыратъ. Чәвашән төрлөрен суйламалли майсөм (альтернатива) пулман: ун пек мар пулсан кун пек тесси җук. Нарспи шәпи шәпах җавна җирөшөтөт.

Төрөссине, телей хумө җине кашнин хәйөн үкмелле. Хәш-пөр халәхсен культуринче җакә усҗан паләрәт. Суфийсен телей җинчен притча пур. Бахауддин тәнә тәман күне усиченөх хәйөнчөх хәй ыйтатъ: «Бахауддин, есө паян телейлө е телейсөр пуласпән?» «Эп пөрмаях телей суйласа илетөп», — тет вәл. Җынсем әна нихсан та хурләхлә курман. Вәл яланах саванәҗлә җүренө [3. С. 368—372]. Суфийсөм җын шухәшлавне төрөс әнланнә.

Пирён шутпа, пурнăç мён çинче тытăнса тăни, мёнле пурăнмалли кашнин чёринчех пур. Çав йăла-йёркесене шалтан курмалли, чёре витёр кăлармалли. Пурнăçра кашни самантра çыннăн тимлĕ пулма тăрăшмалли. Альтернатива çакă пулма пулгарать.

Л и т е р а т у р а

1. *Артемяев Ю.М.* Аслă Силпи ялĕнче // Константин Иванов: Тёпчев ёçсем / Пухса хатёрлекенĕ В.Г.Родионов. Шупашкар: Чăваш патш. ун-чĕ, 2000. С.57—71.
2. *Иванов К.В.* Собрание сочинений (Сырнисен пуххи). Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 2000. 335 с.
3. *Кукушкин С.А., Ганус Г.А.* Притчи. Ведический поток. Пушкино: ИД «ГРААЛЬ», 2003.
4. Творческое наследие К.В. Иванова. Сб. статей. Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1990. 120 с.; *Александров С.* Поэтика Константина Иванова. Вопросы методики, жанра, стиля. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 192 с.; Вопросы поэтики К.В. Иванова: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения поэта. Чебоксары, 1991. 167 с.

Т.И. Семенова

НАРСПИ ХĀЮЛĀХĔ ПАЯНХИ КУÇПА

К.В. Иванов чăвашăн тёнче курăмне, тёнче туйăмне, вăл вăхăтри пурнăçа поэмăра тарăннăн сăнласа панă. Ахальтен мар вăл тёпчевçёсене те, вулакансене те нумай шухăшлаттарнă, паянхи кунччен те шухăшлаттарать. «Нарспи» поэма мёншĕн кивелмест? Мёншĕн тесен вăл хай тёшшине, илемне сұхатмасть, пире халĕ те кăсаклантарать. Пирён тёллев — Нарспи хăюлăхĕн сăлтавне уçса парасси.

Автор поэмăра Нарспие пусмăра хирĕç тухакан пёрремĕш чăваш хёрарăмĕ пулнине палăртать. Паллах, вăл усал упăшкинчен хăтăлас шутпа йа вёлерет. Малтан кёçĕн çын хайĕн çине алă хурас шухăш та тытать:

Мёншĕн хаяр тăшманпа
Ман пёр сұртра пурăнас?
Пётес мар-ши пусăмпа?
Епле тўссе пурăнас?!

Каярах Нарспи хай шухайшне улаштарать. Каланине сирёплетме сак йёркесене илер:

Сук, пуцама сийиччен
Ташманама пётерем,
Асапланса тусиччен
Тахтамана ... вёлерем.

Ку йёркесенче темле эгоистла шухайш та пур пек. Анчах та, тепёр енчен, анланма та пулать, вице эрне саламатпа хенени Нарспие усал ёс тума хистет. Самрак арама усал ерне тейён.

Чунё вёркет, пуценче
Усал шухайш хускалать.

Кунта Нарспи тухатмаш пекех пулса тарать:

Вёрет, сурать саря кин
Хай яшкине пагратса;
Хуран айё сёлен пек,
Сунать вучё яванса.

Сак йывар лару-тарура сурашу, килёшу тупаймасар Нарспи упайскине пётерме шут тытать. Пирён шутпа, темле пулсан та сынна вёлерме юрамасть. Сапах та вал вулакана хайён чарсар хайюлахёпе телёнтерет. Самрак хёрарам пёчеккён усалланса, хаярланса пырать.

Калаяр, Турхан Яккавён «Варусси» (1902) поэмиче (ана «Нарспи» поэмаран маларах сырнэ) Варусси хай шайпине сынна вёлермесёр татса парать [2. С. 246—248].

Нарспи хай телейлё пулас тесе, туйамне мала хурать те — усал ёс тавать. Вал хайён сине сес ала хуня пулсан пёр виле сес пулеччё-и, тен. Упайскине вёлерне пирки тата тепёр тавата виле пулса тухать. Тен, урахла сул тупма пулатчё пуль. Акя ваггисем сапла каланя: «Кашкар та тутя пултяр, сурях та терёс пултяр». Ку, паллах, идеалля сул. Никама та усал тумасар хай пурнаёне терёс йёркелесси. Сынна та юрамалла, хаван та терёс пуранма пёлмелле.

Пытарма кирлэ мар, паянхи сараксенчен ытларахаше хальхи каткас самана витемне пула туйам хыссан каймассе. Ку петемпех мул тенчипе, укса-тенкёпе сыханна. Хальхи сараксенчен нумайаше, Нарспи пекех, чатса пуранмасть, иреклехшен керешет. Ку вахатри пурнаса, ытларах пуян семьесенчи сараксем, ашше-амашен ирекенчен тухма нимен чухле те хараса тамассе.

Каланаче енте, варманта Сетнерпе сер кашнашан Нарспие Тяхтаман кашни кунах туй келетне аса илтерет. Сапла шухаш патне пырса тухатан: тен, херен вайаран Сетнерпе тармалла та марчче? Есен Тяхтаман уй-хиртен килне сере апат хатерлесе, кил-сурта тирпейлесе пуранма та пултарна вет-ха вал. Нарспи хайех айапла мар-ши саканта?

Нарспи — вайла характерла херарам; вал юратман сынпа мен ваталиччен пуранма килешмест, пусмара хирес тухма шикленсе тамасть.

Пер кунхине вёсем патне пер элексе килсе вартганлаха систерни Тяхтаман хаярлахне пушших вайлатать, сулле шая (градацие) ситерет:

Хана тухса кайсанах
Саламаче верентет:
«Эсе апла хер иккен,
Эсе апла Сетнерпе
Тарна-мен-ха вармана
Туйна туня сертенех!

Елехки вахатра хере туйченех сылаха кени качишен уйрамах калама сук пысак намас шуланна. Вал вахатра ку йерке пите сиреп пулна. Паянхи сараксем — пачах урахла. Вёсенчен чылайаше ку йиту сине самалттайрах пахассе.

Литература

1. *Иванов К.В.* Собрание сочинений (Сырнисен пуххи). Шупашкар: Чаваш кёнеке изд-ви, 2000. 335 с.
2. Революичченхи чаваш литературы. Текстсем. 1 том. Шупашкар: Чаваш кёнеке изд-ви, 1984. 462 с.

ДЕМОНИЗМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К.В. ИВАНОВА

Литературная энциклопедия 1930 г. «демонизм» рассматривает как явление «литературной сюжетики, построенное на функциональном перемещении традиционных <...> отрицательных и положительных характеров и введении отрицательного характера в качестве героя. <...> Для демонизма типично не столько абсолютное принятие зла, сколько раскрытие положительных черт во внешне отрицательном образе. Черты, из которых слагается облик демонического героя, это — неприятие мира и мирового порядка, пессимистическая переоценка этических и религиозных норм, одинокий бунт против существующих социальных отношений во имя неограниченной свободы личности, приводящий, несмотря на присущую демоническому герою любовь к «страждущему человечеству», к «тяготеющим на его душе» тайным преступлениям» [2. Стб. 199—200]. В 4-х строчках поэмы К. Иванова «*Şакă сұтă тейчере Вайли сук та этемрен: Шывсем синче, сёр синче Хуса пулса въл тйрать*» мотив демонизма приобретает своеобразный, сильно индивидуалистический оттенок. Здесь идеалом для Иванова выступает ощущение собственного достоинства через образ человека — Этем, под которым подразумевается личность поэта, то есть собственное «Я». Поэт бесконечно верит в силу своего «Я», воспринимает его всем смыслом своего существования.

Константин Иванов — выдающийся классик чувашской литературы, сумевший поднять национальную поэзию и литературу до сознания мировой общественной мысли и доказавший реальные человеческие возможности и как личности, и как художника на творческое самосовершенствование. Оценивая творчество классиков чувашской и татарской литератур К. Иванова и Г. Тукая, народный поэт Чувашии П. Хузангай писал так: «Произведения Тукая и Иванова, впитавшие в себя богатейший фольклор наших народов, вернули его читателям еще более обогащенным, как бы очищенным от посторонней примеси, переплавленным в горниле вдохновенного мастерства. Засверкал родной язык драгоценным металлом, «ударил по сердцам», как писал Иванов, и поднял национальное самосознание наших народов на небывалую до того времени высоту» [4. С. 176].

Народность произведений поэта, их простота в чтении и колоритность в выборе средств и способов образного мышления, широкий спектр сказочных образов и персонажей чувашской мифологии и демонологии, эпохиальный показ реалистической картины жизни своего народа — все это в совокупности вызывает лишь чувство восхищения и гордости, патриотизма и уважения к нему как человеку, как поэту-художнику, как талантливому интерпретатору и сказителю произведений устнопоэтического творчества. К. Иванов бережно и творчески переосмысливает сюжеты и поэтику фольклора, всегда чувствует себя сопричастным ко всему происходящему в жизни чувашского народа, сопереживает вместе с ним и это отображает в своих произведениях.

Нравственно-этические категории художника вытекают из народных эстетических идеалов, они находятся в неразрывной связи и единстве. Достойное место занимают и народные представления о красоте и прекрасном.

Литературная деятельность и творчество К.В. Иванова изучены в наше время достаточно широко*, но жизненные

* Указываются лишь некоторые сборники статей, источники библиографического характера, где имеется обширная литература о нем: *Сироткин М.Я.* Константин Васильевич Иванов (Критико-биографический очерк). Чебоксары: Чуваш. госиздат, 1955. 32 с.; *Классик чувашской поэзии.* Сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1966; *Чувашская литература между двумя съездами писателей (1967—1971 гг.).* Библиографический указатель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971 (13 назв.); *Чувашская литература между двумя съездами писателей (1975—1980 гг.).* Библиографический указатель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980 (18 назв.); *Александров С.* Поэтика Константина Иванова. Вопросы методики, жанра, стиля. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 192 с.; *Чувашское литературоведение и критика.* Библиографический указатель / Сост. А.Н. Тимуков. Чебоксары: ЧНИИ, 1993 (около 400 назв.); *Артемьев Ю.* Ёмёр пусламăшĕ: (1900—1917 сулсенчи чăваш литература историйĕн очеркĕ). Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1996. 96—130 с. (67 назв.); *Родионов В.Г.* К.В. Иванов хайлавĕсен пултарулăхлă историйĕ. Шупашкар: Чăваш патш. ун-чĕ, 2000. 36 с.; *Константин Иванов: Тĕпчев ёçĕсем / Пухса хатĕрленĕ В.Г. Родионов.* Шупашкар: Чăваш патш. ун-чĕ, 2000. 82 с.; *Артемьев Ю.М.* Страсть к полемике: Статьи, рецензии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 64—68; *Современная Нарспиана: итоги и перспективы: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. / сост. и науч. ред. А.Ф. Мышкина.* Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 228 с.; *Хузангай А.П.* Свет Нарспи; Тайна «Нарспи» и чувашская культура XX века // *Константин Иванов.* Нарспи / Перевод с чуваш. П. Хузангая; художники А. Миттов, Праски Витти, составление, предисловие и послесловие А.П. Хузангая. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 5—25, 203—253 и др.

коллизии его «романов-сказок» и «романов-легенд», «романов-трагедий» и «романов-поэм» как произведения-пророчества и романы-эпопеи жизни чувашского народа находят все новые и новые открытия и понимания, подходы и суждения-мысли о месте и роли человека-личности в истории мировой цивилизации. В этом выражается философия поэта, его гражданственность и человечность, неиссякаемость энергии его духа и таланта.

В поэзии Константина Иванова мир отприродных сил и злых духов и мир покровительствующих человеку добрых божеств представлены в весьма контрастном и разноцветном аспекте. Причем нужно отметить, что между двумя противоположными силами идет вечная борьба: Жизнь и Смерть, Добро и Зло, Любовь и Ненависть, Свет и Тьма — это и другие противопоставления-категории волновали поэта на протяжении всей его жизни. Как реалист и художник изображает он именно ту объективную действительность и жизненные реалии, которые окружали автора в период создания своих произведений, смысл которых, по К.Иванову, заключается в отображении «чувашского эстетического сознания рубежа веков» (выражение С.А. Александрова). Для раскрытия данных проблем сочинитель использует в них традиционные народные сюжетные структуры, образы и мотивы, бытующие в народном сознании, а затем в художественно переработанном виде доводит до читателя. Тот мифологический реализм, взятый поэтом в соединении с просветительским и критическим в качестве художественного метода, прослеживается и находит свое отображение как в более ранних, так и в поздних его произведениях.

Два мира, два мироощущения, воплощенные в мифологических и демонологических воззрениях и индивидуально-художественных подходах (методах), раскрывают философское мировоззрение поэта, его философское осмысление жизни. Здесь следует выделить стремление художника по-лермонтовски передать и разрешить проблему Зла (через образ шуйттана). Это злое Начало, присутствующее и в балладе «Железная мялка», и в трагедии «Раб дьявола», уже в поэме «Нарспи», представляющей образец самого высокого искусства, приобретает кульминационный характер.

Демонизм Иванова — это тема вынужденного зла, протеста души, бунтарского духа. В отличие от М. Лермонтова, где Демон

есть идеал для художника, ивановский демон-дьявол лишь средство утверждения самого «Я», у чувашского мастера слова на первом месте стоит «Я», а демонизм как таковое есть ответная реакция на существующую действительность.

«Железная мялка» — баллада, представляющая собой оригинальное литературно осмысленное художественное произведение, написанное на основе сюжетов чувашских народных сказок об упырях-ведьмах. Художником в этой балладе использован не весь фольклорный материал о вубырах, а только мотив гибели молодой невестки из-за преследования свекровью — старухой-ведьмой.

Но поэт отходит от народной версии, развязку в балладе перестраивает на свой поэтический лад. Образ старухи-полуведьмы им введен в эстетическую систему, чтобы глубже раскрыть патриархально-родовые отношения, поднять вопросы морали, социальной несправедливости и т.д. Шуйттан, чей образ представлен в данной балладе старухой-ведьмой, олицетворяет само Зло в первосушностном значении. Старуха-вубыр не сама убивает свою невестку, как это происходит в фольклорных источниках, а поручает это зло своей железной мялке и сидящему внутри *тимёр тылӓ* дьяволу. Но в конце и сама становится жертвой рассвирепевшей мялки-дьявола, хотя та находилась до роковой ночи в ее подчинении. По мысли автора, старуха — олицетворение символа-разрушителя семейных традиций и устоев, зла и смерти. Вот почему железная мялка не только уничтожает, по указанию злой старухи, добрую красавицу Чегесь (Добро), но и саму хозяйку — повелительницу железной мялки — ведьму-старуху (малое Зло). Победило большое Зло, которое, как мыслит поэт-художник, можно искоренить только активной борьбой с ним.

Демононим-персонаж *усал/шуйттан* в произведениях К.Иванова подвергнут значительной трансформации и эволюции. Он действует в соответствии с приписываемым ему характером и развивается по внутренним законам художественного произведения, не подлежащему прямому функционально-психологическому декодированию. Демифологизирование образа усала/шуйттана в поэзии К.Иванова проходит несколько этапов: 1) шуйттан как хтоническое существо и представитель-хозяин нижнего мира, мира царства смерти, отсутствует в балладе «Железная мялка»; 2) его функции в какой-то степени выпол-

няет старуха-вубыр (ведьма) — стадия антропоморфизации; 3) в последующем происходит слияние с христианскими представлениями о нем как о черте — нечистом духе и трикстере: он вселился в железную мялку и по указанию ведьмы убивает сначала невестку, а затем и старуху; 4) в трагедии «Раб дьявола» происходит последующие его трансформации. Здесь он выступает как демонический персонаж, как плут и обманщик; 5) конечная его стадия — это вселение черта/дьявола в самих людей и превращение их в «своего двойника» и «раба». В другом сочинении — в трагедии «Раб дьявола» — этот персонаж автором вообще не обрисован и не показан в качестве действующего лица, хотя вся трагедия именно происходит по вине козней *шуйттана*. Он только и действует из-за дуба и подбивает людей на дурное дело — убийство старшим братом младшего на поле брани. Объект зла — деньги, собранные двумя братьями в результате мародерских и обирательских действий по отношению к своим же сотоварищам по оружию. По мнению поэта, мир обмана и насилия, жестокости и коварства превращает людей в «дьяволов» или же в «рабов дьявола», это бесовство толкает брата на убийство своего родного брата, вызывает разрушение, хаос и уничтожение всего, что сделано людьми. Этот мир, совмещенный на двух временных планах и вертикальных пространствах («Добро—Зло», «Высокий—Низкий»), напрямую связан с темой денег — алчность порождает бездушие, бессовестность и дикость — убийство. Шуйттан сначала руками старшего брата убивает одного из братьев, а затем и второй брат находит свою трагическую и злую участь — гибнет бесславной смертью [1. С. 86—101].

Поднятые в балладе «Железная мялка» и незавершенной романтической трагедии «Раб дьявола» социально-философские проблемы К.В. Ивановым более глубоко и шире раскрыты в поэме «Нарспи». Здесь фольклорное, народно-художественное мировосприятие автором использовано во всем его многообразии, в качестве художественных приемов и средств: наряду с земными героями фигурируют персонажи чувашской мифологии, как добрые — *Турă, Пулăхçĕ, Пирĕшти, Хăрпан, Çут Тĕнче, Кăвак хуппи, Çут Хĕвел*, так и злые духи-демоны — *киремет, шуйттан, йĕрĕх, çĕлен, арçури, хăямат, ахăрсамана*. Эти персонажи автором использованы во многих эпизодах в единстве с другими мифологемами в качестве основных

поэтических средств в раскрытии самой идеи произведения, национального топоса и трагизма человеческой судьбы.

В поэме нет ни одного цельного облика вышеназванных демонологических персонажей, их присутствие обнаруживается только при вынужденных обстоятельствах и случаях: кереметь с йерехем — при обращении матери Сетнера к юмзе-знахарю; змей и старуха Шабадан — при вареве Нарспи супа-отравы для Тахтамана; леший и черт — в лесу для устрашения Нарспи-убийцу. Если, например, усалы/шуйтганы в предыдущих произведениях еще выделялись своеобразными отрицательными поступками, то в «Нарспи» этот персонаж вселился полностью в людей: к усалам автор относит и «старика Тахтамана», и «молодца Сетнера» (при бегстве в лес с Нарспи), и «Нарспи» (после убийства своего мужа), и «сам день совершения убийства», и «дурные вести», и «воров кошельгинских», и просто «детей, подслушивающих разговор Тахтамана с Нарспи в брачной клети» и т.д. Но самое большое зло, как думает поэт, — это «мир людей» («усал тёнче»), дела, творимые ими («усал ёс»), из-за которых и происходят все несчастья и беды. И большинство причин тому — деньги и вино (об этом поэт говорит в начале же своей поэмы: «Светлый разум омрачает Страсть его к вину, деньгам»). Через эту поэму, как нигде в другом произведении, поэт выражает свою тревогу и беспокойность за судьбу будущей чувашской нации. С болью в сердце отзывается об уходящих в прошлое народных обычаях, клеймит позором патриархально-родовые обычаи, чрезмерную суеверность, тягу к хмельным напиткам и другие человеческие пороки и недостатки. Для К.В. Иванова — это национальная трагедия, ее преодоление полностью ложится на молодое поколение, и все зависит от того, кто придет на смену поэту-художнику. Поэтому произведения Константина Иванова повествуют нам, как и романы Достоевского, о великих битвах Поэта «за сердца и души людей, о поисках и падениях, об обречениях и обретениях путей к истине, к добру, красоте через муки и заблуждения» [3. С. 225]. Смысл данных слов Константин Иванов пытается решить через постоянную борьбу Добра со Злом, меньшего Зла с большим Злом, через призму мифологических персонажей в единстве с реальными героями из жизни чувашского народа. Демонизм в творчестве Константина Иванова объясняется на уровне личности —

особенностей мироощущения. Поэт воспринимал свое «Я» так, как никто другой. Яркая особенность его поэзии — это его суперэго. Он поднял свое «Я» на такую высоту, на которую свое «Я» никому из поэтов в чувашской литературе не удавалось поднять.

Л и т е р а т у р а

1. *Иванов К.В.* Собрание сочинений (Сырнисен пуххи). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 460 с.
2. Литературная энциклопедия. Том третий / ред. коллегия: П.И. Лебедев-Полянский и др.; отв. редактор А.В. Луначарский; отв. секретарь О.М. Бескин. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930.
3. *Селезнев Ю.* В мире Достоевского. М.: Современник, 1980.
4. *Хузангай П.П.* Ровесники, друзья по духу (Мысли о К. Иванове и Г. Тукае) // Классик чувашской поэзии. Сб. статей, посвященный 75-летию К.В. Иванова. Чебоксары: ЧНИИ, 1966. С. 175—179.

**Секция: ТАЙНА «НАРСПИ»
И ЧУВАШСКАЯ КУЛЬТУРА XX—XXI ВЕКОВ**

В.Г. Родионов

**О БОРЬБЕ ДОБРА СО ЗЛОМ
(К проблеме коэкзистенции
чувашских писателей начала XX века)**

Вначале следует объяснить понятие «коэкзистенция». Данное слово образовано из *co* «совместное» и *existentia* «существование», т.е. сосуществование в потоке сознания двух обособленных Я. Коэкзистенция как форма духовного субъекто-субъектного общения предполагает прежде всего синхронное пространство. Но в нем несомненно имеются и устойчивые сгустки культуры, т.е. константы. В таком ракурсе в понятие вариативного входят и субъектные различия. Иными словами, изучая коэкзистенцию деятелей культуры, исследователь может вычленить как константное, так и вариативное, типичное для определенного времени и конкретных субъектов.

В данной работе я ограничиваюсь выявлением в творчестве ряда писателей сходств, образованных от «смыслосодержащих» сгустков культуры и определением различий среди этих творческих субъектов, особенностью эпохи, их творения. Для сравнения возьму творчество трех достойных современников: И. Юркина, Н. Шубоссинни и К. Иванова. Их объединяет то, что они в той или иной степени затрагивали проблему борьбы добра со злом, противостояния Бога и Шайтана. Константное содержание данного философского понятия выявляется как в мифологическо-религиозном представлении чувашского народа, так и в его обрядово-ритуальном оформлении.

Вся обрядовая деятельность средневекового чуваша была подчинена идее умилоствления как добрых, так и злых сил природы. Согласно близнечным мифам, первоначально обе силы обитали на небе. Как известно, у ранних волжских болгар, предков современных чувашей и казанских татар, существовало

представление, согласно которому на небе постоянно сражались две противостоящие друг другу силы, они издавали «на небе сильный шум и громкие звуки» [3. С. 34]. Следует полагать, что таким образом объясняли действия грома во время грозы. В том же источнике X в. можно найти описание следующих действий, связанных с молнией (она всегда сопровождается грохотом грома): «Если молния ударит в юрту, они больше не приближаются к ней и оставляют нетронутой со всем ее содержимым до тех пор, пока само время не уничтожит все это. При этом они говорят: «На этом жилище лежит гнев божий» [Там же. С. 38].

По представлению чувашей, молния ударяет в человека вместе с приставшим к нему злым духом [2. С. 298]. Еще говорят, что если во время грома человек оденется в черное (цвет злых сил, ночи), то его поразит громом [1. С. 104]. Там же имеется следующая информация: «Чуваши объясняют гром иначе; они утверждают, что если черт спрячется в доме, то бог, желая поразить черта, зажигает и самый дом. Так же, по их мнению, он поражает и человека, к которому прильнет черт (чтобы спастись от громового удара). Кроме того, они не советуют быстро ходить во время дождя, утверждая, что при быстрой ходьбе к человеку пристанет черт» [1. С. 117–118].

На основе константной идеи о вечной борьбе бога (*Турă*) с чертом (*Шуйттан*) сложено немало текстов чувашского фольклора: сказок и преданий, быличек, поверий и т.д. Человек оказывается жертвой этого непримиримого противостояния, о чем рассказывают и повести И. Юркина «Этем пырё тутă та, куё выçă» (Сыт человек, а глаза голодны), «Мул» (Богатство). В этих произведениях побеждают идущие по пути *Турă*, а продавшие свои души Шайтану уходят из жизни неестественной смертью. В них побеждают добрые силы, как и во многих сказках, восторжествует справедливость, а погибают там лишь отвернувшиеся от бога герои.

По-сказочному решает проблему противостояния и Н. Шубоссинни, однокашник и друг К. Иванова. В стихотворной сказке «Хитре Чёкес» (Красавица Чегесь) жених украденной Чегесь Юманка побеждает черта, упыря (*Вупăр карчăк*) и Огненного змея (*Вёри сёлен*) и освобождает свою невесту из плена (она была украдена злыми силами и спрятана в глубокое озеро). Здесь погибают семеро колдунов и юмзей от руки самого

Шайтана, который обвиняет их за то, что те пошли против него, главного из злых духов. «Когда вы жили, кто вам помогал в ваших делах? — упрекает он своих бывших помощников-колдунов. — От старости, изнеможения погубили себя от того, что умели ворожить, забыли, что я сильнее всех вас». В произведении автор утверждает, что люди, связавшиеся со злыми силами (Шайтаном), не могут победить своего повелителя.

Стихотворная сказка «*Вёри сёлен*» (Огненный змей) полностью посвящена идее о бессилии людей-колдунов в борьбе против природных злых духов (к ним относится и мифический образ Огненного змея). Но здесь имеется еще другая идея, согласно которой в зло превращаются те люди, которые терпят от других постоянное унижение. В данном произведении Н. Шубоссинни такими являются семеро братьев, раньше терпевшие людские издевательства. Продав душу дьяволу, теперь они сами издеваются над теми же низкими людьми.

Сюжет трагедии К. Иванова «Шуйтган чури» (Раб дьявола) развивается на фоне борьбы *Туря* (*Аслати*) с Шайтаном. Старший брат убивает младшего по поддакиванию злого черта, а в конце произведения молния поражает дом греховника-убийцы. Начиная с данной трагедии, К. Иванов активно разрабатывал проблему братоубийства [ср. балладу «Тимёр тыля» (Железная мялка), поэму «Нарспи»]. В балладе родственные чувства красавицы Чегесь входят в противоречие со злыми намерениями Белого Шайтана и его прислужницы старушки. В поэме родители продают свою любимую дочь из-за денег и в пьяном состоянии (деньги и хмельные напитки, по представлению чувашей, для людей придуманы самим Шайтаном).

Все три произведения К. Иванова объединяются изображением в них родственных людей, из которых одни принимают сторону *Туря*, а другие — Шайтана. Но К. Иванов не повторяется трижды, он углубляет и усложняет данную идею в каждом очередном произведении. В трагедии главным героем является старший брат, продавший дьяволу душу и родственные чувства. В балладе изображена невинная сестра и невестка, которая демонстративно выступает против зла. У нее не хватило сил для победы не столько из-за ее слабости, сколько из-за бессердечности родных сестер и брата. Здесь мироощущение К. Иванова перекликается с экзистенцией Н. Шубос-

синни: стихия зла неразборчива, она губит не только мир добра, но и свой собственный, дьявольский.

Далее перейдем к поэме «Нарспи». Основными идеями данного произведения несомненно являются имеющиеся как в трагедии, так и в балладе. Но ограничиться нам таким объяснением нельзя, потому что в таком случае мы не увидели бы динамику творческого роста поэта. Она хорошо прослеживается в другом произведении, как бы в переходном, стоящем между «Тимёр тылă» и «Нарспи», — «Тăлăх арăм» (Вдова). В этой балладе поэт воспевает любовные чувства жены младшего брата, погибшего на войне с *сичё ют* (дословно: чужие до седьмого колена, т.е. совершенно чужие). Здесь любовь к мужу ставится выше, чем смерть.

Вспомним последний поступок Нарспи: она уходит в иной мир за любимым Сетнером, и в этом героиня повторяет поступок жены погибшего брата из «Вдовы». Но Нарспи совершает и другой поступок, истинное значение которого не объяснено до настоящего времени, это — убийство Тхтамана. Название главы X «Нарспи ёсь» переводчики переводят «Преступление Нарспи». Но здесь нет оценки поступка героини.

На мой взгляд, поступок Нарспи следует объяснить следующими мотивами. Во-первых, убивая своего мужа, Нарспи опережает события, в результате которых убийцей оказался бы Сетнер (он в ту ночь идет в Хужалгу с намерением убить своего злого врага Тхтамана). Во-вторых, Нарспи, как и Чегесь, пока уверена в том, что зло можно победить злом же. Только после Сетнера она убеждается в том, что зло неистребимо, так как существует в мире еще большее зло — *усал тёнче*.

Итак, Нарспи становится мужеубийцей с целью предотвращения предписанной богом судьбы любимому человеку — Сетнеру. Ради любви она становится и самоубийцей. Автор ни в коем случае не оправдывает убийства, он показывает трагическое противоречие, возникшее между естественными чувствами двух молодых сердец и предписаниями бога (им предопределена несчастная судьба Сетнера), а также деяниями дьявола (поступки родителей Нарспи, Тхтамана, воров и др.).

Гениальное произведение К. Иванова «Нарспи» еще не прочитано до полной идейной и философской глубины. Однозначно можно сказать лишь то, что поэта волновала не абстрактная борьба добра со злом, а судьба Человека, оказавшегося между этими стихийными силами.

В конце статьи следует вернуться к проблеме изучения коэксистенции писателей одной эпохи. Хотя существование каждого писателя сугубо индивидуальное, но их сознание определяется и коллективным бессознательным, диктующим этнические константы в различных их вариантах. Здесь я пытался рассмотреть одну из них, названную как борьбу добра со злом. Нужно подчеркнуть, что в рассмотренных произведениях обнаруживается другая, не менее важная константная формула, основанная на противопоставлении молодости и старости. Положительные персонажи, как правило, молодые (не в смысле возраста, а в аспекте половой зрелости), и они противостоят не естественному ходу событий (погибает молодой муж, сватают за немолодого человека и т.д.). Все фабульные варианты вышеприведенных константных формул сводятся, как мне представляется, к идее непрерывного продолжения рода путем воспроизводства здоровых его членов. Молодые (с точки зрения женской потенции) героини чувашским подсознанием продиктованы как разные ипостаси *Суратакан Ама*, (т.е. Воспроизводящая потомство Матерь). Но это уже тема особого исследования.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки (Словарь чувашского языка). Казань, 1929. Вып. II. 230 с.
2. *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки (Словарь чувашского языка). Чебоксары, 1929. Вып. III. 363 с.
3. Путешествие Ахмеда ибн Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. М.: Мифи-Сервис, 1992. 93 с.
4. *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 551 с.

А.П. Хузангай

ОБРАЗ И ДЕНОТАТ (*Сарă чечек* в 1-й строфе главы второй «*Сарă хĕр*»)

В поэме Кесьтентина Иванова есть один образ-деталь, который не привлекал особого внимания исследователей. Рисуя портрет своей героини, поэт трижды сравнивает ее с желтым полевым цветком. В первых четырех строках, используя семантико-синтаксический параллелизм: «... *Сар-сарă чечек*

ўсет... Нарсни ятлӑ хӗр ўсет», в 5—6-й строках он уже сравнивает черты ее лица: «Пичӗ-куҫӗ нит хӗхӗм, // Хирти сарӑ чечек нек», в 17—18-й строках через уподобление полевому цветку как бы подчеркивает ее мягкий характер, приветливый нрав: «Хирти сарӑ чечеке // Ашӑ куҫна кам пӑхмӗ?».

Нас заинтересовало, какой реальный цветок обозначает данное словосочетание и, соответственно, какой зрительный образ оно выражает и вызывает в воображении читателя. С этой целью мы использовали ряд переводов данного фрагмента на русский язык (авторы-переводчики А. Петтоки, Б. Ирнин, П. Хузангай, В. Паймен и А. Смолин), а также переводы на башкирский, татарский, горномарийский, удмуртский и турецкий языки. Переводчики по своему определению должны быть наиболее внимательными читателями и в то же время они предлагают свою творческую интерпретацию произведения и его конкретных образов. Выбор переводов в нашем случае был обусловлен тем, что все они были выполнены людьми, знающими чувашский язык, или по крайней мере они обращались к оригиналу (Б. Ирнин мог консультироваться у Я.Г. Ухсая), удмуртский перевод выполнен совместно с чувашским литератором А. Афанасьевым и удмуртом М. Можгиным. А. Канюшков пишет, что опирался на подлинник, сравнивая с русским переводом, но некоторая зависимость от русского варианта Б. Ирнина в горномарийском ощущается [5. С. 70]. Полный контекст, в котором употреблены сравнения как в оригинале, так и в переводах см. в Приложениях (№ 1).

Чтобы разобраться в том, как переводчики сотворяют свой образ на языке, отличном от языка оригинала, необходимо прояснить те отношения, которые составляют языковой знак. Прибегнем для этого к классическому семантическому треугольнику немецкого логика, считающегося основоположником современной логической семантики, Готлоба Фреге (1848—1925). Он описывал его следующим образом: «...Знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть с тем, что можно было назвать *де н о т а т о м* знака (*Bedeutung*), но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать *с м ы с л о м* знака (*Sinn*); смысл знака — это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком [8. С. 182—183]. То есть мы имеем:

сарӑ чечек (имя)

денотат имени, или предмет (цветок)	смысл имени, или концепт денотата*
---	---------------------------------------

Н.И. Ашмарин для данного имени приводит несколько денотатов с указанием места фиксации: «**Сар-чечек**, назв. раст., antl mis tinctoria. *Ст. Чек., Рак., Кайсар.* № 108. Сарӑ-чечек, вӗтти (чина?). *Рак.* Сар-чечек = чӑхӑ хури (...) *Ив.* Сар-чечек, gelium L, vernum Scor. Подмаренник весенний. *Ив.* Сар-чечек, banunculus L. Лютик. *Тюрл., Сред. Юм.* Сар-чечек, одуванчик» [1. XI. С. 68]. В.Г. Егоров в «Чӑвашла-вырӑсла словарь» приводит один денотат: «сарӑ сӗске (чечек) — ромашка» [9. Стб. 405], во втором издании словаря он его обобщает, выделяя цветовой признак: «сарӑ сӗске (чечек) — ромашка; цветок, имеющий желтые лепестки» [10. С. 159]. В «Чӑвашла-вырӑсла словарь» (1982) дается обобщенное толкование имени с указанием нескольких денотатов: «**сар(ӑ) чечек (пуç)** *общее название многих растений с желтыми цветами, чаще первоцвета, лютика, одуванчика, подмаренника, ромашки*» [11. С. 346], в статье **чечек** [11, с. 588] отмечены денотаты: «**сар чечек** 1) лютик едкий, 2) *диал.* ромашка».

Денотаты различаются по местностям и отчасти по диалектам чувашского языка, как было указано Г.А. Дегтярёвым: «*сар(ӑ) чечек* (Яльчики, Х.-Батырево) «одуванчик лекарственный», (Бахтигильдино, Бал.-Баишево) «осот полевой», (Ст. Чекурское, Кайсарово) «чина», (Н. Турмышево) «первоцвет лекарственный», букв. «желтый цветок» ... *сред.: сар чечек* (Тюрлема, Килейкасы) «одуванчик», (Челкасы) «пижма», (Ситмиши) «кубышка желтая» — *верх.: сар чечек корӑкӗ* (Важуково) «лапчатка», *сар сӗске* (Именево) «ромашка желтая» [3. С. 77].

Таким образом, естественно-биологический признак растений (желтые соцветия) приводит к тому, что мы не находим однозначного соответствия между знаком, смыслом и денотатом**, о чем, как об идеале, писал Г. Фреге [8. С. 184]. По мнению Г.А. Дегтярёва, «когда многие традиционные названия трав, к сожалению, забыты, подобные фитонимы

* Иногда используется термин «сигнификат».

** Знак — имя *сар(ӑ) чечек (сӗске)* обозначает некоторое множество денотатов и, очевидно, может выражать разные смыслы.

выступают в качестве универсальных наименований, т.е. являются ситуационными обозначениями большого количества трав, обладающих названным цветовым признаком» [3. С. 77].

В русских переводах конкретный денотат обозначен лишь в начальных строках у П. Хузангая («одуванчик ярко-желтый») и у А. Смолина («первоцвет огнем полей»). А. Петтоки и Б. Иринин, не обозначая конкретно денотата, используя разные средства (эпитеты, уменьшительно-ласкательные суффиксы), попытались стилистически окрасить и выделить смысл данного выражения. У Петтоки: «золотой растет цветочек», «И Нарспи цветком весенним // В славном яле расцвела», «цветочек золотистый». У Иринина: «Цветик аленький цветет», «То в Сильби весенним цветом // Юность девичья цветет» (здесь происходит контаминация первого и второго сравнений). В. Паймен довольствуется нейтральным «цветок», но во втором сравнении непонятно откуда появляются «розы»: «Точно розы в день весенний, // Щеки юные пылают».

Почти дословно передается (*хирти*) *сар-сарӑ чечек* в тюркских переводах: башк. *һары бер сәскә, ғырлын һары гөлөндәй, ғырлын һары сәскәһе*; тат. *сар-сары чәчәк, кырда сары чәчәк, кырды сары чәчәкне*; тур. *sapsarı çiçek, sarı çiçekler gibi, sarı kırgı çiçeğine*. В горномарийском *сар* пеледӱш употреблено лишь дважды, в начале и конце: *сар пеледӱш, сар пеледӱшӱм анжалан* ('посмотрев'). В удмуртском: *яркыт-хуж* ('ярко-желтый') *сяська*, а также с опущением или заменой эпитета: *бусы сяськаос* ('полевые цветы'), *лудьсь мусо сяськаез* ('поля милые цветы'). Любопытно использование форм множественного числа в турецком (*çiçekler*) и удмуртском (афф. -ос/-ез). Важно примечание относительно семантики чувашского *сарӑ*, которое дается башкирским и татарским переводчиками, что в чувашском языке *сарӑ* не только цветовой эпитет, но также имеет значение 'маттур, чипер', и именно с опорой на этот смысл глава вторая названа «Сарӑ хӗр» (также в тур. «*Sarı kız*», горномар. «Сары йӱдӱр»). Ср. значения, которые приводит Н.И. Ашмарин помимо «желтый»: «эпитеты весны, солнца; русский, красивый» [1. XI. С. 65], то есть *сарӑ хӗр* вполне соответствует русскому «красна(я) девица» (красивая девушка). Такой перевод самого названия главы был избран Б. Ирининым, П. Хузангаем, А. Смолиным. Эта коннотация

раскрывается в тат. «Гүзал кыз» и в удм. «Чебер ныл». У А. Петтоки, В. Паймена, а также в башкирском переводе просто «Нарспи»*.

В настоящей статье мы рассматриваем избранные переводы лишь с точки зрения логической семантики, нас интересует соотношение между знаком-именем, смыслом и денотатом знака, но, с другой стороны, возникает проблема субъективного представления образа. Г. Фреге по этому поводу писал: «Смысл и денотат следует отличать от соответствующего этому знаку представления. Если денотат знака — это вещь, данная нам в ощущениях, то мое представление об этой вещи есть внутренний образ, возникший на основе моих впечатлений от этой вещи (...) Образ-представление часто бывает пропитан эмоциями, отдельные его части могут быть более или менее расплывчатыми. Более того, не всегда, даже для одного человека, определенное представление связано только с одним смыслом. Представление (внутренний образ) всегда субъективно — оно меняется от человека к человеку» [8. С. 185].

Мы можем считать чувашский текст поэмы и н в а р и а н - т о м , а все существующие переводы в а р и а н т а м и , различия которых обусловлены особенностью восприятия, стилистическими интенциями и тем субъективным представлением, которое сложилось у отдельных переводчиков в ходе прочтения произведения. Объективным фактором эквивалентности перевода является близость грамматического строя тюркских языков (на основе агглютинации и тесно связанного с ней сингармонизма), и потому башкирский, татарский и турецкий переводы точно воспроизводят не только саму ритмико-синтаксическую структуру «ивановского» стиха (что безусловно важно при восприятии поэтического текста), но и план содержания строфы в целом и в частности отдельного образа-детали — *хирти сарй чечек***.

Г. Фреге на уровне семантики выделял «три степени различия между выражениями (словами, словосочетаниями и целыми

* Ср. также анализ турецко-чувашского соответствия *sarı-sarı* Б.Б. Чиндыковым в рецензии на турецкий перевод, где он подчеркивает, что турецкая лексема остается просто цветообозначением, хотя и может выступать как некий топ-образец женской прелести у турецких мужчин, а чувашский концепт *Сарй* также является «символом красоты, тепла и доброты» (Чувашский гуманитарный вестник, 2007. 2008. № 3. С. 196).

** Из русских вариантов в этом смысле наиболее близки (адекватны) оригиналу переводы П. Хузангая и А. Смолина.

предложениями): различие затрагивает либо только представление, либо смысл, но не денотат, либо, наконец, смысл и денотат». Далее он пишет о том, что «разница между переводом и оригиналом не должна, вообще говоря, выходить за пределы первой степени различия (т.е. различаться могут представления. — А.Х.). Сюда же относятся различные нюансы и разная стилистическая окраска, которые придаются смыслу в поэзии и вообще в художественном тексте. Эти нюансы не объективны: читатель или слушатель должен сам воссоздавать их для себя по «намёкам» поэта или оратора» [8. С. 187].

Как мы убедились, в нашем случае различия между инвариантом и вариантами перевода, а также переводов относительно друг друга происходят как в плане денотатов, так и, естественно, представлений. Тем не менее смысл имени (концепт денотата) поэты-переводчики, хотя и каждый по-своему, постарались передать. Хотя, по нашему мнению, здесь следует говорить о выражении следующего т о ж д е с т в а :

**(хирти) сар-сарӑ чечек = сарӑ хӗр > Н а р с п и =
'любовь, тепло, светлая душа' > чувашский идеал красоты**

У переводчиков на русский: «цветочек золотой (золотистый)» (А. Петтоки), «цветик аленький» (Б. Ирнин), «цветочек полевой» (П. Хузангай), «первоцвет огнем полей» и «цветик полевой» (А. Смолин). В других рассмотренных нами переводах смысл имени и сама внешняя форма (см. выше) переданы эквивалентно чувашскому оригиналу, практически без дополнительных нюансов. В башкирском во втором сравнении интересна форма гөлөндэй (гөл ~ чув. кӗл (чечек) 'роза' (?), аффикс -дэй и новая лексема (имя-знак) для выражения того же смысла. Данное тождество (сравнение девушки с цветком) типологически является широко распространенным, начиная с известных образцов восточной (ирано-персидской) поэзии до образцов западноевропейских. Ср. у А.В. Камитовой: «...женщина сравнивается с цветком, являясь символом красоты, молодости и идеала в чувашской и удмуртской культуре» [4. С. 223]. Удмуртский культовый италмас 'купальница' тоже имеет цветки желтого цвета (> чув. сарӑ чӑпӑл курӑк). Реальные цветы (денотаты) различаются в зависимости от национально-культурной традиции.

Закljučая наш краткий анализ фрагмента, обратим внимание на три варианта передачи, «усиленной» дополнительными коннотациями, строки 17-й *хирти сарй чечек*...:

Кто душой не умилится
Над цветком родной глуши?
(Б. Иринин)

Кто приветливо не взглянет
На цветок родных полей?
(П. Хузангай)

Явно следуя за П. Хузангаем и отчасти А. Петгоки, А. Смолин переводит:

Кто цветок с родных полей
Не окинет нежным взором?

(Предлог «с», пожалуй, здесь явно лишний).

«Глуши» Б. Ирину, очевидно, понадобилось, чтобы срифмовать с «души». Напротив, «цветок родных полей» подчеркивает суть смысла имени и тождества: Нарспи — есть цветок именно родных полей. Может ли глушь быть родной? — с этим трудно согласиться.

* * *

В своей хрестоматийной модели коммуникации Р.О. Якобсон предложил описание и разграничение основных функций языка, уделив большей частью внимание поэтической функции. Его определение данной функции таково: «Направленность (Einstellung) на *сообщение*, как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого — это *поэтическая функция языка*» [12. С. 202]. Поэтическая функция главенствует над референтивной (денотативной) функцией и, как писал далее Р.О. Якобсон: «Эта функция, усиливая осязаемость знаков, углубляет дихотомию между знаками и предметами» [Там же. С. 203]. Как мы уже убедились, знаковое выражение *хирти сарй чечек* оторвалось от своего денотата и стало объектом разных восприятий и разных прочтений смыслов. Таковым оно выступает, очевидно, и для множества рядовых читателей. У каждого — свой образ Нарспи.

Важно и то, что для нас на протяжении всего XX столетия, да и поныне, язык «Нарспи» является **абсолютным**, или, как это определял А. Рона-Таш, «чуваший литературный язык у Иванова — это кристально прозрачный поэтический язык, «небесная копия» крестьянской речи». Мы видим, что гений Кесьтентина Иванова сотворил и н о й язык, не такой, как язык с практической, коммуникативной функцией. При употреблении последнего важно обозначение реальных предметов, в поэтическом же языке на первый план выступает смысл (> вызываемое образное представление) и, конечно же, звуковые и семантические черты самого слова-знака [2. С. 631, 633]. При этом отношение к денотату сохраняется до некоторой меры, но референция становится неоднозначной. Вот как комментируется этот вывод Р.О. Якобсона в современной рефлексии по поводу данной проблемы: «Парадоксальный статус референтивной функции в поэтическом произведении состоит в том, что знак, который в так называемом ежедневном или обычном языке является транспарантным (прозрачным) по отношению к предмету (референту)*, в поэзии, несмотря на его (знака) «материальность» и «осязаемость», глубже и существеннее определяет свой «предмет», чем обычный знак. Предмет как бы освобождается от своей конкретной значимости и вводится в тотальный, или мировой контекст» [7. С. 621].

Так и наш образ-деталь (*хирти сарй чечек*), став звеном тождества, да и весь текст «Нарспи», постепенно входят в контекст мировой поэзии. Говоря о привилегированности языка как семиотической системы в целом и верховенстве (доминанте) поэтической функции, Й. Ужаревич констатирует и рисует (как будто для нас, чувашей) такую перспективу: «В каждом отдельном произведении искусства воплощается тотальность языка, которая, в свою очередь, соотносится с тотальностью мира. Поэтому каждое поэтическое произведение, несмотря на свой объем, является *целостным языком*, уподобляющимся совокупному естественному (или, точнее, национальному) языку, а не какому-нибудь его сегменту, уровню или функции. Более того, языки умирают, а вершинные произведения, созданные на этих языках, живут, воплощаясь

* = денотату.

как в этих изначальных мертвых языках, так и в «чужих», но живых, на которые их переводят» [Там же. С. 624]. Это сказано будто о «Нарспи».

В «Нарспи» представлен цельный, тотальный образ чувашского мира, а образ-деталь *сарй чечек* является светлой точкой-символом этого мира. Если даже с течением времени чувашский язык окажется на грани исчезновения, то память о культуре, чувашском мировосприятии, сакральном лирико-драматическом космосе в текстах, подобных «Нарспи», будет сохраняться в веках.

«Нарспи» — это благословение и новый завет Кесьтентина Иванова родному народу, но одновременно это Чувашское Слово, обращенное ко всему миру — *urbi et orbi*.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки (Словарь чувашского языка). Вып. XI, XV. Чебоксары, 1936, 1941.
2. *Бенчич Ж.* Поэтическая функция языка и игра // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 626–637.
3. *Дегтярев Г.А.* Чувашская народная агроботаническая терминология. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. 140 с.
4. *Камитова А.В.* Женский образ в произведениях К. Иванова «Нарспи», М. Петрова «Италмас», К. Герда «Мати» // Современная Нарспиана: итоги и перспективы: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 222–225.
5. Пелешы сандăлык. Марийский АССР Советский Писательвлан Союзын альманах. № 23. Мар. книж. изд-ын Козьмодемьянский филиал, 1953. 69–127 с.
6. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. книжн. изд-во, 1981. 236 с.
7. *Ужаревич Й.* Проблема поэтической функции // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 613–625.
8. *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 181–210.
9. Чăвашла-вырăсла словарь / В.Г. Егоров пухнă. Шупашкар: Чăваш патш. изд-ви, 1935. 734 с.
10. Чăвашла-вырăсла словарь / В.Г. Егоров пухса хатĕрленĕ. Иккĕмĕш издани. Шупашкар: Чăваш АССР патш. изд-ви, 1954. 320 с.
11. Чăвашла-вырăсла словарь / М.И. Скворцов редакциленĕ. М.: «Русский язык», 1982. 712 с.
12. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

ЧУВАШСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ И ПОВЕРЬЯ В ПОЭМЕ «НАРСПИ»

К.В. Иванов (1890—1915) — классик чувашской поэзии. В литературном мире известен как автор поэмы «Нарспи». Исследователи считают поэму своеобразной энциклопедией чувашской деревни, ее жизни, культуры и быта.

Данная работа — попытка исследовать приметы и поверья в поэме «Нарспи», найти их художественное предназначение в развертывании сюжета.

Понятие «примета» означает отличительное свойство, признак, по которому можно узнать кого-что-нибудь. В суеверных представлениях — явление, случай как предвестие чего-нибудь [8. С. 593]. Понятие «поверье» означает суеверное предание, а также убеждение, основанное на таком предании или приметах [7. С. 455]. Суеверия — это вера в то, что некоторые явления и события представляют собой проявление сверхъестественных сил или служат предзнаменованием будущего [10. Стб. 1166]. Как видно, семантическое поле понятия «поверье» довольно широкое.

Мы разделяем мнение английского исследователя Кристины Хоул, которая считает, что суеверия — это живые реликвии, остатки гораздо более давних, чем наши, образов мыслей и того, что было когда-то твердыми верованиями, а ныне отброшено и забыто. При правильном их понимании они проливают свет на историю человечества и помогают нам понять мыслительный процесс наших древних предков и наши собственные, глубоко скрытые корни. Пусть в свете современных знаний некоторые из них выглядят нелепо — у истоков все они весьма серьезны. Суеверия наших дней — это осколки забытой веры, ритуалов и образа мышления, оставшиеся после того, как последние выветрились из человеческого сознания, как отлив оставляет за собой крохотные озера. Время, наряду с исчезновением породивших их религий или философий, обесмысливает их, то есть делает иррациональными, но отнюдь не всегда лишает власти оказывать влияние на человеческие жизни [12. С. 4].

Исследователи отмечали богатство фольклорных примеров в поэме. Например, Г.Я. Хлебников приводит образцы пословиц

и поговорок, загадок и песен. Считает, что до сих пор исследователями мало уделялось внимания приметам и поверьям, которые обрели вторую жизнь в литературном произведении [11. С. 91].

Ю.М. Артемьев подчеркивает элементы дохристианской культуры в поэме: «Как общественное, так и семейное бытия сельчан здесь строго подчинены патриархальным обычаям, порядкам и установлениям. Нет в мировосприятии крестьян даже следов проникновения христианского сознания. А правосознание полностью «поглощено» патриархальными обычаями, моралью» [1. С. 68—83]. То же самое говорит и венгерский ученый Ласло Захемски: «В произведениях Иванова — не считая фрагмента трагедии «Шуйттан чури» («Раб дьявола») — нет никаких следов христианского мироощущения» [5. С. 37].

Впервые упоминает о жанрах, близких к приметам и поверьям, именно Ласло Захемски: «Все эпические произведения К.Иванова <...> являются верным отражением тогдашней действительности <...>. Поэт использует элементы фольклора, содержащие мирозерцание крестьянского общества Поволжья на рубеже XIX—XX вв., в первую очередь народные традиции, обычаи и верования. На почве уходящего языческого мифа растут разные суеверия (разрядка наша. — *Е.Ф.*) [Там же].

В поэме «Нарспи» присутствуют яркие примеры народных примет и поверий чувашей. Как и многие другие народы [9. С. 116], они не начинают свадьбу без моления предкам:

Прежде мертвых предков купно
И раздельно помянув,
Хлеб посыплем солью крупной,
Как водилось в старину:
Не пуста была б могила.
Хлеб да соль стояли б там,
Что посмертно, предки, было
И на небе сытно вам.
Ну а вы невесте нашей
Посулите долгих дней,
Да чтоб дом был полон чашей
Да чтоб радость зналась с ней*.

* Здесь и далее отрывки даны в переводе Б. Иринина.

Родители благословляют Нарспи на жизнь с богатым Тохтаманом, разлучив ее с любимым Сетнером. Но после девичьей свадьбы – самобытного этапа чувашского свадебного ритуала – Нарспи с Сетнером совершают побег из родной деревни в лес. Заснув, Нарспи видит вещий сон:

Спит она ... Но что ж ей снится?
Ох, не в руку ль этот сон? –
Вот отец сквозь чашу мчится,
Обернувшись черным псом.
«Где сбежавшая со свадьбы? –
Рвет ей сердце хриплый вой. –
Только мне ее поймать бы,
А уж ей не быть живой!»
Вот к Нарспи он подбегает...
Та проснулась, смотрит: к ней
Скачут всадники, стегая
Плетью взмыленных коней.

По данным архивных и полевых материалов, видеть во сне собаку, особенно черную – к врагу, к злой силе, не к добру [13. С. 293]. Сюжет поэмы подтверждает правильность значения снотолкования: отец становится преградой на пути к счастью. Об этом говорят и строки из поэмы:

Пусть тут глаза нет дурного,
Так иль сяк – один конец.
Загубил родной родного,
Дочкин век заел отец.

Как ни старались быть всегда вместе Нарспи и Сетнер, все же против их воли Михедер со старухой отдают дочь за Тохтамана. А Нарспи не в силах с ним жить. Тохтаман бьет ее за любовь к Сетнеру. Нарспи губит мужа, добавляя яд в пищу, и бежит в лес, где встречается со своим любимым. Вся природа радуется их встрече:

Дымный след последней тучи
Тает в жарком блеске дня,
Солнце льется в лес дремучий,
Песни птиц летят, звеня.

Это поют обыкновенные птицы. Но есть еще одна *птица*:

Но к Нарспи из глухомани
Черной птицы рвется стон:
«Не забудь о Тохтамане!
Не тебя ли ищет он?».

Если обыкновенные птицы в гнездах поют, а в оригинале, на чувашском языке, именно это слово — то *черная птица стонет*, что говорит о ее беспокойстве, дисгармонии в природе. По чувашскому поверью, если кричит черная птица, то это не к добру [Там же. С. 85]. Существует поверье о превращении души человека в птицу [Там же. С. 202]. Во время сна или же перед смертью душа в образе птицы вылетает изо рта человека. Аналогичное поверье есть и у башкир [6. С. 105]. Если учесть эти приметы, поверья и сопоставить их с сюжетом поэмы, то стонущая черная птица — душа Тохтамана. В оригинале поэмы черная птица со стоном ищет душу Нарспи. Судьба Нарспи уже предрешена.

Чуваши считают, что если мать и отец не благословят свою дочь, то она умрет [13. С. 242]. Когда Нарспи просит отца и мать благословить ее с Сетнером — Михедер со старухой проклинают ее и Сетнера:

ТЬфу! Отрубленную ветвью
Вам засохнуть и истлеть!
По-собачьи жить на свете!
По-собачьи умереть!

Согласно поверьям, человек, которого не благословили, никогда не принесет счастья окружающим. Если такой человек встретится на пути или же первым выйдет в поле на жатву, то успеха, счастья не жди [Там же. С. 219]. Оставшаяся без благословения родителей Нарспи не может принести счастья ни Сетнеру, ни его дому, ни самой себе.

У чуваш есть пословица: «Ылханни — сурмалла» («Проклятия — поровну»). Проклятия Михедера и его старухи в адрес дочери и Сетнера оказали свое воздействие: внезапно все отходят в мир иной. Родители девушки и пытавшийся спасти их Сетнер погибают от рук воров, а Нарспи, потерявшая весь смысл

жизни, накладывает на себя руки. Отказавшихся жить по своей воле по традиции погребают отдельно – ее хоронят не на кладбище, а на месте смерти:

Там, где жизнь Нарспи сгубила,
Труп зарыли в тот же день
И сплели вокруг могилы
Из орешника плетень.

Во время засухи люди поливают могилы заложных покойников [2. С.56; 3. С. 112], что мы наблюдаем и в поэме «Нарспи»:

И теперь, когда, бывает,
Землю сушит суховей, —
Дерн водою поливают
Люди добрые над ней.

Чувашские поверья раскрывают причины подобных действий. Заложный покойник называется по-чувашски *элчелёр виле*. О нем говорят, что он отпугивает людей и дождевые тучи, поэтому они не приходят, обходят стороной. Чуваши верят, что на том свете вода стоит очень дорого. «Боязнь» туч объясняется своеобразно. Полагают, что если тело заложного покойника захоронено в поле, то дождя не будет до семи деревень в округе, покойника мучит жажда, и когда дождевые тучи двигаются по направлению к его захоронению, то он, не выдерживая жажды, идет к ним навстречу. А дождевые тучи, пугаясь покойника, уходят в другом направлении, вследствие чего бывают засухи, суховеи [13. С. 56]. Поэтому, когда не бывает дождя, поливают могилу Нарспи, чтобы она «не шла» к тучам, «не пугала» их.

Анализ образной системы поэмы К.В. Иванова «Нарспи» свидетельствует о том, что народные приметы и поверья обогатили ее, сделали поистине народной по духу и классически образцовой по степени переработки устной поэзии в литературном произведении.

Литература

1. *Артёмьев Ю.М.* Образная система поэмы К. В.Иванова «Нарспи» // Художественный образ в чувашской литературе и искусстве. Чебоксары, 1987.

2. *Ермилова Е.В.* Анализ фольклорного материала экспедиции // Научный отчет по проекту «Чуваши Приволжского федерального округа». Чебоксары, 2002. С. 55—67.
3. *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
4. *Иванов К.В.* Избранное: (Стихи, сказка, поэма). Пер. с чуваш. / сост. и примеч. Я. Ухсая. М.: Сов. Россия, 1979. 144 с.
5. *Ласло Захемски.* Роль фольклора в эпических произведениях К.Иванова-Прта // Вопросы поэтики К.В. Иванова: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения поэта. Чебоксары, 1991.
6. *Никольский Д.* Башкиры. СПб., 1899.
7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1987.
8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990.
9. *Попова Е.В.* Семейные обычаи и обряды бесермян. Ижевск, 1998.
10. Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1963. Т. 14.
11. *Хлебников Г.Я.* Художественное мастерство К.В.Иванова в поэме «Нарспи» // Классик чувашской поэзии: Сб. статей, посвященный 75-летию К.В.Иванова. Чебоксары, 1966. С. 25—92.
12. *Хоул К.* Энциклопедия примет и суеверий / Пер. с англ. А. Дормана. М., 1998.
13. Чăваш халăх пултарулахĕ. Сăнавсемпе ёненÿсем. Тĕлĕксем / Пухса хатĕрленĕ, ум сăмахпа анлантарусене сыраканĕ Е.В. Федотова. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2009. 383 с.

И.Ю. Кириллова

«НАРСПИ» ПОЭМАН МАЛТАНХИ ТИШКЕРĖВĔСЕМ

Чăваш литературин чи паллă хайлавĕсенчен пĕри 2008 çулта 100 çул тултарчĕ. Сăмах К.В. Иванован «Нарспи» поэми пирки пырать. Шăп та шай пĕр ёмĕр хушши вулакан чĕрисене вырнасса кашнинче тĕрлĕ шухăш-кăмăл суратма пултарчĕ çак вилĕмсĕр хайлав. Сăваç сăпатланă ёç-пуç аслă малашлăх тупса нумай калаçу-тавлашу суратрĕ. Чăн-чăн классикăлла литература сăпла пулмалла та.

Поэмăна чи малтан хак параканни К.В. Иванов вĕрентекенĕ И.Я. Яковлев пулнă. Чăвашсем хушшинче те саван пек илемлĕ, чăн чăваш чĕлхипе, пулса ситнĕ рифмăсемпе сырма пултаракансем пурришĕн саваннă вăл.

Пуçласа пичетре поэт пултарулахне пысăка хурса хаклакансем Т. Туринке (Хыпар, 1917. Ноябрьĕн 20-мĕшĕ), К. Пăртта, поэтăн шăллĕ (Канаш, 1918. Апрельĕн 17-мĕшĕ), Д. Ефимов

(Канаш, 1918. Апрельн 24-мёш) пулнă. Т. Туринке пусласа поэтăн чăваш литературинчи ыранне палăртса ăна ыраçсен А.С. Пушкинĕпе танлаштарать.

1919—1920 çулсенче «Нарспи» поэма 3 хут пичетленет, ун тăрăх лартнă спектакльсене тĕрлĕ чăваш ялĕсенче кăтартма пуçлаççĕ. Çапла поэма хай вулаканĕ-кураканĕсене тупать, чăннипех те тĕпчев объектĕ пулса тăрат.

Вăхăт паллисене шуга илсен, кашни ăру тĕрлĕрен йышăннă хайлава. 20-мĕш çулсен пуçламăшĕнче К.В. Репин, Н.Я. Золотов таврапĕлÿçĕсем Нарспипе Сетнер шăписем трагедилле килсе тухнишĕн мул тĕнчине айăплаççĕ. К.В. Репин Михетере хĕрхенет те тÿрре кăларма пикенет: «Тĕп чăваш сынни. Кивĕ йăласене туса тăраканскер ёмĕрген ватисенчен юнă сăмахсене ыраша кÿресшĕн тăрăшашь... Вăл усал сын мар, анчах ăна пуянлăхĕпе ватлăхĕ усал сын тăваççĕ. Хĕрне çук сынна качча пани питĕ пысăк намăс пек туйăнать ăна». Тăхтаман вара чун или пулса Нарспипе Сетнере хай киревсĕрлĕхĕн чурисем туса хурать [6]. Н. Золотовшăн Сетнер чăн-чăн герой, анчах та мул çукки пĕтерет çамрăка. Нарспи вара каччине тивĕçлех пулса тухман: «Хĕрĕ арçын пекех инкекпе кĕрешме пултараймасть, хайшĕн тăрăшакан сынна çапла калать: «Ан ўпкелешсем, Сетнер, Мĕншĕн сынна ўпкелес, Аста тарса каяс-ха Пуян атте-аннерен?...». Нарспи Тăхтамана вĕлерни çинчен каланă тĕлте те вара: «Иванов чăваш хĕрĕ çинчен чăннине каламасть, вăл йăваш çĕреллĕ пурне те тÿсекен чăваш хĕрне ыраç романĕсенчи пек харсăрлатса ярат, пысăк, аслă çĕреллĕ тăвать...» [7].

30-мĕш çулсене илес пулсан Н.В. Шупуçсынни К.В. Иванов пултарулăхне пĕтĕмĕшле илсен тĕрĕс кăтартнă теме пулат. Вăл «Нарспи» çинчен каланă ырансенче хай вăхăчĕшĕн характерлă çак шухăшах палăрат: «Кулакпа чухăнсен хушшинчи классен кĕрешĕвне кăтартнă». Поэмăра мистицизм пур тенине вара тĕпчевçĕ идеологи хыççан кайнипе ăнлантарма пулат [1. С. 15—18].

Г.И. Комиссаров тĕпчевçĕ çакна хирĕçлет: «Персонажен психикине кăтартни вăл произведени мистицизмĕ мар, психологизмĕ пулат». Нарспи хай çине алă хунине те тĕрĕс ăнлантарса парать: «...Хуйхисем ытлашши купаланнăран, пурнăç ёмĕчĕ татăлнăран, юлашки телейĕ — Сетнер — пĕтнĕрен, ашшĕ-амăшĕ пĕтнĕрен ухмаха ернипе çакăннă» [4. С. 39—43].

Çак çулсенчех литературăна идеологие пăхăнтарма тăрăшакансем «Нарспи» авторне хытах тапăна пуçлаççĕ. Вĕсенчен

пёри Г. Кузнецов-Кели критик: «Ку произведени малтан пусласа вёсне ситичченех кулакка, вак буржуалла произведени... Пусмәрла пурнаҫ сәнәҫ сук. Сетнер — хайён нимле интересёшён кёрешме пултараيمان, хавшак, мул суккишён кулянатъ, хайён класла вырәнне пёлмест, пуянләха пуҫ сапаты. Хайён ташманне, Михетере, вәрәсем тапәнсан аһа сәлма паттәрланса каять». Кулак хёрне юратнашан та хурлаты, социализмла мар пулса тухаты иккен ун пек. «Нарспи — пуян, илемлө, аһа илемлө каччә сөс ситмест. Вәл Сетнере качча кайёччө, анчах ашшёнчен урла иртме йәла сук... Чәваш ёҫ хёраәмён пусмәрла «телейне» К. Иванов кәтартман. Михетер Нарспипе Сетнере мәшәрланма чарман пулсан, К.В. Иванов шухәшөпе, чәваш хёраәмө ирёке тухатчө, чухәнпа пуян хушшине килёшү, танләх анатчө, вара... революци те кирлө мар» [5. С. 43—46]. Сапла майпа К.В. Иванов «кулак поэчө» пулса тәрәт. Вәл пуян сөмберен пулнине аса илессө, пичетлеме чарнассө.

1934—1935 сүлсенче «Нарспи» авторён ячө пичетре сөнөрен ыра ят илме пуслаты. Поэмәна чәвашла литература чөлхипе сьрнә пёрремөш хайлав пек пәхма пулассө, уһпа илемлө литература аталанәвне виҫөссө (Д. Данилов, А. Эхель) [2]. Сәвәс вилнөренпе 20 сүл ситнө май поэта ёмөр асәнмалла тумә йышәнассө. Суралнәранпа 50 сүл сывхарса пынәсемөн ытларах төпчеме тытәнассө, нумай асилүсем пичетленессө.

Төпөр паллә төпчөвсө Е.З. Захаров «Нарспире» автор сөмьё ыйтәвөнче юратәва, пёр-пөринпе килөштернине пуянләхран нумай мала хунине асәрхаты. Анчах та поэма конфликтне политикәлла лару-тәрупа сьхәнтәрма тәрәшаты: «Упәшки хөсөрленине тусеймесөр качча кайсан 2—3 эрнөренех упәшкине вөлөрсө хайён савнипе пөрлөшөкөн чәваш хёрне ашә кәмәлпа кәтартни — 1907—1908 сүлсенчи Иванов творчествинче Раҫсейри пёрремөш революци хумөсем төкөрленине кәтартаты. Төп герой вилни автор общество йөркине епле урәхлатса лайәхлатмалнине әнланса илейменнине пөлтерет». Нарспи поэмәра «хәй саманишён юрәхлә, әслә-тәнлә чәваш хөрөн типө» пек пулса тухнә. «Сетнер синчен «вөри юнлә чөри пур» тени Нарспишён килөшүллөрех. Сәкна вәл ёҫпе кәтартаты. Автор кәмәлө те ун енче. Ун чөлхи-сәварө урла хәй Иванов каласаты». Сетнере юрәхлә тип шайне хәпартмасть статья авторө: «Вөри вут пек силли кәна пур... Михетере укәпала ухмаханнә пек кураты, тәшман пек мар. Ку әс-тәнө ыгла пысәках пулманнине кәтартаты...» [3. С. 25—28].

Ку шухаш ку тапхӑрти сыравӑсем хушшинче те палӑрать.
Акӑ Ахтупай ятлӑ савӑс йӑркисем:

Тӑлӑрет макӑравӑ Сетнер.
Мӑн пире... юмахри юрату сурӑххи...

Митта Ваҫлейӑ вара хирӑҫлет:

Эп юрласшӑнчӑ савӑнӑҫлӑ ҫемӑ,
Эп пуласшӑнчӑ паттӑр Сетнер.

Кунта сыравӑсен социаллӑ позициӑ кӑҫкӑретех.

Пӑтӑмлетсе ҫакна калама пулать. 20—30-мӑш ҫулсенче «Нарспи» поэмӑна тӑпченӑ авторсем критикалла реализм серепинчен тухаймаҫҫӑ. Вӑсем поэмӑри конфликта вырӑссен пӑрремӑш революциӑ тапхӑрӑнчи конкретлӑ ӑҫ-пулампа ҫыхӑнтарма тӑрӑшса хайлавра саманан пайӑр паллисене шыранӑ, поэт пултарулаӑхӑн тӑп пӑлтӑрӑшне класс кӑрешӑвӑн сывлашине мӑн тарин палӑртнипе хакланӑ. Кунта, паллах, ку тапхӑрти литературапа пӑрлех литература пӑлӑвӑ те ҫав вӑхӑтри идеологие пӑхӑннине, вӑсен аталанӑвне, тӑпчевӑҫсен тавракурӑмне шута илмелле. Ҫапах та поэт пултарулаӑхне тарӑнрах тӑпчеме кирлине паянхи тӑпчевӑҫсем аванах кӑтартса пачӑҫ (В.Г. Родионов, Г.И. Федоров, Ю.М. Артемьев). Чӑваш пурнӑҫӑн энциклопедиӑ тени хӑйех (Ю.М. Артемьев) «Нарспи» чӑн пӑлтӑрӑшне уҫса пама пулашӑть. Поэмӑра ӑмӑрхи темӑсене (сын тата ҫут ҫанталӑк), пӑтӑм этемлӑхшӑн пӑлтӑрӑшлӑ хаклаӑх-пахалаӑхсене (таванлаӑх туйӑмӑ, юрату), кӑмӑл-сипет проблемисене, чӑн чӑваш тӑнче курӑмӑе философиене кӑтартса пама пултарнӑ К.В. Иванов. Унта хывӑннӑ шухӑшсен ҫӑмхи ҫулсем иртнӑҫемӑн тата хивреленсе, илемлӑ ӑҫ-хакӑлӑн тымарӑсем тата тарӑнланса пыраҫҫӑ. Ҫакӑ поэмӑн чун пурнӑҫӑн малашлаӑхне систерет...

Литература

1. *Васильев Н.В.* Краткий очерк истории чувашской литературы. М., 1930.
2. *Данилов Д.Д.* К. Иванов: жизнь и творчество. Чебоксары, 1940.
3. *Захаров Е.З.* Чӑваш илемлӑ литератури. Шупашкар, 1934.
4. *Комиссар Гурийӑ.* Рецензи // Халаха вӑрентес ӑҫ, 1930. 7—8 №.
5. *Кузнецов Г.И.* Литературӑн марксистла методологийӑшӑн // Халаха вӑрентес ӑҫ, 1930. 7—8 №.
6. *Репин К.В.* Пӑртен-пӑр ҫыннӑмӑр // Ҫӑнӑ пурнӑҫ, 1918. Майӑн 2—19-мӑшӑ, апрелӑн 21—27-мӑшӑ.
7. *Ют.* К. Ивановпа унӑн Нарспиӑ // Канаш, 1920. Майӑн 20-мӑшӑ.

«НАРСПИ» ПОЭМАНА ХАҢАН СЫРНА?

«Нарспи» поэма пичетленсе тухнаранпа сёр сул ситрѐ. Таван литературапа культура ёсченёсем сакна анлан палла турѐс. Мухтавлӓ поэма хӓсан сырнине пѐтѐмлетни кирлех тесе шуллатӓп.

Николай Шупуҗсынни пѐлтернѐ тарӓх, Константин Иванов поэма 1907 сулхи кѐркунне «Туй» текен сыпӓкран тытанса сырма пусланӓ. Ун чухне И.Я. Яковлев сӓмрӓксен пултарулаӓхне сӓнаса пӓхас шутпа М.Ю. Лермонтовӓн хайлавёсене чӓвашла куҗарттарнӓ. Пѐррехинче Чѐмпѐрти чӓваш шукулѐнчи хуралсӓ вут хутса янӓ каланкка умѐнче Нарспи ятлӓ хѐрѐн телейсѐр шӓпи сӓнчен каласа панӓ. Сӓк халап К. Иванова поэма сырма хавхалантарнӓ пулат. Н. Шупуҗсынни хӓйѐн тусне «Калашник хуҗа сӓнчен хунӓ юрӓри» тѐп сӓнар пите килѐшнине те палӓртать. Калашник хуҗа сӓнарне И.Я. Яковлев та кӓмӓллӓнӓ, ӓна юрӓри герой хӓй чысне паттаррӓн хуӓтѐлени уйрӓмах илѐртнѐ. Нарспи хӓй юратӓвѐшѐн сирѐп тӓни шӓпах сӓв сӓнар витѐмне систерет. Сӓк хӓйне евѐрлѐ пѐртанлаӓх туйӓмѐ революцилле кѐрешуӓе пѐр кѐвѐллѐ пулнӓ, самана сывлаӓшне палӓртнӓ.

Сакна ун чухнехи ытти сӓвӓссем те лайӓх туйса илнѐ. Акӓ 1906 султа «Хыпар» хаҗатра Турхан Яккӓвѐн «Варуҗси» поэми пичетленет. К. Ивановпа пѐрле вѐреннѐ Марфа Трубина сӓв сулах «Вилѐм» ятлӓ вӓрӓм сӓвӓ сырат. Асӓннӓ икѐ хайлавра та ирѐксѐр качча паракан хѐрсем шыва сиксе вилесѐсѐ, вѐсем сӓпла кивелнѐ йӓла пусмӓрне хирѐслесѐсѐ. «Нарспие» сырнӓ вӓхӓтра ун авторѐе ӓмӓртса Н. Шупуҗсынни те «Хитре Чѐкесѐ» поэма сырат.

К. Иванов хӓйѐн мухтавлӓ поэmine 1907 сулхи кѐркунне сырма шуӓш тытнине сивлеме сук. Поэт 1906—1907 сулсенче сырма палӓртнӓ хайлавсен йышѐнче «Нарспи» поэма ячѐ сук. Анча кунта сакна палӓртса хӓварни кирлѐ: автор хайлавра хӓй 1906 султа сырнӓ сӓвӓпа та усӓ курнӓ. Сӓмахран, йӓмра хӓйѐн шыври сӓнне пӓхса савӓнни сӓнчен калакан йѐркесем поэтан 1906 сулхи блокнотѐнче упрӓнса юлнӓ. Пирѐн шутӓмӓрпа, «Нарспире» сӓкнашкал вырӓн татах тупӓнма пултарать. Ку енѐе пире уйрӓмах чи малтанхи сыпӓк («Силпи ялѐнче») шуӓшша ярат. ӓна автор 1907 сулхи суркунне ураӓх ятпа сырса хума пултарнӓ. Тѐпчевсѐсем тахсанах асӓрханӓ тарӓх, ку сыпӓкра поэт

хайён таван ялне сәнласа панă. Ялĕ, чăн та, аслă, пысăк. Унăн вăрăм урамĕсем Слак шывĕн икĕ енĕпе тăсăлнă. Тахçанах пĕтсе саланнă Силпи ялĕн ырăнĕ пĕчĕк – тăршшĕ те, урлашĕ те сĕр метра яхăн сĕс. Унта пуртсем икĕ ретпе ырнаçнă. Пĕринче – сирĕме яхăн, тепринче – вунна яхăн. Тĕпсакайĕсен речĕсен хушши те инçех мар. Ялĕ шарласа юхакан юхан шывăн кукрин тайлăмĕнче ырнаçнă. Тепĕр енчен вăрман хутĕлет. Кăшт тăварах пĕве пĕвелесçĕ. Поэт, паллах, кунти тавралăха та асра тытнă, хайне май улăшгарса ўкернĕ. Поэмăн пĕрремĕш сыпăкĕ малтан «Слакпуç ялĕнче» ятлă уйрăм сăвă пулман-ши? 1907 çулхи пуш уйăхĕн пуçламăшĕнче революци юхамне хутшăнса пăлханнăшăн К. Ивановсен класне салатса ярасçĕ. Таван яла таврăннă сăвăс, вĕренĕрен пушаннăскер, хай чунтан юратнă ёсе пикенмесĕр тўсейменех. Вăл суркунне хавалёпе сурхи санталăк сĕнчен хавхалансах сăвă сьрма пултарнă. Унăн таван килĕнчен сарлака та илемлĕ тавралăх курăнать. Кунта уйрăмах сўллĕ сарт-тусем куçа лекесçĕ. Сурхи яла, сурхи кăмăла сăвăла та сăвăла! К. Иванов сав сĕкленўллĕ пушăрах вăхăтра «Слакпуç ялĕнче» е пĕр-пĕр урăхларах ятпа сăвă сьрма пултарнă. Кайран апа сĕнетсе, юмах сĕмĕ кўрсе поэмăна кĕртнĕ теме юрать. Ытти хыпарсем те сăпла шухăшлатгараççĕ: Слакпуçĕнче Турикас ятлă урам та пур, ку ялта Нарспи текен карçăк та пурăннă иккен.

«Нарспи» сьрнă вăхăт сĕнчен калакан иккĕмĕш паллăрах хыпар И.Я. Яковлев мăшăрĕ Екатерина Алексеевна хайĕн Мускаври ывăлĕ Алексей патне янă сьрура тĕл пулать. Апа 1908 çулхи кăрлачăн 8(21)-мĕшĕнче сьрнă. Унта акă мĕн каланă: «Пĕррехинче Ив. Як. унăн сьвăрмалли пĕчĕк пўлĕмне пырса кĕнĕ, лешĕ темĕскер вуласа ларнă та И.Я. асăрхаман. Курсан хăраса ўкнĕ, хучĕсене пытарнă, кайран сăпах та кăтартнă. Чăвашла халап сьрнă иккен, икĕ пин ытла сăвă йĕркиллĕскер, тап-таса чăваш чĕлхипе, сав тери лайăх, сав тери хитре, рифмисем те хўхĕм. Асу чăннипех хĕпĕртесе ўкнĕ, пичетлесĕн».

Кунта поэмăна сьрса пĕтерни татăклă паллă мар. И.Я. Яковлев вĕçленмен хайлавранах вăл таван литературăшăн пысăк пĕлтерĕшлĕ пуласса туйса илни хаклă. Шкул пуçлăхĕ автора уйрăм сĕнўсем пaman та-и, тен. Кун сĕнчен нимĕнле сас-хура та юлман. Поэма калăпашне шута илсен унăн тĕп пайне 1907 çул вĕсĕпе 1908 çул пуçламăшĕнче сьрни сисĕнет.

Кун хысҕаҥхи хыпара поэтпа пёрле вёреннё Дмитрий Ефимован аса илёвёҥче тёл пулатпяр. Вёл 1918 сұлта «Канаш» хаҕатра «Константин Иванов» ятпа тухна. Унта саваҕс поэма сыпакёсене хайпе пёрле вёренекенсене вуласа пани ҕинчен пёлтернё. Д. Ефимов савна май поэт нүрэ те сивё пүлёмре пуранны ҕинчен асанат. Хайлава ҕырса пётернё вэхят Ефим Матвееван «Нарспи» поэмана малтан вулани» аса илёвёҥчен лайах куранат. 1908 сұлхи су уйахён вёсё. Тёнче ешернё тапхяр, вёрену сүлё вёсленмен-ха. К. Иванов поэмана ҕырса пётерни ҕинчен И.Я. Яковлева пёлтерет. Вёсем иккёшё куҕ хупмасяр ҕёр каҕасҕё. Поэт «Нарспи» поэман ал ҕыраёвёпе паллаштарат, шукул пуҕлахне пётёмпех вуласа парат. Иккёшён хушшинче тёрлө каласу та нумай пулна-гяр. Шукул пуҕлахё поэта сапла хакласа каланя: «Санян яту та «Нарспипе» пёрле ҕавашра ёмёрех юлө, Константин, эсё пысак поэт». Ирхине И.Я. Яковлев уроксем пуҕланиченех ачасене класа пухат те Ефим Матвеева поэмана вулаттарат. Пёрремёш урок та вёсленет – вуласа тухман-ха, И.Я. Яковлев тепёр ҕын урокне йышанса малалла вулаттарат. Сапла саванса үкнё педагог «Нарспипе» ытти класри ачасене те паллашма ирёк парат.

1908 сұлхи кёркунне, Чёмпёрти ҕаваш шукулё уҕалнаранпа хёрёх сул ҕитнё тёле, «Нарспи» поэма «ҕаваш халлапёсем» кёнекере пичетленсе тухат. Унта К. Иванован юмахёсемпе пёрле М. Федорован «Арсури» поэми тата Н. Шупуҕсыннин хайлавёсем те сапанна. Уяв вэхятёҥче кёнекене шукулти вёренекенсене парнелесҕё. Ытти вёрену сүлёсем пуҕланмассерен аҥа тин вёренме кёнө ачасене валессе парасҕё. «Нарспи» поэма сыпакёсемпе вёренуре тяташ уҕа курма тытанаҕсё, вёсене литературапа музыка каҕёсенче вуласа парасҕё. Сапла К. Иванован мухтавля хайлавё ҕаваш тёнчине кёрсе саралат, ҕаваш чунне ҕутатса тама тытанат. Ахальтен мар И.Я. Яковлев унан авторне «ҕаваш Пушкинё» тесе хаклат. Кунта вёл, паллах, К. Иванован ытти хайлавёсене те шута илнө.

Сапла вара ҕакан пек пётёмлету тума пултаратпяр: К. Иванов хайён классика шутне кёнө «Нарспи» поэмине 1907–1908 сулсенче ҕырна. Автор аҥа хай шапах вунсакяр сул тултарна тёле ҕырса пётернө. Ғакан пек тёлёнтермёш тёлсёлх тёнче поэзийёҥче сайра тёл пулат. Ғаваш чунне чаплан санласа кятартна саваҕсамара яланах сума савар!

«НАРСПИ» ПОЭМАН СЌВЌ ХЫВЌМ УЙРЌМЛЌХЁСЕМ

К.В. Иванов пултарулЌхё пирки тёпчевёсем нумай сул хушши каласрёс пулин те, аслЌ классикамЌрЌн ёсё-хёлё паянхи ЂрушЌн та малашлЌхлЌ. СЌмахЌм «Нарспи» поэмЌн сЌвЌ хывЌм уйрЌмлЌхёсем сЌнчен.

«Нарспири» сёмё тата састаш хЌй евёрлёхё сЌнчен халиччен асЌнман мар. ХЌй вЌхЌтёнче М.Я. Сироткин, С.А. Александров т.Ыт.те асЌннЌ поэмЌна чЌваш халЌхён сЌичё сыпЌклЌ сЌвЌ висипе сЌрнине, хайлавра силлабика-тоникапа сЌрЌннЌ йёркесем те чылай пулнине палЌртрёс. Пуян чёлхеллё «Нарспире» хорей тата ямб висисене сЌвЌх йёркесем чылай. СЌнарах пЌхсан вара, ямб виси пус пуларах тЌрать. Мёнпе Ќнлантарма пулать-ха сЌак пулЌма? К. Иванов вЌл, пёлетпёр, кайри ударениллё сЌмах тёнчинче суралса Ѕснё поэт. СЌак туртЌм поэмЌна та куснЌ-тЌр.

СЌвра хЌй евёрлёхё сёнёлле пулнине те палЌртмалла. ПоэмЌра Ытларах 20 йёркеллё 5 йЅн тёл пулать. В.Г. Родионов тёпчевёсё палЌртнЌ тЌрЌх, К.Иванов 20 йёркеллё йЅнсемпе сЌрни ахальтен мар: «1) асЌннЌ йЅне сЌвЌх сЌврасем Я.ТурханЌн «Варусёи» хайлавёнче те тёл пуласёсё; 2) поэма чёлхишён пилёк тЌватЌйёр-келёхён илемлёхё витёмлёрех, вёсем халЌх сЌмахлЌхён юррисенче те, пейтсенче те тёл пуласёсё» [3. С. 357].

ПоэмЌри кашни йЅнри сЌврасен тёсне тишкерсен сЌапларах таблица курЌнать (хайлавра пурё 2078 йёрке):

1. Силпи ялёнче: АБАБ (13%), АБВБ (6,2%), ААБА (3%), ААББ (2%), АБББ (1,2%), ААБВ (0,6%).

2. СарЌ хёр: АБВБ (13%), АБАБ (11%), ААБА (1,2%), АБББ (0,6%).

3. Сёмёк касё: АБВБ (13%), АБАБ (8,3%), ААБА (1,2%), АБББ (0,8%), АБВА (0,8%), АААА (0,4%), АББВ (0,4%).

4. Туй: АБАБ (14,4%), АБВБ (9%), ААБА (0,9%), АААА (0,9%).

5. ЮмЌс патёнче: АБВБ (15%), АБАБ (7%), ААББ (0,9%), ААБА (0,9%).

6. Тарни: АБВБ (17%), АБАБ (7,2%), АААА (0,7%), АА (0,7%).

7. Икё туй: АБВБ (20%), АБАБ (5%).

8. ХушЌлкара: АБВБ (15%), АБАБ (6%), ААБА (3,3%), АБББ (0,6%).

9. Ҷимёк иртсен: АБВВ (15%), АБАБ (7%), АБББ (0,9%), АБВВ (0,9%).

10. Нарспи ёсё: АБАБ (14%), АБВВ (10,4%), АБББ (0,4%).

11. Силпире: АБВВ (18,3%), АБАБ (5%), ААБА (1,6%).

12. Вәрманта: АБАБ (16%), АБВВ (9,5%), ААБА (1,2%).

13. Атте-анне: АБВВ (21%), АБАБ (3,5%), ААБА (0,5%), ААББ (0,5%).

14. Тавата виле: АБВВ (20%), АБАБ (5%).

Сапла вара, поэмара хёресле рифма пуҶ пулса тарать: АБВВ (56,6%), АБАБ (35,6%). Пирён шутпа, асанна Ҷавра тесёсем ытларак тел пулнин салтавне психологилле параллельлехпе сыхантарма пулать. Ун пек чухне, палла ёнтё, этемён камал-тарамне Ҷут Ҷанталак тенчипе сывахлатса танлаштарни тепре (А.Н. Веселовский):

Хирте ака айёнче
Ҷерем лап-лап касалать;
Усал хуйха-суйхаран
Нарспи чунё касалать.

Хайлаван пултарулахла историне Ҷавра-састаш хай еврёлехё енчен тепчесе В.Г. Родионов тухасла пётёмлетусем турё: «Типы рифм в главах и блоках подтверждают предположение о поэтапной работе автора над поэмой. Они позволяют утверждать, что самыми первыми главами поэмы первоначально были главы «Красная девица» и «У знахаря». Это подтверждается и строфической организацией, и сюжетным воплощением первоначального замысла поэта» [2. С. 135].

Поэман тепёр палла уйрамлахё: хайлавра ытларак глагол рифмасем тел пулни. Чылай чух вара самахри икё е виҶё сыпакё те рифмаланать:

— Михетере Ҷаратна,
Пёр япала **хаварман!**
Ҷёр Ҷатманя вярәсем
Тураран та **хараман...**

Пирён шутпа, пуян та пёлтерёшлё савя хывам Ҷёнёлехёсем тума К.В. Иванова вырас тата тенче литературин теслехёсене аша хывни, Ҷавашла куҶарни те пулашна.

Юлашкинчен җакна калас килет: шел пулин те, паянхи савăҗсем силлабика виҗипе сахал җыраҗҗё. җырас теменрен, тиркенёрен мар җак пулам. Таса силлабика виҗипе җырма пысак асталак кирлёрен. җеҗпёлчченхи поэзи аталанавё чуханрах пулна тетпёр пулин те, хальхи литература каҗалакёнче силлабикапа җырна «Нарспи» йышши чапла поэма җук-ха. Халак савви виҗипе җырна тепёр вилёмсёр хайлав җуралсан, пирён шутпа, таван поэзи икё тымарлак пулеччё...

Литература

1. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
2. *Родионов В.Г.* Чувашский стих: Проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992.
3. *Родионов В.Г.* К.В. Иванов хайлавёсен пулгарулакхла историйё // *В.Г. Родионов. Савă. Семах. Санар: Тёрлё җулсенче җырнисем.* Шупашкар: Чаваш патш. ун-чён изд-ви, 2007. 336–372 с.

Е.Ф. Васильева

К.В. ИВАНОВАН «НАРСПИ» ПОЭМИНЧИ ИДИОМАҖСЕН ВYРАНЁПЕ ПЁЛТЕРЁШЁ*

Пирён ман асаттесем (сём авалхи тёрёксен пёр асамлак ушканёнчи ёҗченсем) ёмёртен ёмёре пархатарлак йыш хушса, пур енчен те сиксе тухакан йыварлакхсене җатмлан җентерсе пырса, җутак малашлак пуласса шанса хайсен вай-халне шеллемсёр ырма-канми ёҗленё. Вёсем хайсен пурнаҗё, ёҗё-хёлё, хутшанавё мёнлерех пулнине ламран лама семах вёҗҗён пёлтерсе танак. җыруллак чаваш җёлхи вай илсен, ваттисен семахёсемпе каларашёсем, җунатлак семахсем чаваш ачисене кёскен, илемлё, тёрёс, витемлё калаҗма-җырма вёрентекен чи тухаклак мелсенчен пёри шутланма пусланак. җыравҗасем хайсен хайлавёсенче таран шухаша яракан ытарлак ваттисен семахёсемпе, кёвёллё те пиҗё җёлхе тума пулакшакан халак пулевне җывах уйралми семах җавранашёсемпе анлан уса курма тытанна.

* Поэмара тел пулакан идиомаҗемпе Хушса панинче (3 №) паллашма пулать.

XX ёмёр пууламашёнче савасемпе поэмасем сырма пууланă К.В. Иванован савви-юррисенчи идиомасем чаваш халăхён революциченхи кун-сулне, йăли-йёркине, шухăш-кăмăлне яр усăн сугатса парасё. Тёслёхрен, 1908-мёш султа кун сути курнă «Нарспи» поэма 14 сыпăкран, 2078 йёркерен тарать. Унта 193 идиома тивёслё вырăн йышăннă. Тёслёхрен, «*али-ури сымă*», «*арман чулё чёре синче авăрать*», «*айш суннине пусар*», «*кусёнчен вут кайрё*», «*чёре кăлт-кăлт сикет*» т.ыт.те.

Халăх хушшинче анлă сарăлнă идиомасем К.В. Иванова чаваш чёлхин пуянлăхне, пиёслёхне, варттан сёмёсене, ял сыннисен ытарлă, чёре сăнарлă пуллевне сичё сыпăклă силлабика виçипех кёскен те витёмлён, тёрес сугатса пама май панă.

Литература

Иванов К.В. Нарспи. Поэма / Куçараканё А.С. Смолин. Шупашкар: ЧПГАИ, 2001. 128 с.

Е.П. Чекушкина

«НАРСПИ» ПОЭМАРА ХЁВЕЛ САНАРНЕ ЁКЕРНИН ХАЙ ЕВЁРЛЁХЁ

К. Иванован «Нарспи» поэминче хёвел сăнарё пёрремёш сыпăкрах («Силпи ялёнче»), ситменнине савран иккёмёш йёркинчех тёл пулать:

Пуш уйăхён вёсёнче
Хёвел пăхрё ашăтса,
Силпи чаваш ялёнче
Юр ирёлчё васкаса.

14 сыпăкран таракан хайлавра хёвел сăнарё пётёмпе 31 хутчен тёл пулать. С.А. Александров тёпчевсё хёвелён поэмари пёлтерёшё пирки шухăшласа сапла сырать: «... В «Нарспи» мы видим, что за солнцем закрепляется активное жизнетворящее начало, хотя это не будет исключать в дальнейшем его роли в показе внутреннего мира героини» [1. С. 29]. Тёпчевсё шучёпе, хёвеле пууламаш сыпăкан иккёмёш йёркинчех асăнни Силпи

ялѐнчи ёссене тўпе сўллѐшѐнчен сѐнама май парать [Савѐнтах. С. 175].

Ахальтен-и «Нарспин» малтанхи сыпакѐсенче Силпи таврашѐнче мѐн пулса иртни («тусем-сѐртсем хуп-хура», «тухать курак ѝап-ѝара», «путаксемпе-варсемпе сѐмѐрѐлсе шыв кѐрлет») ал лаппи сѐнчи евѐр кураанать. Сапла чѐваш ялѐпе ун таврашѐнчи (тен, чѐваш тѐнчинчи тесен тѐрѐсрех те-и?) пурнѐѝ кукрашки-макрашкине йѐлт асѐрхаса тѐрать пек хѐвел. «Хѐвелѐн сѐнарлѐ ѝаш-чикки вѐссѐр тарѐнланса пырать поѐмѐра, – палѐртать Г.И. Федоров тѐпчевсѐ. – Пуласлѐх ашшѐ пек килсе кѐрет вѐл хайлава, ыр пилѐн ѝашатать мѐн пур сѐнталѐка, пиншер сѐнна, сѐршер яла. Хайлав вѐсѐнче те сѐв сывлѐшах туятпѐр унра: пѐр анать те пѐр хѐпаратъ вѐл, кунпа кас, ёспе кану чиккисене палѐртать, Силпие, «таѝти-таѝти сѐрсене» сѐгатать каллех» [4. С. 9]. К.В. Ивановѐн пултарулѐхѐ Чѐмпѐрти чѐваш шукулѐнче вѐреннѐ чух халѐх сѐмахлахне пуѝтарнинчен тарѐнланса пырать теме пулатъ. Авалхи чѐвашсен халапѐсемпе юмахѐсенчен хѐвел яланах ырѐ камѐллѐ, сѐнсене телей сунакан сѐнар пулни паллѐ. Ку вѐл тѐрѐк чѐлхиллѐ ытти халѐхсен те сѐаплах.

Хѐвеле сѐм авалхи тапхѐрта этемлѐх Турѐ вырѐнне хурса пуѝ сѐпнине те палѐртмалла. Тѐслѐхрен, А.Д. Грач тѐпчевсѐ пирѐн эрѐчченех пурѐннѐ сак тата массагет йѐхѐсем хѐвеле хисеплесе шурѐ лашапа чўк туни пирки сѐырать. И.М. Дьяконов историк хѐвел кульчѐ Вавилонипе Египет сѐршывѐсенче анлѐ сѐрѐлнине асѐрханѐ. Египетра хѐвеле сѐс мар, уйѐха та касхи хѐвел тесе хисепленѐ имѐш, сѐутѐ сапалакан сѐак икѐ сѐнар тўпере час-час пѐрле кураанѐран вѐсене пиччѐшѐпе йѐмакѐ тесе те каланѐ. Чѐвашсен космогонилле халапѐсенче те сѐакѐн йышши мотив тѐл пулнине палѐртмалла.

Тѐрѐк чѐлхиллѐ халѐхсен халапѐсенче хѐвеле сѐн евѐрлѐ курасси час-часах тѐл пулатъ: вѐл пулѐшать, ыр сунать, ыванса сѐитет, намѐсланса хѐрелет т. ыт. те. Чѐвашсен аслашшѐсем хѐвел сѐнчен ниҳсан та япѐх каламан, мѐншѐн тесен вѐл пурне те курса-илтсе тѐрать тенѐ. Тѐрлѐ йѐла-йѐрке туса ирттернѐ чухне те хѐвел ятне чи малтан асѐннѐ, ун ячѐпе кѐлѐ вуланѐ. Сѐумѐрлѐ сѐнталѐк ытларах тытѐнса тѐрсан пѐчѐк ачасем «Хѐвел тух, хѐвел тух! Сѐупа чѐкѐт сѐитереп», — тесе чѐнсе калани те чѐвашсен хѐвел кульчѐпех сѐыхѐннѐ теме пулатъ.

Сапла вара, хѐвел пирки калакан мифсемпе халапсене К. Иванов та пѐлнех ѐнтѐ. Сѐавна пулах «Нарспи» поѐмѐра тѐл

пулукан «хёвелён сáнарлá аш-чикки вёссёр тарáнланса пырать» те. Малтанах вáл Силпи ялне ытараймасáр, чáваш тёнчине супáрласа áшáтса пáхать: «Хёвел пáхрё áшáтса», унтан «хёртнёсемён хёртет», акá ёнтё тёнче талккáшлáхё валли те ситет ун хёрулёхё: «Хёвел савать тёнчене хёл ыйхинчен вáратса». Тавралáхán сурхи илемёпе киленет хёвел, аслá ялán сүмёпе кёрлесе юхакан сырмари шывра «тёрё тёрлесе» вылянине куратпáр áна. Сапла поэмáра куç умне Силпи ялэнчи идилли ўкерчёкленсе тухать. Турá савса пултарнá сүт тёнчен аталану саккунёсене этем сылáхпа пáсман тáк, малалла та саплах пулмалаччё те ёнтё, автор ахальтен «Сáтмах пекех туйáнат Силпи чáваш ялэнче» темест-ске поэмáра. Малаллахи сáврара сáк ытарайми тёнче мёншён арканнине, хайлаври геройсен шáпи мёне пула синкерлёх авáрне чáмнине кáтартакан йёркесем вулатпáр:

Анчах вáйлá этем те
Хáй тёнчине пáхáнать.
Уқсапала эрехех
Сынна áсран кáларать.

«Хáй тёнчи» тесе палáртать автор этемён сылáхлá тёнчине. Турá сынна ирёксёрлемест, вáл áна тёрлё утáмсем тумá ирёклёхпе áс панá, сáвáнпа вáйлá та этем сүтá тёнчере: эрех ёсетён-и е сүк — санán ирёк, уқса-сармапа епле усá курасси те хáвáнтанах килет. Шел пулин те, ыгларах чух сынна «хáй тёнчи» пáхáнтарса тáма пуслать иккен. «Сүт сáнталáк ыра (илеме, сáмрáклáха, таса юратáва) тёпе хурса пурáнма хушать. Сын тёнчи сáкна пáхáнасшán мар, áна усал илёртсе пáсать», — сырать В.Г. Родионов тёпчевсё сáкán пирки шухáшласа [3. С. 52].

Поэмáра мул тёнчипе суккáрланнá Михетерпе карчáкё, Тáхтаман сáнарёсем ўтленессё малалла. Вара хёвел те хáйён яланхи функцине — тўпене хáпарса сүтатассине тата каялла анассине — пурнáслакан чёмсёр сáнар евёр калáпланма пуслать хайхи. «Симёк кáсё» сыпáкра вара ашшё-амáшё Нарспи кáмáлне курмасáр (Турá кашнинех панá ирёке картмасáр!) Хушáлкари пуянпа туйне лартнине курсан тўсеймест, тарáхнипе «Хёвел анчё хёрелсе Хура вáрман хыснелле». «Атте-анне» сыпáкра ашшёпе амáшё хёрне ылханса Сетнер килёнчен тухса кáйнá чух та «Намáсланса, хёрелсе Хёвел анчё, пыганчё», — тет калуçá-

автор. Турра хирёҗле усал ёҗсене (пёр җын тепёрне ирёк-сёрленине, ылханнине) хёвел те йышанмасть иккен. Анчах хёвел тарса пытансан та Силпири ёҗ-пуҗ еккине тўперен санаса таракансем пачах җук мар-мён-ха, урам-сурам туй туса ёшённе халаха уйах хураллать:

Силпи ял ё харлатса
Вилнё җын пек җыварать.
Тёнче ләпкине курса
Ғўлте уйах саванать.

Бийахри Силпи ялён җыннисем хушшинче «пёр чунан җеҗ хуйхапа җав каҗ чёри җуралнине» асархаса «хуллен-хуллен уйах та варман хыҗне пытанать». Тәхтамана вёлернё Нарспи каҗхи варманпа ытканса пынә чухне те уйахах санаса тарать айна, чунёнче асапланаканскерне пулашас тенён, ун хыҗҗан «таҗҗанччен чупать», анчах хай аллипе упашкине вёлерсе усал ёҗ тунә Нарспие варман (мифологире – ют территории, усалтёсел тенчи) хай ытамне илет.

«Юмаҗ патёнче» сыпакра Сетнер амашё ывалён шапипе каҗакланса юмаҗ старик патне килет. Юмаҗан «пёчёкҗеҗё хура пўртёнче» хёвел пайарки вылять-мён: «хёвел җути пайарки урай тарах ав шавать», «хёвелё те выляса җутатать җўҗ пёрчине». Шура җўҗлё старик нимён те хайёнчен шухайшласа каларса каламасть Сетнер амашне. Сетнер шапи җапла синкерле җавранса тухни: «җамки шатак – хупанмё, чёри татак – сыпанмё» – Михетерпе карчакё Нарспие ирёксёрленине пула җыраннә шапа. Пурне те пёлсе-курса таракан хёвел җавна систересшён те.

Туй туса Нарспие Хушайлкана илсе кайсан хёвел каялла хайён җаврине тавранать:

Куллен-кунах тенчене
Хёвел хёртнёҗсем хёртет;
Хуйха-суйха кунран-кун
Нарспи чёрине җиет.

«Таҗти-таҗти җёрсене те хай җутипе ашатакан» ыр пиллё хёвел фонёнче Нарспи асапё пушшех те араваҗар таран пулни куранать:

Ырă кёрү Тăхтаман
Туй келетне астăвать,
Куллен-кунах арăмне
Саламатпа кастарать.

Нарспин Тăхтаман киленчи пурнăçне сăнланă май, автор хёвел анса ларнине, урăхла каласан кунтан телей тарнине кăтартакан паллăсемпе ытларах усă курать: каç, çерле, сём хупларё, тёттём пулё, хура пелёт т.ыт.те. Сетнер асап тўсекен Нарспие ватă упăшкин тытканёнчен хăтарма пынă чухне те сапла юрлать:

Тёттём пулё, каç пулё
Тăшман патне çитиччен,
Тăшман чёри лăпланё
Хёвел кусса тухиччен...

«Для мифоэпического мышления характерно противопоставление белый — черный, усиливающие сущностную оппозицию жизнь—смерть», — палăртать С.А. Александров [1. С. 38]. Поэмăн пёрремёш çур пайё хёвеле, çут тёнчене, пурнăçа, юратăва мухтакан гимн евёр янăрать пулсан, иккёмёш пайёнче вара пачах хирёсле, хурлăхлă кевё-семё илтёнет. Çавăнпа та Нарспие Сетнер вăрманта тел пулсан тавралăх çуталса кайнă пек туйанни те (Хёвел пăхать шăратса, кайăк юрлать йăвинче. Курăк çинчи сывлăма хёвел парать йăшшине. Икё чуна савăшма хёвел парать çутине) сисчевлентерекен паллă. Çакă йалтах тăвал умёнхи шăплăх пек, аса сапас умёнхи сиçём çути пек туйанса тăрать. Поэмăра сапла контрастла майпа синкер шăпа мехелё хывăнать.

Юлашки хут хёвел сăнарё хайлав вёсёнче, ял халăхё Нарспи виллине тупса килнё сыпăкра тел пулать:

Хёвел анчё, каç пулчё,
Чăваш сынни сывăрать.
Хёвел тухрё, çуталчё,
Чăваш ёсе тытăнать.

Тёнче услăхён хайён йёрки-мешехи — çут тёнчери пурнăçа пёр кевёллён хывса-аталантарса пырасси. Çав çураçăва хирёслекенсем тупансан пёр кевёлёх арканать те, синкер шăпа

хывăнать. Нарспипе Сетнерён сёр синчи пурнăс саврийё шăп савна пулах инкеклё татăлчĕ, анчах саканпа сёр синчи пурнăс пĕтĕмпех вĕсленмен-ха, хĕвелĕн «кайăк чунĕллĕ» пĕчĕк Сенттисемшĕн татах анмалла та, хăпармалла та. Пурнăс саври малалла тăсăлать.

Литература

1. *Александров С.А.* Поэтика Константина Иванова. Вопросы методики, жанра, стиля. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 192 с.
2. *Иванов К.В.* Ырнисен пуххи. Иккĕмĕш, хушса тўрлетнĕ кăларăм. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1990. 256 с.
3. *Родионов В.Г.* К.В. Иванов хайлавĕсен пултарулăхлă историйĕ // Константин Иванов: тĕпчев ёсĕсем / Пухса хатĕрлекенĕ В.Г. Родионов. Шупашкар: Чăваш патш. ун-чĕ, 2000. 25–57 с.
4. *Федоров Г.И.* «Хай тĕнчине пăханать...» (К. Ивановăн философилле ёнĕ) // Константин Иванов: тĕпчев ёсĕсем / Пухса хатĕрлекенĕ В.Г. Родионов. Шупашкар: Чăваш патш. ун-чĕ, 2000. 5–25 с.

Ю.С. Тестов

СВЯЗЬ МУЗЫКИ И МИФА В ПОЭМЕ «НАРСПИ»

Нельзя сказать, что песня и ее эстетические, психологические и другие смысловые функции были упущены из виду исследователями жизни и творчества К.В. Иванова. Так, М.Г. Кондратьев в глубоком и тонком анализе музыкального начала в творчестве К.В. Иванова в статье «О музыке в поэзии Константина Иванова» отмечает: «Музыкальность поэзии К.В. Иванова — одно из ее коренных свойств. Людские отношения и характеры раскрываются поэтом почти в каждом произведении и через **музыкальное** их преломление — в песнях, а также в приемах и образах, заимствованных из музыкально-поэтических традиций родного народа, отчасти и из мировой литературы. Полны разнообразных звучаний и картины природы, созданные им» [4. С. 88]. С.А. Александров в книге «Поэтика Константина Иванова» также включает песню в поле своего исследовательского зрения: «В поэме мифологическое мироощущение вырисовывается прежде всего в песне и через песню. Но поэтика песни (как жанра фольклора) — неотъемлемая часть художественного мышления автора. В поэме порой

трудно выделить, где, в каком сплетении образов стиль песни проник в речь автора и где индивидуальный мир автора сохранился в «стерильно-чистом» от песни виде» [1. С. 60]. Автор раскрывает «эволюцию состояния героини, показанную через песню».

«Сам поэт, — считает М.Г. Кондратьев, основывая свою мысль на воспоминаниях знакомых и близких К.В. Иванова, — видимо, не обладал внешне выраженными музыкальными способностями. (...) Внутреннее же музыкальное чутье было присуще К. Иванову как широко одаренной натуре (кроме литературы, проявившей себя и в работах по живописи)» [4. С. 89–90].

В ивановедении давно и прочно укрепилась тенденция вычленять в творчестве поэта *элементы* (хотя этот момент в начальных стадиях постижения тайны, феномена любого творческого человека, возможно, и необходим). В стратегию современного научного поиска, как нам кажется, должен входить посыл, сформулированный М.Г. Кондратьевым: «К.В. Иванов — поэт, как говорится, «от бога» — не ставил перед собой задачу быть «народным», изучая и воспроизводя народные формы. Он шел от мироощущения народа, а не от внешних примет» [Там же. С. 96]. Выступление В.Г. Родионова на научной конференции, посвященной 100-летию поэмы «Нарспи», также было сфокусировано на этой проблеме. Ученый указал, что мысль наша зачастую бежит по старой колее, что пора отказаться от этой линии и надо так подойти к Иванову, чтобы раскрыть в нем подлинную глубину. Он напомнил о таких категориях, как «художественный мир», «органическое единство содержания и формы», «художественная целостность»...

Следует сознаться, что в рамках данной статьи трудно достичь этой планки. Это лишь заявка на *определенный* стиль мысли. Позволим себе перевести круг идей, обозначенный ведущими специалистами в чувашском литературоведении (В.Г. Родионов) и музыковедении (М.Г. Кондратьев) в плоскость «концепта». «Концепт всегда представляет собой часть целого, несущую на себе отпечаток системы в целом. Можно выдвинуть предположение, что концепт — микромодель культуры, а культура — макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею» [6. С. 41].

В «рабочем кабинете» Иванова на стене висела картина «Мона Лиза» («Джоконда»). Идентифицировал ли себя Иванов

с Леонардо да Винчи?.. И не связана ли Нарспи с Моной Лизой?.. Вопрос пока остается открытым. И, может быть, никогда неразрешимым. Иванов, по воспоминаниям современников, был чрезвычайно замкнутым человеком. И не только это сближает классика чувашской поэзии с классиком Высокого Возрождения. Оба они – люди универсальной одаренности. И оба – близкие к центру, к ядру. К центру, ядру чего?.. какой стихии?.. Оставим итальянского мастера в стороне (о нем написаны тысячи монографий). О чувашском же поэте мы можем сказать, что он выражал нечто очень важное о сущностных качествах чуваша (о природе чуваша). Без «выхода» на этот аспект, как считает В.Г. Родионов, мы не можем правильно понять и осмыслить феномен Иванова.

«Жизнь неотделима от звука, – пишет Зигфрид Кракауэр в книге «Природа фильма». – Поэтому выключение звука превращает мир в преддверие ада – во всяком случае, таким он кажется людям, пораженным внезапной глухотой» [5. С. 185]. У поэта было «пониженное с детства слух» (определение М.Г. Кондратьева), но тем не менее звуковой фон переполняет «Нарспи». «Наполненность звуковыми образами – одна из самобытных особенностей чувашской народной поэзии. (...) Особое место занимает в этом мире звучаний человеческое пение. К песне испокон веков чуваша испытывают нескрываемые нежные чувства. Их выражение в поэзии можно назвать своеобразным культом песни» [4. С. 94]. Исследователь связывает это с естественными свойствами чувашского языка – звуко-подражательностью.

Можно говорить, что поэма основана на контрасте двух образных сфер – песни и отсутствия песни (и шире – музыкальности и отсутствия музыкальности, звука и отсутствия звука). Иванову удастся художественно выразить драматургию переплетения и взаимодействия этих двух образных планов. На протяжении всей поэмы с начала до конца можно проследить линии их развития.

«Ѕӓтмах пекех туйӓнать Силпи чӓваш ялӓнче» (В Сильби чувствуешь себя как в раю). В первых трех главах поэмы К.В. Иванов разворачивает содержание этого образа. «Ѕӓтмах – рай, савӓнӓслӓ пурнӓҫ» (Ѕӓтмах – рай, радостная жизнь), – так объяснял Н.И. Ашмарину И.Н. Юркин значение этого понятия в религиозно-мистических представлениях чувашского

народа [2. С. 50]. Звучание мира природы и человека поэт называет «суркуннехи хавас юрӑ» (весенней радостной песней). П.П. Хузангай юрӑ переводит как «напевы». Если у Иванова многоголосный мир звучит как единая гармонизированная песня (рай живет по правилам гармонии), то в переводе Хузангая звучание весны менее согласовано. Это действительно, что называется, напевы. Достаточно привести отрывок, чтобы почувствовать, как далек перевод от оригинала:

Џӑтмах пекех туйӑнать
Силпи чӑваш ялӑнче,
Вӑхӑг иртни сисӑнмест
Савӑнӑслӑ кунсенче.
Кайӑк юрри, ҫын сасси
Ян-ян ярать таврана,
Џуркуннехи хавас юрӑ
Килсе кӑрет хӑлхана.
Урам тӑрӑх ҫыннисем
Улпут пекех утаҫҫӑ.
Пӑрт хыҫӑнче, шавласа
Ачи-пӑчисем вьляҫҫӑ.
Нар пек хитре хӑрӑсем
Акӑшсем пек утаҫҫӑ,
Чӑнкӑр-чанкӑр тенкисем
Йӑлтӑртатса пыраҫҫӑ.
Џӑр ҫӑмӑрсе качӑасем
Ташлать хапха умӑнче.
Пурӑнӑҫсем, ах, аван
Аслӑ Силпи ялӑнче!

На Сильби весною глянешь —
Скажешь: вот где сущий рай!
Незаметно дни проходят,
Радость жизни — через край.
Гомон птиц, радушный говор,
Ясный смех звенит вокруг.
И весенние напевы
Вдаль летят, лаская слух.
Сановито ходят люди
Вдоль по улицам; с утра

Целый день шумит, играет
В переулках детвора.
Мерно шествуют девицы,
Словно лебеди плывут;
Привлекают взор монисты,
Звоном ласковым зовут.
У ворот танцуют парни,
Гром и стук – земля дрожит.
Хорошо в Сильби, прекрасно,
Там бы стоило пожить! [З. С. 85]

Взгляд на Сильби с «высоты птичьего полета», сказочность/ неестественность картины, эпическая стихия отсутствуют в переводе. У Иванова же все стягивается к единому центру – метафизическому центру. Все так или иначе происходит под знаком вечности. «Ун хурлăхлă юррисем / Юлчĕс сынсен асĕнче» (Ее грустные песни остались в памяти людей), – так завершается песенная тема в «Нарспи». Если у Хузангая «весенние напевы вдаль летят», то у Иванова – «весенняя радостная песня в уши входит». Сказанное в финале поэмы о Нарспи глубоко верно и по отношению к самому поэту. Спетая им песня «Нарспи» глубоко вошла в сердце народа.

Литература

1. *Александров С.А.* Поэтика Константина Иванова. Вопросы методики, жанра, стиля. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 192 с.
2. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. XIII. Чебоксары, 1937.
3. *Иванов К.В.* Ҫырнисен пуххи. Иккĕмĕш, хушса тўрлетнĕ каларăм. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1990. 256 с.
4. *Кондратьев М.Г.* О музыке в поэзии К.В. Иванова // Творческое наследие К.Иванова. Чебоксары, 1990. С. 88–100.
5. *Кракауэр З.* Природа фильма. Реабилитация физической реальности / Пер. с англ. М.: «Искусство», 1974. 424 с.
6. Межкультурная коммуникация. Нижний Новгород, 2001. 320 с.

**Секция: ПОЭМА «НАРСПИ»
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Л.Н. Бурков

**ПОЭМА К.В. ИВАНОВА «НАРСПИ»:
ПЕРЕВОД И СОЗДАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

«Поэма «Нарспи» — наиболее совершенное из всех поэтических творений К. Иванова. Социальный конфликт, изложенный чувашским писателем в произведении, в своей основе совпадал с теми противоречиями, которые существовали в Марийском крае. Многие марийские писатели 20—30-х годов XX века раскрывали борьбу одиночек-бунтарей против патриархального уклада жизни. С такими остро социальными произведениями выступал М. Шкетан («Ачийжат, авийжат!...», «Сардай» и др.). Как отмечает литературовед К.К. Васин, «...эта поэма во многом близка первым марийским произведениям. Она напоминает музыкальную пьесу С. Чавайна «Мўкш отар» («Пасека», 1928), трагедию Н. Мухина «Ўньышĕ деч ўш лектеш» («В тисках старого быта», 1926). А своим глубоким показом народных обычаев и традиций она близка к произведениям М. Шкетана, Д. Орая, Н. Игнатьева. Своей романтической направленностью она созвучна с дореволюционной поэзией марийского народа» [1. С. 175—176]. Перевод поэмы «Нарспи» был осуществлен марийскими писателями А. Канюшковым с оригинала произведения и А. Биком в 1968 году с русского издания. Кроме этого крупного произведения А. Биком была переведена поэма М. Федорова «Арзюри». Знание писателем А. Канюшковым чувашского языка как родного помогло достичь высокого уровня перевода и передачи ярких художественных, идейно-тематических особенностей, высокого языкового и стилистового уровня произведения, стилистику письма К. Иванова. Художественный перевод марийского поэта А. Бика немногим отличается от перевода А. Канюшкова.

«Поэма «Нарспи» является самым красивым плодом чувашской поэзии. Ее литературная и художественная основа — это народное слово. Поэт мастерски нарисовал насильственную выдачу девушки замуж, ее полную лишений и горестей жизнь. Поэтом А. Биком точно передана художественно-смысловая, идейная основа поэмы «Нарспи». Изобразительные средства, применяемые в марийском языке, в точности передают красоту и сочность чувашского слова; одинаково звучат некоторые фразы, имеющие заимствованный характер, названия праздников (например, Семик и др.).

«Поэтический талант К. Иванова был взращен на богатом устнопоэтическом творчестве и литературных традициях чувашского народа, развивался при благотворном воздействии русской прогрессивной литературы. <...> Язык произведений намного обогатил чувашский литературный язык. Творческие традиции К. Иванова оказали в свою очередь большое влияние на дальнейшее развитие чувашской художественной литературы, особенно в период становления ее как литературы советской», — пишет литературовед М.Я. Сироткин [2. С. 118].

Сюжеты первых марийских произведений и поэмы «Нарспи» во многом взяты из народной жизни. Писатели опирались на традиции устной поэзии своих народов как на тематическую основу, но идейный замысел и развитие сюжетных линий выводят за ее пределы. Основой поэмы «Нарспи» служит народное слово, пришедшее из прошлого, сохраненное в памяти и творчески переработанное писателем. Своей структурой произведение напоминает роман в стихах, оно очень плодотворно повлияло на развитие этого жанра в литературе народов Поволжья. Опираясь на наследие К. Иванова, некоторые марийские писатели написали свои произведения. Например, марийский классик С. Чавайн в 1919—1920 годах смотрел спектакль-инсценировку, которая была подготовлена на основе этого произведения.

Литература

1. *Васин К.К.* Марий литератур: очерк, литературный портрет, эссе / Научный редактор К.К. Васин; Книгам Г.М. Пирогов чумырен. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1994. 304 с.

2. *Сироткин М.Я.* Классик чувашской литературы // *Иванов К.В.* Нарспи. Поэма / Пер. с чуваш. Б. Иринина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. 128 с.

**«НАРСПИ» ПОЭМАНА
ЫТТИ ЧЁЛХЕСЕНЕ КУСАРАКАНСЕМ**

Сёр сул ситрѣ Константин Ивановăмăрăн вилѣмсѣр «Нарспи» поэми тѣнче умне тухнăранпа. Кам сав генилле хайлавпа пѣрре паллашать — сав сын ѣмѣрлѣхех ун тытканѣнче юлать. «Нарспи» уншăн пурнăсри сутапа тѣттѣме, ырапа усала туйса илмелли виѣсе пулса тăрать: чун-чѣре виѣси, ѣс-хакъл виѣси, этемлѣх культурин хайне евѣр пуянлăхѣ. Ахальтен мар 1990 с., поэма авторѣ суралнăранпа 100 сул ситнѣ чухне, сак уява ЮНЕСКО шайѣнче палăртрѣс. Мускаври Союзсен сурчѣн Колонăлла залѣнче чаплă ларăва хам та хутшăннă май тѣпчевѣсем, сыравсăсем поэма на вышкайсăр пысăк хак парса каланă сăмахсем, уяв концертѣнче пирѣн академи капелли Кѣркури Хирпун «Нарспи» оперинчи хорсене сѣкленуллѣн янратни, Саратов консерваторийѣнчен шăп сав кун хѣрлѣ диплом илсе унтанах Мускава вѣссе пынă Виталий Петров Тăхтаман арине ниҳсанхинчен те хавхалануллăн шăрантарни, Анисим Асламасан К.В. Иванова халалланă «Сѣм-сѣм вăрман» вокал поэми залри пѣтѣм халăха ура сине тăратни паян кун та ку с умѣнче. Акă мѣнле ѣслет Ивановран, унăн «Нарспийѣнчен» сұлсем, ѣмѣрсем иртнине пăхмасăр пирѣн пата сұлтен хѣвел пайăрки пек вѣсѣмсѣр анса тăракан сăваплă тивлет!

Ку каласăвăмра эпѣ «Нарспи» поэма на ытти чѣлхесене кусарас ѣс мѣнле йѣркеленсе пыни сінчен сăмах хускатасшăн.

Рассейри наци литературисен произведенийѣсене ытти чѣлхесене кусарасси тѣпреп илсен вырăс чѣлхи урлă пулса пырать. Савна май «Нарспие» малтан вырăсла кусарас тѣллев тухса тăнă. Кун сінчен поэма авторѣ пурăннă вăхăтрах И.Я. Яковлев хай те, унăн школѣнчи Федор Павловпа Николай Шупуссынни те ѣмѣтленнѣ, Рассейри Учредительсен пухăвѣн депутатчѣ пулнă Гавриил Алюнов та пѣрре сес мар каланă та, сырнă та. Мускаври Чăваш культурин обществи те (1927—1931) хайѣн ларăвѣсенче ку ыйтава темисе хутчен сѣкленѣ. Анчах самана ылмашнă вăхăтра шухăша сийѣнчех пурнăса кѣртме май килмен.

«Нарспи» поэма вырăсла чи малтан Чулхулари сыравсăсен пѣрлешѣвѣ каларакан «Натиск» журналга 1935 с. пичетленсе тухнă.

Кушаруши — Борис Пильник. Вэл Андрей Петтоки тунă йёрке-пёрлехпе усă курнă.

Сав вăхатрах вăтар сулхи вайпитти чăваш поэтчĕ Андрей Петтоки, Муркаш тăрăхенчи Ахмане ялĕнче суралса ўснĕскер, хай те «Нарспи» илемлĕ шайпа вырăсла кушарас ёсе кўленет. Сав тĕллевпе пĕр вăхат ятарласах Мускава кайса пуранать вэл, кунĕн те сĕрĕн тенĕ пек тапранмасăр ларать, «Илемлĕ литература» издательствăпа «Нарспи» уйрăм кĕнекен вырăсла пичетлесе кăларасси пирки килĕшў тавать.

Андрей Трофимович поэмăна ирĕклĕн кушарать. Вырăнăн-вырăнăн вэл оригиналтан самаях пăранса каять. Ку енĕпе эпир хамăр сăмаха уйрăм тĕслĕхсемпе те сирĕплетме тăрăшапăр-ха.

Сапла 1937 ç. «Нарспи» поэма вырăсла пĕрремĕш хут пичетленсе тухать. Кăларăма вырăссен паллă поэтчĕ Василий Казин редакцилет, Иван Костылев художник илемлетет.

Поэмăна вулама сăмăл, сăввин саври ансат тепĕр пулсан та унăн шухăшĕ калама сук тарăн, сăнарĕсем курăмлă та витĕмлĕ, философилле пĕтĕмлетĕвĕсем пысăк пĕлтерĕшлĕ. Саванпа ăна урăх чĕлхесене кушарасси пĕрре те сăмăл ёс мар. Савна кура республикăри писательсен союзĕ генилле хайлава сĕнĕрен кушарма вырăссен вэл вăхатри чи паллă поэтчĕсенчен пĕрине Александр Жарова сĕнет. Сăваç килĕшет, хавхаланса ёслет, 1940 ç. унăн кушарăвĕ уйрăм кĕнекен пичетленсе тухать, хавăрт саланса пĕтет.

Таван сĕршыв Аслă вăрси хыçсăн ку ёсе тепĕр паллă кушаруçă Борис Ирнин кĕрешет. Унăн пурнăçри чăн хушамачĕ — Бурштын, литературăри хушма ячĕ — Ирнин. Ку кушару 1948 ç. пичетленет, сав вăхатранпа журналсенче, тĕрлĕ издательствăсенче вэл вунă хутран кая мар тухать. Кăларăма Константин Иванов пултарулахне сав тери пысăк хак паракан чаплă поэт, «Страна Муравия», «Дом у дороги», «Василий Теркин», «За далью даль» поэмăсен авторĕ, СССР Патшалăх премийĕсен лауреачĕ Александр Твардовский редакциленĕ.

Паллă чăваш сыравси Влас Захарович Паймен, Куйбышев облаçĕнче писательсен пĕрлешĕвне йёркелесе ăна пĕрремĕш председатель пулса нумай сул хушши ăнăçлă ертсе пынăскер, кайран «Кĕпер» роман сырса Чăваш Республикин Патшалăх премине тивĕснĕскер, «Нарспи» вырăсла кушарас ёмĕтпе чылайранпа хавхаланса пуранать. Анчах самани тикĕс килмест, репрессии сўлесенче хĕрсех ёслес сынна айăпсăр сĕрген айăпласçĕ,

сапла вара унан кусаравё Куйбышеври кёнеке издательствинче 1958 с. тин кун сути курать. Ку ёс еплерех йёркеленни синчен Чаваш халӑх поэчӗ Стихан Шавлы сапла сырӑнӑччӗ: «Вӑрҫӑ чарӑнас умӗн паллӑ мар сӗртен ман пата пӗр сыру килчӗ: Куйбышеври палласа тӑнӑ пӗр вырӑс юлташ пӗр чӑваш валли «Нарспи» поэмӑна ыйтса сырать, сӑк чӑваш ӑна вырӑс чӗлхине кусарасӑн иккен. Листа хӗррисене литературӑри хыпар-хӑнара сырса тултартӑм та «Нарспие» хайхи пӗр чӑваш валли ярса патӑм. Сав сын Паймен пулӑн». Шавлы кусарӑва хӑк парса сапла сырать: «Нарспи» вырӑсла та чӑвашли пекех вӑри чӗреллӗ пулса тухӑн. Пинмӗш хут тав Константин Иванова: вӑл тепӗр Ивановӑн кӑмӑлне сив сӗрте те шӑнма паман».

К. Ивановӑн вут-хӗлхемлӗ сунталӗ синче хайӗн кусарури ӑсталӑхне туптас хаваллӑ тепӗр ырми-канми сӑвӑс вӑл — Чӑваш халӑх поэчӗ Петӗр Хусанкай. Унан кусарӑвӗ 1968 с. пичетленсе тухӑн. Тӗпчевсӗсем хакланӑ тӑрӑх, ку кусару — оригинала ыттисенчен сывӑхарах тӑраканни. Вӑл та нумай хутчен сапӑнса тухрӗ, татах та тухӗ-ха, мӗншӗн тесен «Нарспи» тем пек пысӑк тиражпа кӑларсан та сийӗнчех саланса пӗтет.

Сакӑрвунӑмӗш сӗлсен пуҫламӑшӗнче сӑмрӑк вырӑс поэчӗ Николай Кобзев, вӑл вӑхӑтра Мускав облаҫӗнчи Калининград хулинче пурӑнаканскер, «Нарспие» тепӗр хут вырӑсла кусарчӗ, ӑна Шупашкарта сыравсӑсен пӗрлешӗвӗн поэзи секцийӗнче вуласа пачӗ. Ун хыҫсӑнхи сӗлсенче хамӑрӑн паллӑ сӑвӑсӑмӑр, пултарулла тӑлмач Анатолий Смолин «Нарспие» сӗнӗрен вырӑсла кусарчӗ, пичетлесе кӑларчӗ.

Тӑлмачсем оригинала кашниех хайле кураҫсӗ, хайне майлӑ ӑнланаҫсӗ. Савӑн пирки кусарӑвӗсем те кашниннех расна пулса тухаҫсӗ. Тӗслӗхшӗн тенӗ пек виҫӗ кусарӑвӑн пӗр вырӑнне танлаштарса пӑхар-ха. Малтан автор сырнине аса илер:

Сакӑ сӗтӑ тӗнчере
Вӑйли сук та этемрен:
Шывсем синче, сӗр синче
Хуҫа пулса вӑл тӑрать.
Анчах вӑйлӑ этем те
Хай тӗнчине пӑхӑнать.
Уқсапала эрехех
Сынна ӑсран кӑларать.

Акă мѐнле куҫарать ҫак йѐркесене Андрей Петтоки:

Всех сильней эдем на свете.
Ни на водах, ни на суше
Нет такого властелина, —
Он — владыка всей вселенной.
Только Тора всемогущий
И сильней его, и выше,
Грозовые шлет он тучи,
Он огнем небесным дышит.

Халь ҫав ыраҫнах Борис Иренин мѐнле куҫарнипе пал-
лашатпӑр:

Нет сильнее человека
В целом мире никого:
Он хозяин здесь от века,
Суша, воды, — все его.
Но поди ж ты: как иного
Подсекает жизнь сама!
Вволю денег да хмельного,
Глядь — и выжил из ума.

Петӑр Хусанкайӑмӑр ҫак йѐркесенех ак мѐнле ҫавӑрса калать:

Нет сильнее человека
Во вселенной никого:
Он на суше и на водах
Стал хозяином всего.
Но владыка мира, миру
Человек покорен сам,
Светлый разум омрачает
Страсть его к вину, деньгам.

Ҫак тӑслӑхренех курӑнать: Андрей Петтоки оригиналти
шухӑш йѐрринчен пӑрӑнать, хӑй калашле, ирӑклӑн чуптарать.
Хусанкай куҫарӑвӑ чӑвашла текста ҫывӑхрах пек, Иренинӑн
вара ыраҫла ҫавӑрса каласлӑхӑ ҫунатлӑрах пек туйӑнать.

Ухсай Яккӑвӑ тимленипе «Нарспи» поэма 1941 ҫ. пушкӑрт
чӑлхипе пичетленсе тухать. Куҫараканӑсем — Рустам Кели тата

Баязит Бикбай, редакторё — Мустай Карим. Хайсен наци пуянлăхён палли ырянне хурсах йышăнассё а̀на пушкăрт вулаканёсем, мёншиён тесен поэмăри ёс-пус Силпи таврашёнче, Слакпуспа Хушăлка ялесен хутлăхёнче пулса иртет.

1960 ç. ку кёнеке иккёмёш кăларăмпа пичетленсе тухать.

Кёсех «Нарспи» украинла куçарнă кёнеки те халăх аллине ситет. Тăлмачи — Ярослав Шпорта поэт.

К. Иванован сёр сулĕ тёлне «Нарспи» Чернигов обласёнчи писательсен организацине вăтăр икё сул хушши пёр улшăнмасăр ертсе пыракан ырми-канми этем, икё орденa, хисеплĕ ятсене тивёснĕ талантлă савăс Станислав Репях тепёр хутчен украинла куçарчĕ. Сапла Сеспелĕ хайён пиччешĕ ырянне хуракан поэт Константин Иванован хёвеллĕ пархатарне те пысăк шайпа чысларĕ.

С. Репях Чăваш сёршывне, чăваш халăхне чунтан-чёререн сума савать. 2008 сулхи су уйăхён 14-мёшёнче вăл ситмёл сул тултарчĕ. Уяв ячĕпе саламлас тесе сав кун эпĕ ун патне ирех шăнкăравларăм.

— Ыталатăп, тăванăм, — терĕ Станислав Панасович. — Сывлăху сінчен ыйтмастăп, хамăн инкесем пирки те шарла-мастăп. Эпĕ сан сассуна илтетĕп, эсĕ мана илтетĕн — мухтав Сўлти Аттемёре. Сывлăх сінчен каласиччен айта чăваш халăхён «Пиç, пиç, палан» юррине телефонпа иксёмёр пёрле чăвашла юрлар...

Тёлёнекеншён тёлёнмелле те пулĕ, анчах Черниговпа Шупашкар хушшинчи телефон сьхăнăвёнче сав самантра чăваш халăх юрри чăвашла янăрарĕ. «Чăт, чăт, тăван, чăт, тăван» тенĕ сăмахсене чăваш чунёллĕ украин сьнни уйрăмах пусăм туса каларĕ. Тёрĕс, Станислав Панасович, тёрĕс, — шухăшласа илтём эпĕ сав самантра, — чăтас пулать. Нарспи те чăтнă тёнче синкерлĕхне, Сетнер те чăтнă — пирён те чăтмаллах. Пёлме сук вёт: те сўсрен явнă шапамар урхалăхне, те чёнрен сёленĕ, хавна пўрнĕ тамашу килсе ситрĕ пулсан — шална сьрт та чăт. «Мён пулать, мён килет — малаллах тапалан», — тесе ахальтен каламан-тёр темён те пёр тўснĕ Митта Ваçлейĕ.

Саван пек сьн вăл пирён Станислав Репях.

«Нарспи» поэмăна тутарла куçарса саваплă ёс тунă Шараф Мударрис савăса та пысăк хисеппе аса илетпёр эфир паян. Чăвашла лайăх пёлекенскер, ачаллах «Нарспи» тыткăнне лекнёскер, сирёмре чухнех куçарать вăл ытарайми поэмăна

Тукайпа Джалиль чѣлхи сине. Унѣн пѣрремѣш кѣларѣмѣ 1940, иккѣмѣш кѣларѣмѣ 1958 с. пичетленсе тухащѣ. Тѣлмачѣмѣр Тутарстан Республикин Сѣпрел районѣнчи Анатри Хуракѣт ялѣнче чухѣн кил-йышра суралнѣ, Мускаври литература институтѣнче аслѣ пѣлѣ инѣ, вѣрсѣра Тѣван сѣршыва паттѣррѣн хѣтѣленѣ, Хѣрлѣ Сѣлтѣр орденне тивѣснѣ. Шел, Шараф Хасиятулловичѣн тулли пурнѣслѣ ѣмри кѣске пулнѣ, 43 сѣлта чухнех татѣлнѣ.

1961 с. София хулинчи «Народна младеж» издательствѣра «Нарспийѣмѣр» пѣлхар чѣлхипе кун сѣти курать. Чѣваш халѣх поѣчѣ П. Хусанкай сѣрса хѣварнѣ тѣрѣх, поѣмѣна кусараканѣ Николай Марангозов чаплѣ поѣт тата сумлѣ архитектор пулнѣ. «Хѣйлавѣн кашни сыпѣкѣнче, кашни сѣвринче ку с умне курѣмлѣ ѣкерчѣк тухса тѣратчѣ, — тенѣ вѣл. — Витѣмлѣ сѣнарѣсем — галлюцинаципе пѣрех. Оригинал кѣвѣлѣхѣ те хѣлхаран кѣйма пѣлмест: вѣрманта кѣйѣксем юрлѣссѣ, аслати сѣре кисретет, сѣм чѣтлѣх чарѣна пѣлми кашлатъ... Чѣн пурнѣсран сѣплипех ку сарса лартнѣ тейѣн! Поѣма архитектоники хѣйѣн пи сѣлѣлѣхѣпе тыткѣнлатъ. Ку шедеврта художник та, скульптор та, композитор та хѣйне валли ни хѣсан вѣсленми хѣвхалану тупатъ»...

Азербѣйджан халѣхѣ К. Ивановѣн тѣнче пѣлтерѣшлѣ хѣйлавне Мамед Разгулу-заде, венгр халѣхѣ Анна Бедепе Антал Рона-Таш, нимѣс халѣхѣ хамѣр университет профессорѣ, «Элѣк ачи» ентешлѣхе нумай сѣл хушши пу сѣруллѣн ертсе пыракан Владимир Иванов ку сарѣвѣсем тѣрѣх пѣлѣссѣ. Удмуртла «Нарспие» чѣваш сѣравсѣ Алексей Афана сѣев 1940 с., вѣл вѣхѣтра вунпиллѣк тултарнѣскер, ку сарнѣ. Илемлѣх енчен якатса сѣитерме удмурт сѣвѣси Михаил Можгин пулѣшнѣ. Сѣмах май каласан, сѣв хѣрѣхмѣш сѣлта, Константин Ивановѣн сур ѣмѣрхи асѣну эрнине ирттернѣ чухне, Чѣваш АССР халѣх комиссарѣсен председателѣ, сѣк ѣсе нумай пулма сѣт пикеннѣ вѣрѣс Александр Сомов кулѣшла сѣмах каласа хуни сѣнчен сѣв вѣхѣтра чѣваш писателѣсен пѣрлешѣвне ертсе пыраканѣ пулнѣ Аркадий Эсхель час-часах аса илетчѣ. Ыран сѣвѣнѣслѣ чаплѣ лару пулатъ тенѣ чухне Александр Васильевич яваплѣ сѣнсене пухса тѣрѣслев канашлѣвѣ ирттерет. Ёс планне йѣркѣн-йѣркѣн пѣхса тухащѣ. Мѣн палѣртнине йѣлтѣх туса сѣитернѣ. Пу сѣруллѣ премьер, ѣс чипер пынипе хѣвхаланнѣскер, хѣй енчен сѣпла сѣнѣ парать: «Нарспи» поѣмѣна пурте мухта сѣсѣ, лайѣх хак парасѣсѣ. Мѣнле шутлатѣр, тен, унѣн авторне Иванов юлгаша Шупашкар хулинче хѣтлѣ хваттер памалла тѣвар?».

Сѣнѣвѣ лайѣх темелле, анчах вѣл чѣрѣк ѣмѣр каярах юлса сѣитет.

«Нарспие» җармәс кўршәмәрсем те хапалласах йышһанаҗҗә. Туҗи җармәсла һана Аркадий Канюшков, анат җармәсла Александр Бик куҗарһә.

1980 җ. Шупашкарта, Литература фонҗән «Силпи» пансионатәнче Раҗсейри тәрәк чөлхиллә сыравҗәсен канашләвә пулчә. Уһән еҗне якутсен пултаруллә поәчә Семен Руфов та хутһәһәнчә. Ғав кунсенче Атәл хәрринче пуһәнса пирән халәхпа, пирән литературәпа тәплән паллашһә хыҗҗән Семен Титович «Нарспие» хәһсен чөлхине куҗарас тәллевпе сирәппән авәрланчә. Ивановән җәр сулхи юбилейне вәл «Нарспин» якутла кәларәмәпе килчә, Шупашкарти, Мускаври, Пушкәртстанри асла уявсене хутһәһәнчә, хәһне майлә ыра суләм күчә. Семен Руфов — Мускаври Литература институтәнчен вәрәнсе тухһә, Саха-Якут республикинче писательсен организацине ертсе пыракансенчен пәри, нумай кәнеке авторә. Чәваш литературин утәмәсемпе халә те тәтәшах интересленсе тәрәтә.

1986 җ. Киев хулинче Украина сыравҗәсен пәрлешәвән черетлә сьезчә пулчә. Уһән еҗне манән та хутһәһәнма тўр килчә. Вәхәчә йывәрчә ун чух: Чернобыльти атом электростанцийәнчи инкек синкерә пәтәм таврана саланһә. Хула урамәсене таттисыпписәр суса, радиаци виҗине пәлтерсех тәрәҗҗә. Съезд хәнисем хушшинче Ылтән җәлтәрлә шурсухалсем сукчә, ытларах — җамрәксем. Ғәнә пәләшсене әпә хамән ентеш Әлли Юрьев үкерчәкәсемпе тин кәһә пичетрен тухһә «Нарспие» парнеләрәм.

— Ғак хўхәм поэмәһәна таджикла куҗарма кәмәл сук-и сан? — терәм әпә Душанберен пыһә Шоди ятлә сыравҗә.

— Әпә хам куҗарсах кайман, анчах ман җав еҗпе еҗлекен сы-вәх юлташ пур, — тет таджик сыравҗә. — Вәл Дантене, Пушкина, Навоипе Низамине куҗарһә. Тен, киләшет «Нарспие» куҗарма?

Кәҗсех әпә җав тәлмачран сыру илтәм. Аслам Адхам ятлә хәһ. Чәваш поэмә һәна пите хавхалантарса һәһә. Ғапла вәл еҗлеме пуҗларә, пирәнпе сыхәһу тытсах тәчә, Ивановән җәр сулхи уявәнче поэма сыпәкне фарси чөлхипе вуласа юбилее илем күчә.

Аслам Адхам Самарканд хулинче 1939 җ. суралһә, унти А.Навои ячәллә университетран вәрәнсе тухһә, тәлмачра, редакторта, хаҗат-журнал редакцияәсенче еҗленә, «Тарҗәсем» ятлә опера либреттин авторә.

«Нарспие» җавән пекех тәрәккә, акәлчанла, комилле, эстонла, чехла куҗарһә. Хәлхә вәхәтра белорус чөлхине куҗарас еҗ йәркеленсе пыратә.

Сак кёске калаşавам эфир, чавашсем, «Нарспи» куşарушисене пётём халăх ячепе тав туни, вёсен умёнче пуş тайни вырăнне пулинччĕ.

И.П. Димитриева

**К.В. ИВАНОВАН «НАРСПИ»
ТАТА А. НАВОИН «ЛЕЙЛИПЕ МЕДЖНУН»
ХАЙЛАВЁСЕНЧИ СЮЖЕТ ПЁРПЕКЛĔХĔ**

Пёр халăх тепёр халăхран вёренсе пыни, ун паха енёсене тёпе хурса аталанни ёлĕк-авалтанах палăрнă. Пирён чаваш халăхĕ те ытти культуран витёмёсёр аталанман, çавăнпа илемлĕ литературăра пёр евёр сюжетсем, сăнарсем суралнă. Вырăссен культурина Византи культури витём кўнĕ. Литературан малтанхи тапхăрĕнче тата Петёр патша хыççан литературăра евёрлес туртăм вайлă палăрнă (А. Пушкинăн «Сказка о царе Салтане» — тухăçран, «Песни западных славян» — француз сыравсинчен П. Меримерен). Чаваш литературинче евёрлесе сырнă хайлавсем нумаях тёл пулмаççĕ: Н. Шупуçсыннин «Янтрак янравё» тата хăш-пёр сăввисем, Турхан Яккăвён «Варуçси», И. Тукташ, П. Хусанкай пултарулахёнчи уйрăм хайлавсем.

Чавашсен илемлĕ литература чёлхи халăх сăмахлăхёнчен тёвёленсе аталаннă. К.В. Иванован «Нарспи» поэмиех акă мён тери сăнарлă та сётĕклĕ чёлхепе сырăннă. Кунта тăван халăхан пуян йăли-йёрки, сăмахлăхĕ, савăнăçёпе хуйхи ал тупанĕ синчи пек курăнать. Ялтан тухнă çамрăк епле классикалла хайлав сырма пултарнă-ха? К. Иванован пурнăçа ўкерес асталăхĕ, илеме курас тавра курăмĕ В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, А. Кольцов, М. Лермонтов, А. Пушкин ёçёсемпе паллашнă май аталаннă. Ахальтен мар ёнтĕ тёлёнмелле аста чёлхепе въл М. Лермонтован сăввисене, «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» хайлавне куşарать. М. Ставский критик та классик пултарулахĕ пирки çапла шухăшлать: «Творчество ... К. Иванова не имеет непосредственного подражательного характера. Влияние мировой литературы на их творчество выражено в художественно-эстетическом осознанном восприятии творческого

опыта развитых литератур. Творчество Иванова — весь предыдущий всемирный художественно-эстетический опыт, начиная с М. Федорова и кончая Гомером» [3. С. 108]. Сапла вара, «Нарспи» поэма евёрлесе сырнă хайлав мар пулин те, сакан пек сюжетсем ытти халахсен те тел пулассĕ. Социалла танмарлахра суралнă хутшăнусен йывăр шăпи, йăла-йĕркене хисеплени, ашшĕ-амăшĕн ирĕкĕнчен тухайманни — сак палăрăмсем Низамин «Меджнун», Шекспирăн «Ромео и Джульетта», Навоин «Хосров и Ширин», «Лейлипе Меджнун» хайлавĕсенче тĕп вырăн йышăнассĕ.

Тĕплĕнрех узбек сыравсĕн А. Навоин «Лейлипе Меджнун» поэми сĕнче чаранса тăрар. Поэмăна пĕтĕмĕшле пăхса тухсан вăл К.Ивановăн «Нарспи» поэмине питĕ сывăх. Ивановăн хайлавĕнчи тĕп геройсем, пĕр-пĕрне юратакансем — Нарспипе Сетнер, Навоин — Лейлипе Меджнун. Социалла танмарлах икĕ поэмăра та палăрат. Хĕрсен ашшĕ-амăшĕ пуян: Лейлин ашшĕ арабсен пысăк йăхĕн ертүүси, пуян сын. Нарспин ашшĕ те ялти пуян. Савнийĕсен вара иккĕшĕн те пысăк пурлах сук, геройсен ашшĕ-амăшĕ шухăшĕпе, вĕсем хĕрĕсене тивĕслĕ сынсем мар. Меджнунăн ашшĕ пĕчĕк йăхĕн ертүүси, Сетнерĕн вара амăшĕ сĕс, «ял вĕсĕнчи Тукасра, пĕчĕк пуртре пурăнать». Сюжет йĕрĕ тăрăх савнисем пĕр-пĕрне юратассĕ, тунсăхлассĕ, варттан тел пулассĕ, анчах ашшĕ-амăшĕ хирĕс пулни вĕсене пĕрле пулма чăрмантарать.

Икĕ поэмăра та геройсем пĕр-пĕринсĕр пурăнайманни, юрату кăвайчĕ сĕнче асапланни сăнарланнă. Хĕвел тухăс литературичче каччăпа хĕр юратăвĕ питех те сұламла, асран яраканскер. Лейлипе Меджнун тел пулсан куçран пăхсанах тăнсăр пулассĕ, ас-тăнне сұхатассĕ:

Дыханье осени в его крови:
Восточный вихрь ворвался, вихрь любви.
По телу слабому пошел озноб,
Росой холодной увлажнился лоб.
Он чувствовал: сейчас конец придет,
В беспомытстве сейчас он упадет...
Волнение Кайса ей передалось.
Он для нее прозрачным стал насквозь [2. С. 345].

Юрату сұламĕ ялкăшнине сăмахсăрах аңланать вулакан. А. Навои те, К. Иванов та сакна аста кăтартнă. Н. Чернышевский

хайлавсенчи юрату сәмахсәр пулмалли синчен сапла калань:
«Эстетика должна требовать, чтобы поэт описывал любовь
только тогда, когда хочет именно ее описывать; к чему вы-
ставлять на первом плане любовь, когда дело идет, собственно
говоря, вовсе не о ней, а о других сторонах жизни» [3. С. 109].
Тәсләх:

«Пёртен-пёрех пуғам пур,
Вёри юнлә чёрем пур,
Ватә карчәк аннем пур,
Урхамах пек уғам пур,
Вёсенчен те хакләрах,
Чунәм савни, эсё пур...» [1. С. 28].

Урәххине темле савсан та юратакан чёресен ашшә-амәшә
суйланә пуяна качча тухма тивет. Нарспи хаяр Тәхтаманпа
пёрлешет, Лейли — чирлә пуянпа Ибн Салампа. Кунта Лейлин
шәпи әнәсләрах пулса тухнә, юратман мәшәрәпе пурәнма тивмен:
пёрлешсенех упәшки вилсе каять. Нарспи вара усал шәпине
чәтаймасәр мәшәрне наркәмәшлә яшка ситерсе вёлерет.

Общество хутшәнәвёсем юратакансене тем пек хирёс тәрсан
та савнисем пёрле пулма майсем тупащә: тарса вәртән тёл
пулащә. Нарспи Сетнерпе вәрмана туй вәхәтәнче тарать, Лейли
упәшки вилсенех савнийә патне ытканать.

Геройсене сәнласси, пурнәс үкерчәкёсене каләпласси
сыравсәсен чёлхе сәнарләхәнчен нумай килет, сәкә кашни
йёркерех витерәнсе тарать. Чәваш тата узбек литературинче сәнар
хывас, илем кўрес енсем — наци уйрәмләхә:

Две темные тяжелые косы —
Две ночи в блеске неземной красы.
Вот почему ты Ночью названа!
Ты — Ночь могущества, ее луна!
Тебя хвалить захочет сын земли, —
Не сыщет слова, равного «Лейли!» [2. С. 341].

Чәвашсен:

Аслә Силпи яләнче
Нарспи ятлә хёр үсет.
Пичё-кусё пит хўхём,
Хирти сарә чечек пек [1. С. 16].

К. Иванов Нарспие сарӑ чечекпе танлаштарать, А. Навоин Лейли — уйӑх, ҫӑлтӑр, кипарис.

Инкек-синкек курсан та геройсем юратушӑн кӗрешесӗ, вилсен те юратупа вилесӗ. Поэмӑсем иккӗшӗ те хурлахла вӗҫленесӗ, савнисем ирӗксӗр тӗнчепе кӗрешсе куҫӗсене хупасӗ. Кӗрешӗре Нарспин тата Меджнунӑн ашшӗ-амӑшӗсем те тӗп пуласӗ. «Нарспи» поэма ку тӗлӗшпе ҫылай синкерлӗрех пулса тухӑ. Савнисем пӗрле вилмесӗ: Сетнере тӑшмансем пӗтересӗ, Нарспи Кантӑр варӗнче йӑмраран ҫаканать. Навоин поэмиче вара Лейлипе Меджнун пӗр-пӗрне туйса пӗр пӗлӗмре пурнӑҫран уйрӑласӗ. Лейли чирлесе вилсе каять, ӑна курса Меджнун ҫумӑн ыртса вилет. Ҫапла вара геройсен вилӗмӗ ҫӗнтерӗ майӑ, вӑл юратура пӗрлешме май парать.

Икӗ поэма та хӑйне евӗрлӗ пуян, паха. Ҫакнашкал сюжет-сенче самана витӗмӗ те, авторсен пурнӑҫ курӑмӗ те аван палӑрать. Вӗсем пирӗншӗн яланах вилӗмсӗр, мухтавлӑ хайлавсем ырӑнӗнче пулӗҫ.

Литература

1. *Иванов К.* Нарспи. Поэма / Куҫараканӗ А.С. Смолен. Шупашкар: ЧПГАИ, 2001. 128 с.
2. *Навои А.* Поэмы. М., 1972. С. 333—448.
3. *Ставский М.А.* К.В. Иванов и мировая классика // Лик Чувашии, 1996. № 5—6. С. 109—111.

Э.И. Родионова

К.В. ИВАНОВӑН «НАРСПИ» ПОЭМИ ТАТА ӐНА ШКУЛТА ВӒРЕНТЕС БӒТӒСЕМ

Чӑваш литература классикӗ К.В. Иванов хӑйӗн «Нарспи» поэмине ҫырӑнранпа 100 ҫул иртрӗ. Поэмӑна XX ӗмӗр пуҫламӑшӗнче хайланӑ. Анчах та пысӑк пӗлтерӗшлӗ произведенийин историйӗ нихӑсан та ӑна калапланӑ вӑхӑтран пуҫанмасть. Ҫакӑн пирки М.М. Бахтин ҫапла каланӑ: «Пысӑк пӗлтерӗшлӗ хайлавсен вӑхӑчӗ темисе ӗмӗр пиҫсе пырать, вӗсене ҫырӑн тапхӑр ҫав процесс вӗҫленнине, ҫимӗҫ пиҫсе ҫитнине кӑтарать».

В.Г. Родионов шуӑшӗпе, вӗренекенсене хайлава ҫырӑн е авторӗ пурӑнӑн вӑхӑтпа кӑна ҫыхӑнтарса ӑнлантарма тӑрашши унӑн тарӑн пӗлтерӗшлӗ илемлӗ шуӑшине пӗлме памасть.

Шкул программипе килёшүллён, поэмана вёренме 3 урок-ран кая мар паләртмалла. К. Ивановән савви-юррисем, савалла юмахёсем вәталәх, вәтам тата аслә классенче пулмалла.

Анчах та 8-мёш класри ачасем вилёмсёр «Нарспин» тулли текстне вуласа хак пама, ўсём психологипе сүрасуллән әнланма, әша илме пултараймассё. Вәтам пусәмри вёренекенсен шайё сапла калама хушаты. Сапла вара, 8-мёш класра «Нарспи» поэмари хәш-пёр сыпәксене сёс вёренме сёнмелле текен шухәш патне ситетпёр. Тулли вариантне вара 10-мёш класс программине кёртмелле.

Кун пек шухәша калама мён хистет-ха? 10—11-мёш класа ситнё вёренекен сәмрәк вәл ёнтё кәштах тёпчевсё те, критик та темелле. Савәнпа та пирён, вёрентекенсен, класри, килти, класс тулашёнчи вулава туллин аталантармалла. Вулав тимлёхё пулмасан вёренекен илемлё сәмахләха әша хывассинчен аякра тәрәт. Апла пулсан вёрентекенён сәмрәка илемлё хайлава тишкерүллён, тёпчевлён вулама хәнәхтармалла. «Нарспи» поэмана вёрентнё чух (аслә классенче) лекци меслечёпе те, каласу-урок тата ыйту-хурав меслечёпе ирттерекен урокра та учительпе вёренекен хушшинче диалоглә килёшү, шырав пулмалла. Сәкән пек меслетпе ёслени вёренекене хәй умёнче сёнё тёнче усма май параты. Сәк мел сәмрәксене илемлё хайлав уйрәмләхёсене тишкерүллён пәхтараты, шухәшлас пултаруләхне ўстерет. Хайлава эмоци шайёнче әша илсе әна чун-чёрепе әнланма пултарччәр. «Нарспи» поэмана әша хывассине тёп тёллев вьрәнне лартмалла. Урокра учителён сёс хуәаланмалла мар, ачасене творествәлла ёслеттермелле.

К. Ивановән поэминчи тёп проблемәсене тупма тата паләртма пултарччәр тесен азербайджан поэчён Низамин «Лейлипе Меджнун» поэмине, акәлчан поэчён В. Шекспирән «Ромеопә Джульетта» трагедине вулаттармалла, сәнарсене хак парса ушкәнлаттармалла. Ун хысәән тёп геройсен (Лейлипе Джульетта тата Нарспи) характеристикисене кластер мелёпе йёрлеттермелле. Вёсем К. Иванов поэмин хәй евёрлөхне лайәхрах паләртма пултарччёс, хайлава тёнче классикин контекстёнче курёччёс.

Малаллахи урокән тәсәмне пёрлөхлө әша илү урокё пек ирттермелле. Унта чи тёпре «Нарспири» автор сәнарне тишкерсе тухни тәмалла. Кам вәл автор? Автор-калуә автор-художникпа автор-сынтан мённе уйрәлса тәрәт? Мён вәл автор сәнарё тата текста әна еплерех тупмалла-ши? Сәкән йышши ыйтусене

хуравланă май ачасен «Нарспи» хайлава пĕрлĕхлĕ аша илсе аңланма, унти тĕп проблемăсене тупма тата палăртма пултармалла.

Г.И. Федоров каланипе килĕшүүлĕн, вулав меслетлĕхĕн никĕсĕнче уйрăм хайлав тата уйрăм автор тăраççĕ. Литература историйĕ те хайлавсене тишкернинченех ўтленсе пырать. Куна май хайлавпа истори хушшинчи тĕвве те тĕпчесе пăхмалла. Кун йышши сыханусене палăртакан меслетсем çаксем: танлаштару, обзор (пĕр-пĕр произведение ыттисемпе пĕрпеклĕх е уйрăмлăх енчен тишкерни)... Тепĕр чух тĕрлĕ сыравçă хайлавĕсене шайлаштарма та юрать. Сюжет тытки вĕсен пĕр пекех, анчах ун аталанăвĕ тĕрлĕ. Нарспи вилет — Салампи (А.Артемов) телей тупать, Нарспи (ашшĕ-амăшĕ айăпне пула) усал сул çине тăрать — Салампи савалпăх анинче сўрет, Нарспи хупăрлакан тĕнче майĕпен хĕсĕнет (сўрхи шыв кĕрлени, вĕçĕнче шыв курка вĕçне юлни) — Салампин анлăланса, уçалса пырать. Темĕсе абзац сўлерех калани кунта та тĕл килет: кун пек шайлаштару-танлаштару хай тĕллĕн сĕç тăни ним усаçар юлать. Çавăнпа танлаштару объектĕсенчен пĕрне («Нарспи», калăпăр) хайлавăн пĕтĕмĕшле сăнарлăхĕ енчен те хакламалла. К. Ивановăн илемлĕ тĕнчи патне тухмалла. Çакăн пек тишкерў тутарттарни 10—11-мĕш классен программипе сўраçулă. Çавăнпа та ĕнтĕ çак классенче уса курмалли вĕренў кĕнекисенче илемлĕ тĕнче çине пусăм тунă та.

Л.В. Власова

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВА В ПОЭМЕ К. ИВАНОВА «НАРСПИ»

В последнее сорокалетие проводилась значительная работа по диалектологическому обследованию чувашезычного ареала Среднего Поволжья и Приуралья. Опубликованы диалектологические словари, монографии, составлен атлас чувашского языка.

В составе чувашского языка необходимо отметить два основных диалекта, или наречия: низовой диалект («анатри»), характерный для чувашей, живущих в южных районах

Чувашской Республики, Ульяновской, Самарской, Оренбургской областях и в Республиках Татарстан и Башкортостан, и верховой диалект («вирьял», «тури») — для живущих на территории Чувашской Республики (в Моргаушском, Ядринском, Аликковском, Вурнарском и других районах). Основным отличием является то, что по звукосоответствию у и о в первом слоге слова низовой диалект можно назвать укающим, а верховой — окающим («*нур*» — «*пор*» — «есть»; «*урана*» — «*орана*» — телега).

Диалектный язык — язык, территориально ограниченный. В отличие от литературного языка он имеет только устную форму. Но между тем диалектизмы нередко используются в литературном языке, в частности, в художественных произведениях.

Умело и эффективно использует диалектизмы в своих произведениях классик чувашской поэзии К.В. Иванов, автор ряда крупных произведений: «Нарспи», «Тӓлӓх арӓм», «Тимӓр тыӓӓ», «Икӓ хӓр» и других.

Проблема диалектизмов в чувашском литературном языке получила широкое освещение. Но в то же время диалектизмы и их происхождение в поэзии К.В. Иванова специально не исследовались. Между тем язык Иванова интересен с точки зрения использования в нем различных диалектизмов.

По нашим исследованиям, в поэме «Нарспи» 6 диалектизмов. Все они относятся к низовому диалекту. Это обусловлено тем, что К. Иванов родился и вырос в селе Слакбаш Белебеевского района Республики Башкортостан, для которого характерен диалект *анатри*.

Рассмотрим диалектизмы, заимствованные из других языков. *Ерпе* «тихо, потихоньку, медленно» (лит. *ерпен*):

Џӓнӓ кӓпе-йӓмпеле
Тухрӓс вӓсем урама,
Тухрӓс вӓсем *ерпе*,
Утрӓс ирех туй курма.

Ӗретлет «посетить» (лит. *ӓретлет* «приводить в порядок»):

Карчӓк яла *ӓретлет*,
Тӓттӓм те пулса ӓтет;

Карчак сўрет килёнче,
Сәкәр-тәвар хатёрлет.

Кәнтарас «соглашаться, приходиться к согласию» (лит. *килештер* «тж.»):

Агте-анне ухмаз сав,
Мён каласа *кәнтарас*?
Мён тәвар-ха, кала-ха:
Аста каяс, мён тәвас?

Маташ «валандаться, возиться»:

Ларать старик тәпелте
Сәпатине сапласа,
Ват ал-ура йёркипе
Мёшәл-мёшәл *маташса*.

Сурәмпүс «заря, рассвет» (лит. *шурәмпүс* «тж.»):

Сурәмпүс сәп-сугах.
Хёвел тухас пек тәрать.
Сурәмпүс шурсанах,
Туй халәхә пухәнать.

Пичёке «бочка» (лит. *пичке* «тж.»):

Урхамах пек лашисем
Утә-сәлә сиессә,
Унән выльәх-чёрлөхсем
Пичёке пек сүрессә.

Можно сделать следующие выводы. В поэме «Нарспи» очень много заимствований из татарского и русского языков. И их глубокое и всестороннее изучение — дело будущего. Проживание чувашей совместно с татарами и башкирами, безусловно, наложило отпечаток на лексику носителей чувашского языка в Приуралье. Самобытный чувашский язык, заимствуя из других языков слова, не только он не испытал ущерба, а, наоборот, обогатил свой словарный запас.

1 №

«Сарӑ хӑр» сыпӑкӑн чӑвашла варианчӑ тата ун куҫарӑвӑсем*

Сарӑ хӑр

Ешӑл курӑк хушшинче
Сап-сарӑ чечек ӑсет,
Аслӑ Силпи ялӑнче
Нарспи ятлӑ хӑр ӑсет.
Пичӑ-куҫӑ пит хӑхӑм,
Хирти сарӑ чечек пек.
Икӑ куҫӑ хуп-хура,
Икӑ хура шӑрҫа пек.
Явӑнаҫҫӑ хыҫалта
Ҫивӑт вӑҫӑ кӑтрисем.
Утса-утса пынӑ чух
Шӑнкӑртатать тенкисем.
Куҫӑсемпе пӑхнӑ чух
Каччӑн чӑри ҫӑкленет.
Ҫӑхе тути кулнӑ чух
Каччӑн чунӑ ҫемҫелет.
Хирти сарӑ чечеке
Ашӑ куҫпа кам пӑхмӑ?
Ун пек лайӑх хитре хӑре
Мӑнле каччӑ юратмӑ?

(Иванов К.В. Ҫырнисен пуххи. Иккӑмӑш, хушса тӑрлетнӑ кӑларӑм.
Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 1990. С. 90.)

Нарспи

Меж зеленой травкой в поле
Золотой растёт цветочек.
И Нарспи цветком весенним
В славном яле расцвела.

* Приложение к статье А.П. Хузангая «Образ и денотат (Сарӑ чечек в 1-й строфе главы второй «Сарӑ хӑр»)» на стр. 65—73.

Словно черные агаты,
У Нарспи сверкают очи.
Косы низко, мелко выются,
Стан девичий не согнется.
Как пойдет лебяжьим шагом —
Зазвенят монисты звонко.
Как окинет ясным взором —
Затрепещет сердце парня.
Улыбнется, засмеется —
Сердце молодца растает.
Кто не взглянет теплым взглядом
На цветочек золотистый?
Кто же может отказаться
Любоваться ненаглядной?

*(Иванов К.В. Нарспи. Поэма / Вольный перевод с чуваш. А. Петтоки.
М.: Госиздат «Худож. литература», 1937. С. 15–16.)*

Красная девица

То не в поле красным летом
Цветик аленький растет, —
То в Сильби весенним цветом
Юность девичья цветет.

Кто Нарспи не подивится?
Угодит на всякий вкус:
Блещут очи сквозь ресницы,
Словно зерна черных бус.

Надо лбом высоким, чистым
Шелк кудрей, к звену звено,
И звенят на ней монисты
С легким шагом заодно.

Чуть Нарспи на парня взглянет —
Сразу сердцем тает он,
От ее улыбки станет
Сам не свой, как бы хмельён.

Кто душой не умилится
Над цветком родной глуши?

Кто красавицу-девицу
Не полюбит от души?

(Иванов К.В. Нарспи. Поэма / Пер. с чуваш. Б. Иринаина; под ред. Л. Пеньковского. М.: Изд-во «Худож. литература», 1965. С. 17.)

Красная девица

Одуванчик ярко-желтый
Средь травы цветет в степи,
А в Сильби растет девица
С редким именем Нарспи.
На лицо она прекрасна,
Как цветочек полевой.
Очи — черные агаты —
Блещут силой огневой.
Вьется локон своевольный,
От косы спускаясь вниз.
В лад с походкою девичьей
Раздается звон монист.
Лишь окинет парня взором —
Затрепещет сердце в нем;
Улыбнется — переполнит
Душу негой и теплом.
Кто приветливо не взглянет
На цветок родных полей?
Кто, красавицу увидев,
Не вздохнет потом по ней?

(Иванов К.В. Сырнисен пуххи. Иккёмёш, хушса тўрлетнэ каларам.
Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1990. С. 91; пер. П. Хузангая.)

Нарспи

Как цветок в траве зеленой,
Зацвела в селе Сильби,
Зацвела краса-девица,
И зовут ее Нарспи.
Точно розы в день весенний,
Щеки юные пылают,
А под темными бровями
Очи черные сверкают.

За спиною косы бьются,
Кудри вьются на концах...
Звон монистов раздаётся,
Как сойдет она с крыльца.
Взглянет — сердце всколыхнется
У любого молодца.
Если нежно улыбнется —
Парень сменится с лица.
Кто цветку не умилился,
Зачарованный красой!
Кто красавицу такую
Не полюбит всей душой!

(Иванов К.В. Нарспи. Поэма / Пер. с чуваш. В. Паймена. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1958. С. 15.)

Красная девица

Первоцвет огнем полей
Расцветает там, где травы,
А в Сильби растёт, ей-ей,
Девушка Нарспи на славу.
Словно цветик полевой
Лик красавицы-девицы,
Очи черные звездой
Светятся через ресницы.
Кудри кос сбегают вниз,
Тонкой талии касаясь;
Слышен мерный звон монист,
Поступь славная — на зависть.
Парень сразу сам не свой, —
Коль она окинет взглядом.
Улыбнется — и любой
Засияет с нею рядом.
Кто цветок с родных полей
Не окинет нежным взором?
Коль девицы нет милей,
Кто ж при ней не вспыхнет вскоре?

(Иванов К. Нарспи. Поэма / Куçараканĕ А.С. Смолин. Шупашкар: ЧПГАИ, 2001. С. 17, 19.)

Нарспи

Үсә һары бер сәскә,
Ә тирәлә гел сизәм;
Шулай үсә Силбизә
Нарспи тигән бер сибәр.
Кырзың һары гөлөндәй,
Нокланырлы йөззәре,
Ике кара төймәләй,
Унын кара күззәре.
Бөзрә толум остары
Билдәренә ишелә,
Атлағанда тәңкәләр
Сыңлағаны ишетәлә.
Уның һәр бер карашы,
Егеттәрзе ярһыта,
Бер йылмайып ебәрһә,
Йөрәктәрзе яктырта.
Кырзың һары сәскәһе
Кемде генә каратмас?
Шундай һылау, саф кыззы
Ниндәй егет яратмас?

(Тәржемәсене Рахман Кәли, Мөстай Кәрим редакцияһында // Нарспи.
Өфө: Башкортостан китап издательствоһы, 1960. С. 14.)

Гүзәл кыз

Яшел чирәм арасында
Сап-сары чәчәк үсә,
Силби — чуваш авылында
Нарспи атлы кыз үсә.
Бите-күзә бик чибәр,
Кырда сары чәчәк күк.
Ике күзә чем-кара,
Ике кара сәдәп күк.
Озын толым — бөдрәле,
Жем-жем уйный тасмасы.
Атлап-атлап барганда,
Чыңлыый көмеш тәңкәсе.

Күзә белән бер бакса,
Егет күңле яктыра,
Нечкә ирене бер көлсә,
Егет жаны ашкына.
Кырда сары чәчәкне
Кемнәр өзелеп сөймәс соң?
Шундый матур кыз өчен
Нинди егет көймәс соң?

(Чуваш теленнән Шәрәф Мөдәррис тәржемәсе // Нарспи. Казан:
Татарстан китап нәшрияты, 1958. С. 13.)

Сары Ыдыр

Кырык ыдырныш нырыштыжы
Сар пеледыш ак пелед, —
Тиды Сильби солаштыжы
Ыдыр Нарспи кушкеш вет.

Ти ыдырым ужын колтет,
Тыл ыдыжеш йангышты:
Кок сынзажы кайыт полтке,
Шим шер ганьы сарныштыт.

Савыц логыц сар кыйыржы
Лепка ыды вазылтын,
Мелсергавля онгыштыжы
Ашкыл семеш мадылтыт.

Ыдыр ыды анжалмашеш
Рвезын шекшы палдырна;
Йырылталеш, эртен каштеш,
Попаш веле аптыргя.

Сар пеледышым анжалын,
Кү йа шылаш ак тынгал?
Цевер ыдыр вык анжалын,
Кү яраташ ак тынгал?

(Пер. А. Канюшкова. Нарспи // Пеледшы сәндәлык. Марийский АССР
Советский Писательвлан Союзын альманах. № 23. Марийский кн. изд-ын
Козьмодемьянский филиал, 1953. С. 75—76.)

Чебер ныл

Лудысь турың-куар пöлын
Яркыт-чуж сяська будэ.
Чуваш гуртын — Сильбиын —
Нарспи нимо ныл будэ.

Чыжыт чебер бамъёссэ
Бусы сяськаос шуод.
Сьод сугэр кадь синъёссэ
Кык сьод весьёс кожалод.

Ваё пунэм йырсияз
Чагыр тасма со кертгэм
Уяса кадь ветлэмяз
Жингыр вазе чигвесез.
Егит пи шоры учкиз ке,
Сюлэмзэ ик вырзытоз.
Пиед шоры пальпотйз ке,
Мылкызэ солесь шунтоз.

Кыће мурт уз яраты
Лудысь мусо сяськаез?
Кыће пи нош вунэтоз
Сокем чебер нылмуртэз?

(Пер. А. Афанасьева и М. Можгина // Нарспи. Ижкар: Удмурт кн. изд-во,
1962. С. 12—13.)

Sarı Kız

Yeşil çimler içinde,
Sapsarı çiçek büyür.
Büyük Silpi köyünde,
Narspi adlı kız büyür.

Yüzü gözü pek güzel,
Sarı çiçekler gibi.
Kapkara iki gözü,
Kara boncuklar gibi.

Salınıyor ardında,
Saçının örgüleri.

Bir edayla yürür de,
Şingirdar takıları.

Göz ucuyla bakınca,
Yürekleri hoplatır.
Narspi bir de gülünce,
Hangi gençte can kalır.

Sarı kır çiçepine,
Kim sevgiyle bakmaz ki?
Böyle güzel bir kıızı,
Gençler nasıl sevmez ki?

(Çeviren: Emine Yılmaz // Ivanov K.V. Narspi: Çuvaşça bir aşk öyküsü / Haz. Emine Yılmaz. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2006 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu Yayınları: 876. S. 167—168.)

№ 2

ПЛАН-ПРОСПЕКТ научно-популярной энциклопедии «НАРСПИ»*

В предполагаемой энциклопедии должна быть представлена творческая история создания шедевра чувашской словесности, основные характеристики образной структуры текста поэмы, содержательные категории, отражение традиционной чувашской культуры в поэме, эволюция взглядов, интерпретаций текста в 20—30-е, 40-е, 60—70-е гг. XX века вплоть до сегодняшнего дня.

Поэма «Нарспи» как источник вдохновения для художников, композиторов, актеров и режиссеров. «Нарспи» — в живописи, книжной и станковой графике, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве; на театральной сцене (драматические спектакли, опера); в кино, радио и ТВ.

Поэма как классический объект искусства в чувашской культуре нового времени. Вхождение «Нарспи» в общерос-

* Автор проекта энциклопедии «Нарспи» (культурно-исторический памятник) — Атнер Петрович Хузангай, заведующий отделом языкознания ЧГИГН. План-проспект подготовлен в октябре 2009 г.

сийский и мировой литературный контекст (переводы, оценки видных поэтов, переводчиков, деятелей культуры).

Энциклопедия «Нарспи» состоит из ряда тематических статей большого (5000–7500 знаков), среднего (1000–2000 знаков) и малого (500–700 знаков) объема, кратких персоналий, статей-толкований отдельных лексем, выражений, реалий, терминов в этнокультурологическом и текстологическом аспектах. Статьи будут сопровождаться образным рядом (фотографии, репродукции работ художников, другой иллюстративный материал).

В приложении будет дан филологический перевод поэмы на русский и английский языки, параллельно с чувашским текстом оригинала. Также будут даны статистические параметры языка «Нарспи» в виде алфавитно-частотного, частотного словариков, частотных списков по семантическим полям: Ял, Вӑрман, Хӗвел, Шыв и др.

Словник (проект)

Статьи тематические

Идейное содержание «Нарспи»

Тематика

Поэтика

Категории времени и пространства

Реальное и символическое

Нравственные и эстетические характеристики героев (Нарспи, Сетнер, Тӑхтаман, Михетер)

Трансформация «любовного треугольника» (Нарспи, Сетнер, Тӑхтаман)

Второстепенные персонажи (юмӑс, шӑпӑрҫӑ, Сетнер амӑшӗ, Михетер карчӑкӗ и др.)

Образ народа

Природа (пейзаж) в «Нарспи» как мир творения

Натурфилософия поэмы

Природные стихии (первоэлементы):

Земля (Ҫӗр)

Вода (Шыв)

Солнце (Хӗвел)

Ветер (Ҫил)

Огонь (Вут)
Архетипы-локусы ЯЛ, ВӀРМАН

Рецепция фольклорных жанров:

Проклятие (ьлхан)
Благословение (пил)
Пословицы (ваттисен сӀмахӀ)
Загадки (тупмалли юмах)
Молитва (кӀлӀ)

Обряд в «Нарспи»:

Свадьба (туй)
Праздники (АслӀ КалӀм, СӀнсе, АслӀ СӀварни, СӀмӀк, Учук)
Поминание (асӀнни, асӀну)

Боги (ПӀлӀх-ТурӀ, Киремет, ПӀлӀхсӀ)

Интертекстуальность сюжета повести о несчастных влюбленных (Тристан и Изольда, Юсуф и Зулейха, Лейла и Меджунун, Вис и Рамин, Тахир и Зухра, Ромео и Джульетта)

Рукопись «Нарспи» (текстологический комментарий)

Архитектоника поэмы

Разбиение на главы

20-строчная строфа

Метр и ритм

Рифма

Параллелизм

Аллитерации

Язык «Нарспи»:

Лексическая структура (словарь)

Топика (образная структура)

Семантика отдельных ключевых лексем и синтагм:

Сар

ТурӀ сӀрни

ПӀлӀх-ТурӀ пӀрни

ПӀлӀх-ТуррӀн кӀмӀлӀ

БӀрӀ (сын)

Сичё ют
и др.
эпитет
метафора
сравнения
олицетворения
Фразеология

Фонетическая структура (+звукопись)
Синтаксические особенности
нарспилёх

Жанр «Нарспи»
Академические издания «Нарспи» в составе Собраний
сочинений (1957, 1990, 2000)

Творческий метод
Интерпретации в чувашском литературоведении:
Вульгарно-социологическая
Критический реализм
Романтизм
Ренессанс
Мифологизм
Интерпретации философские, этнопедагогические
Народная этика и эстетика в «Нарспи»
Отражение религиозных взглядов

Топография поэмы реальная и сакрализованная

История книжных изданий «Нарспи» (место и год издания,
тираж)

Художественная Нарспиана:
Книжная графика
Живопись
Скульптура
Станковая графика
Декоративно-прикладное искусство
Самодетельное творчество

История драматических постановок
Самодетельные спектакли

Профессиональный театр
 Драматические инсценировки (М. Данилов, П. Осипов,
 В. Алагер, А. Кӑлкан, С. Ялавин, И. Молодов, Я. Ухсай)

История оперных постановок «Нарспи» и чувашская музыка
 Мюзикл «Нарспи»

Переводы «Нарспи» на русский язык
 языки народов России
 иностранные языки

Personalia

<p>Художники: Быков Ф.С. Мясников А.Ф. Григорьев И.Т. Харлампьев Г.Д. Сизов П.В. Миттов А.И. Юрьев Э.М. Праски Витти (Петров В.П.) Мокеев Э.М. Бритвин В.Г. Зайцев Ю.А. Спиридонов М.С. Сверчков Н.К. Овчинников Н.В. Агеев В.И.</p>	<p>Литературоведение: Репин К.В. Ефимов Д.Ф. Шупуӑссынни Н.В. Комиссаров-Вантер Г.И. Петров Д.П. (Мётри Юман) Данилов Д.Д. Кели-Кузнецов Г.И. Золотов Н.Я. Золотов А.И. Ялавин С.В. Данилов Н.Ф. Ухсай Я.Г. Сироткин М.Я. Долгов В.А. Сутягин И.Н. Горский С.П. Спиридонов С.С. Хлебников Г.Я. Артемьев Ю.М. Родионов В.Г. Федоров Г.И. Александров (Убасси) Ст.А. Егоров В.П. Станьял В.П.</p>
<p>Театр (драматический): Осипов П.Н. Родионов Л.Н. Яковлев В.Н.</p>	<p>Опера: Павлов Ф. П. Иванишин В.Г.</p>
<p>Исполнительницы роли Нарспи: Ырзем О.И. Дмитриева Ф.Д. Долгова А.А.</p>	

Ананьева Р.И. Ерусланова Т.Н. Кузьмина В.К. Григорьева Н.И. Иванова В.А.	Пустыльник И.Я. Хирбю Г.Я. Асламас А.В. Васильев Ф.С. Вуколов-Эрлик Ф.Н.
Исполнительницы партии	
Нарспи:	Толстова Л.Н.
Чумакова Т.И.	Смирнова В.В.
Сорокина Л.С.	Яковлева Л.В.
Иванова В.Т.	Казаков Н.Н.
Белова Е.И.	Чиндыков Б.Б.
Андреева З.З.	Ильц Н.А.
Зинкина А.В.	Васильев А.В.
Прокопьева З.Н.	Ефремов К.В.

Телепоэма «Нарспи» (реж. В.Оринов, В. Иовлев, 2000)
 Фильм «Алран кайми...» (Казанская студия кинохроники,
 1974; реж. А. Сырых, сцен. Г. Айги)

Статьи-толкования
 (семантика отдельных лексем и синтагм)

Силпи	Пуса каччи
Аслă Калăм эрни	Џимёк курăкё
Вайă	Хёр сұммисем
Џакă сұтă тёнчере	Юмăс
Шұлкеме	Пұлех-Турă
Тевет	Пұлехсё
Ирхи сълтър	Киремет
Хатана килни	Киремете хывни
Џинсё	Йёрех
Аслă саварни	...ури айне шăрт хурса
Валак	Арсын туйё
Џимёк	Џенё хапха
Шăпăрсă (шăпър)	Ырă йевёчё
Туй	Мăн керў
Туй кўми	Хёр туйё
Туй лартни	...турёс вай-килли
Сăра чёресси	Туй пăтти
Пёркенчёк	...шыв-шур пусё пусласан

<p>хёве хупрѣс кѣлете (Хёве хупмалла) ...сичѣ сѣрте урамра чаранчѣс Шурă пурт Арсурисем ...вѣрет, сурать сарă кин, каrchăк Шăпатан ...йѣтет ...ѣтленет Чăваш кѣпи улача Учук хысқан чăвашсем ...айкашрѣсѣ хирсенче Валем, купа, капан Ахăрсамана хускалать Турă сырни</p>	<p>Каçхи вайă-уллах Ырă пирѣшти Пулѣх Харпан Сут тѣнче Кăвак хуппи Сут хевел Турăран килѣшшѣ пусна! Эрнекуна асанса Аслă масар-хăямат ...шѣшкѣрен сатан лартрѣс саварса Пулѣх-Турран кăмăлѣ ...сумър сумасан шыв сапассѣ тăприне</p>
---	--

3 №

«Нарспи» поэмăра тĕл пулăкан идиомăсем*

- алли-ури сăмăл* «проворный»
апат нар «кормить»
апать ту «есть, кушать»
арăм пул «стать женой»
арăм ту «взять в жены»
арман чулѣ чѣре синче авăрать «мельничные жернова давят на сердце»
асап кăтарт «мучить»
асап кур «мучиться, страдать»
асап кур «приносить мучение»
асап пулчѣ «настало мучение»
асап тус (чăт) «терпеть мучение»
ахăрсамана «светопреставление»
ăн кĕр (килсе кĕр) «прийти в себя»
ăсран кăлар «свести с ума»
ăш сунать «душа (сердце) горит»
ăш суннине пусар «успокоить душу»
ăша сунтар «вызывать тягостные чувства»

* Е.Ф. Васильеван «К.В. Иванован «Нарспи» поэминчи идиомăсен ыранĕпе пĕлтерешĕ» (88—89 с.) статийин тезисĕсем патне хушнă материал.

айш кұс «приветливые глаза»
айш сәмах «приветливые слова»
айш-чике сур «разрывать душу»
вай кәрет «сила (энергия) прибавляется»
вай ситет «сил хватает»
вайран кай (тұх) «обессилеть»
вайкәр нек ёс ту «работать усердно»
вәри вут нек силё «сильный гнев»
вәри юн «горячая кровь»
вәри юнлә чәре «пылкое сердце»
вәссе кай «умчаться»
вәссе суре «порхать»
вәссе тұх «вылететь»
виле ұсёр «очень пьяный»
вилес нек «на краю жизни»
вут-хём нек силё «страшный гнев»
ёмёр пәрле нурән «жить всю жизнь вместе»
йёвенү ман аләра «твоя узда (судьба) в моих руках»
йывәр кун «черный день»
йывәр ыйхә «смерть»
качча пар «выдать замуж»
кәмәл пулсан «если есть желание»
кәмәл ту «проявить любезность»
кәмәл тыт «желать, хотеть»
кәмәла ситер «доставить удовольствие»
кәмәла тат «испортить настроение»
кәлрен вутә ту «золу превращать в дрова»
кәссе нит «бесстыжий»
кәссе чун «бессовестная душа»
кун сүти кур «увидеть свет»
курассине кур «испытать, что суждено»
куса чакәртса пәх «сделать большие (круглые) глаза»
кусәнчен вут кайрё «искры посыпались из глаз»
кусран сұхал «пропадать из поля зрения»
кутне-нусне туп «найти, где начало и где конец»
май туп «найти повод»
намәс кәтарт «опозорить»
намәс кұр «осрамить»
намәс ту «опозорить»
нар нек хитре «как маков цвет»

пёҗсе шарт җап «всплеснуть руками»
пётём яла җёмёр «поднять шум на всю деревню»
пуса каччисем «холостые парни, сопровождающие свадебный
 поезд жениха»
пуҗ (пуҗам) пётрё «пропала головушка»
пуҗ тай «ломать шапку»
пуҗ ус «повесить голову»
пуҗ усайнчё «опустилась голова»
пуҗа җёкле «поднять голову»
пуҗа җи «погубить голову»
пуҗа ух «гордо кивать головой»
пуҗа чик «склонить голову»
пуҗамна пёт «пропасть, погибнуть»
пуш уйах «март»
пыр тёнё яранать «в горле гудит (от предчувствия угощения
 или выпивке)»
сарй каччй «красивый парень»
сарй хёр «красивая девушка»
саймах илт «получать упрек»
саймах пётрё «разговор кончился»
саймах пар «надуть в уши»
саймах сарйльчё «распространился слух»
саймах (такмак) җаптар «увлеченно разговаривать»
саймах чён «молвить слово; возразить»
сём хупларё «окутала тьма»
сётел авйанать «стол ломится»
сивё кун «хмурый день»
җавар кар «разинуть рот»
җакйр-тавар умарта пултйр «да будет перед вами хлеб-соль
 (формула поминовения усопших)»
җемсе чун «мягкая, жалостливая душа»
җёмёрсе кил «поднять шум и гам»
җёрме пуян «очень богатый»
җёр җёмёрсе «во весь голос»
җёр җурса (җурасла) «благим матом»
җилё килет «зло берет»
җирёп җын «стойкий человек»
җичё ют «чужие люди (не родственники)»
җук сын «бедный человек»
җул тульчё «достиг (достигла) совершеннолетия»

сул ус «проложить (проторить) дорогу»
сутӑ тӗнче «белый свет»
сутӑлса тӑр «лучиться»
сынна си «перемывать косточки»
тамӑкра ниç «гореть в аду»
тамӑкри нек ахӑр «бушевать как в аду»
тату пул «быть в мире и согласии (пожелание молодым)»
тату пурӑн «жить мирно, в согласии»
тӗç кӗрет «становиться красивым»
тӗç кӗрт «придать красоту»
тӗнче вӑр-вар çаврӑнать «земной шар перевертывается»
тӗнче кисренет «земной шар трясется»
турӑ каçартӑр! «прости, боже!»
турӑ пани «божья милость»
турӑ пар «дай боже»
турӑ пурни «божье предопределение»
турӑ пулайтӑр! «бог в помощь!»
турӑ сырлах «боже упаси!»
турӑ сырни «рок, судьба; суженый»
турӑран хӑра «бойся бога»
турӑçӑм сывлӑх пар! «дай, боже, здоровья!»
турра шан «надейся на бога»
тутлӑ çывӑр «спи спокойно»
тутлӑ ыйхӑ «сладкий сон»
ура çӗкленсе каять «чувствовать душевный подъем»
усал кун «несчастный день»
усал куç «дурной, злой глаз»
усал сӑмах «дурное слово»
усал тӗнче «страшный мир»
усал чун «вредная душа»
усал шухӑш хускалат «возникает дурная мысль»
усал ят «дурная слава»
хал пӗтрӗ «сила кончилась»
хӑвӑн ёçне ту «делать свое дело»
хӑй тӗнчине пӑхӑн «подчиниться законам своего времени»
хӑлхана кӗр (килсе кӗр) «дойти до ушей»
хӗве хуп «поместить молодоженов в амбар (после свадебного пира)»
хӗн-хур кур «терпеть притеснения»
хӗр пар «выдать девушку замуж»

хёр сураç «сватать девушку»
хисеп ту «оказать уважение»
хуйха пусар «утешить»
хуйхă-суйхă татăлчĕ «горе исчерпалось»
хура вăрман «дремучий лес»
хура пурт «курная изба»
хурлаха хăвар «оставить в горе»
хуçа пул «стать хозяином»
хытă кун «тяжелый день»
хытă чун «черствая душа»
хытса кай «ожесточиться»
чĕре лăпланчĕ «отлегло от сердца»
чĕре çĕкленет «сердце радуется»
чĕре çунать «сердце горит»
чĕре çурăлат «сердце разрывается»
чĕрене çĕклентерет «радует сердце»
чĕрене çиет «вызывает боль в сердце»
чĕре кăлт-кăлт сикет «сердце бьется неодинаковыми толчками»
чипер кай! «счастливого пути!»
чун вăр-вăр тăвать «душа тревожится»
чун вĕркет «душа беспокоится»
чун касăлат «душа болит»
чун пар «дать жизнь»
чун пĕтрĕ «пропала (погибла) душа»
чун çемçелет «душа смягчается»
чун çунать «душа горит»
чун хытрĕ «душа ожесточилась»
чуна кăлар «вытянуть душу»
чуна кур «понять душу»
чуна сур «разорвать душу»
чунĕ ўтне хăварчĕ «душа оставила тело (улетела)»
чышкă пар «ударить кулаком»
шăм-шак çĕртĕр «пусть сгниет тело»
шăннă юн «заледененная кровь»
шухăш хускал «появилась мысль»
ыйхă килет «спать хочется»
ырай кун «прекрасный день»
ырай кур «наслаждаться, быть счастливым»
ырай куç «добрые глаза»

ырӑ сын «добрый человек»
ырӑ чун «добрая душа»
ырлӑха пул «быть к добру»
юрлӑ сын «бедный человек»
юта кай «выйти замуж»
ят кайр̆ (п̆тр̆) «пропало доброе имя»
ят пулч̆ «появилась дурная слава»
ят сар «распространять дурную славу»
ят с̆рч̆ «опозорился»
ят тухать «распространяется дурная слава»
ят юлать «остается имя»
ята яр «нанести (бросить) тень»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов Валентин Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Артемьев Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Бурков Леонид Николаевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела энциклопедии МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева.

Васильева Елизавета Федоровна – кандидат филологических наук, доцент.

Владимирова Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Власова Лариса Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З. Биешевова Республики Башкортостан.

Димитриева Инна Петровна – выпускающий редактор издательско-полиграфического отдела ЧГИГН.

Ендеров Вячеслав Александрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики ЧГИГН.

Ермаков Анатолий Михайлович – соискатель ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Ермакова Галина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания чувашского языка и литературы ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Желтов Михаил Павлович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Кириллова Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры чувашского и сравнительного литературоведения ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Лебедева Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания чувашского языка ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.

Плоскова Мария Алексеевна – научный сотрудник ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН.

Родионов Виталий Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, декан факультета чувашской филологии и культуры, заведующий кафедрой чувашского и сравнительного литературоведения ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Родионова Эльвира Ильинична – старший преподаватель кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Семенов Юрий Семенович (Семендер) – народный поэт Чувашии.

Семенова Татьяна Ивановна – лаборант-исследователь отдела литературоведения и фольклористики ЧГИГН.

Терентьева Ольга Николаевна – кандидат философских наук, научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики ЧГИГН.

Тестов Юрий Станиславович – директор Дворца культуры ЧГУ им. И.Н. Ульянова, соискатель.

Трофимов Геннадий Федорович (Юмарт) – старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики ЧГИГН.

Федотова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики ЧГИГН.

Хузангай Атнер Петрович – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела языкознания ЧГИГН.

Чекушкина Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

Содержание

От составителя	3
<i>Ю.М. Артемьев.</i> Сут сáнталáк килтерёшлëх («Нарспи» поэмáн 100 сáулне халалланá пухура каланá сáмах)	5
<i>В.Г. Родионов.</i> К проблеме изучения поэмы «Нарспи» (60—90-е гг. XX в.)	11
<i>М.А. Плоскова.</i> Видеовербальная этнокультура в произ- ведениях современников XX века «Нарспи» К.В. Иванова (Республика Чувашия) и «Мичаныв» М.Н. Лебедева (Республика Коми)	16

Секция:

Отражение чувашской философии жизни в «Нарспи»

<i>Г.А. Ермакова.</i> Особенности концептосферы в поэме К.В. Иванова «Нарспи»	20
<i>Г.А. Ермакова, А.М. Ермаков.</i> Трагическое в поэме К. Иванова «Нарспи»	26
<i>Г.А. Ермакова, А.М. Ермаков.</i> Особенности представ- ления сил Хаоса и Космоса в поэме К. Иванова «Нарспи»	29
<i>М.П. Желтов.</i> Хальхи вáхáтри Нарспи	35
<i>В.А. Абрамов.</i> «Нарспи» поэмáри юратупа сэмье ыйтáвёсем (Философипе эстетикáн хáш-пёр аспектёсем)	38
<i>Е.А. Лебедева.</i> Мифологические аспекты поэмы «Нарспи»	41
<i>О.Н. Терентьева.</i> «Ырá Нарспи аппáсáм, áсá санáн телейú?» (К.В. Ивановáн «Нарспи» поэми тáрáх)	48
<i>Т.И. Семенова.</i> Нарспи хáюлáхë паянхи куспа	51
<i>В.А. Ендеров.</i> Демонизм произведений К.В. Иванова	54

Секция:

Тайна «Нарспи» и чувашская культура XX—XXI вв.

<i>В.Г. Родионов.</i> О борьбе добра со злом (К проблеме коэкзистенции чувашских писателей начала XX в.)	61
<i>А.П. Хузангай.</i> Образ и денотат (<i>Сарá чечек</i> в 1-й строфе главы второй «Сарá хёр»)	65

<i>Е.В. Федотова.</i> Чувашские народные приметы и поверья в поэме «Нарспи»	74
<i>И.Ю. Кириллова.</i> «Нарспи» поэмӑн малтанхи тишкерёвёсем	79
<i>Г.Ф. Трофимов (Юмарт).</i> «Нарспи» поэмӑна хӑсан сырӑна?	83
<i>О.Г. Владимирова.</i> «Нарспи» поэмӑн сӑвӑ хывӑм уйрӑм-лӑхёсем	86
<i>Е.Ф. Васильева.</i> К.В. Ивановӑн «Нарспи» поэминчи идиомӑсен вырӑнӑпе пӗлтерӗшӗ	88
<i>Е.П. Чекушкина.</i> «Нарспи» поэмӑра хӗвел сӑнарне ӱкернин хӑй евӗрлӗхӗ	89
<i>Ю.С. Тестов.</i> Связь музыки и мифа в поэме «Нарспи»	94

Секция:

Поэма «Нарспи» в контексте мировой литературы

<i>Л.Н. Бурков.</i> Поэма К.В. Иванова «Нарспи»: перевод и создание художественных произведений на марийском языке	99
<i>Ю.С. Семенов (Сементер).</i> «Нарспи» поэмӑна ытти чӗлхесене кушаракансем	101
<i>И.П. Димитриева.</i> К.В. Ивановӑн «Нарспи» тата А. Навоин «Лейлипе Меджнун» хайлавёсенчи сюжет пӗрпеклӗхӗ	108
<i>Э.И. Родионова.</i> К.В. Ивановӑн «Нарспи» поэми тата ӑна шулта вӗрентес ыйтусем	111
<i>Л.В. Власова.</i> Диалектные слова в поэме К. Иванова «Нарспи»	113
Приложения	116
Сведения об авторах	135

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ТАЙНА ПОЭМЫ
«НАРСПИ»
И
ЧУВАШСКАЯ КУЛЬТУРА
XX ВЕКА

Сборник материалов конференции

Редактор-составитель *Ендеров В.А.*

Редактор *В.А. Прохорова*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Оригинал-макет *Э.В. Кирилловой*

Подписано в печать 14.01.2010. Формат 60x90^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать оперативная. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 7,56. Тираж 150 экз. Заказ № 2.

Отпечатано в типографии Чувашского
государственного института гуманитарных наук
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1